

INSPIRIA

ПОЛНОЧЬ
в кафе
"ЧЕРНЫЙ
ДРОЗД"

Хэзер Уэббер

INSPIRIA

Annotation

Анна-Кейт приезжает из Бостона в уютный южный городок, расположенный у горного хребта, чтобы разобраться с наследством. Когда-то ее мать буквально сбежала из этого места. Анна-Кейт тоже не собиралась здесь задерживаться, но отныне ей принадлежит семейное кафе "Черный дрозд", с которым связано слишком много загадок и местного фольклора, и она понимает, что не сможет закрыть его одним днем – местных жителей это очень расстроит. Тем более, по преданию только Анна-Кейт, наследница, может правильно приготовить знаменитые "пироги с дроздами", блюдо, что наделяют здесь мистическими свойствами.

Осторожные намеки на волшебство, мягкий юмор, атмосфера небольшого, уютного города... идеально для поклонников Сары Эдисон Аллен и Элис Хофман. – *Booklist*

Старинные секреты и шарм южного города... Чтение бодрит, как стакан чая с ежевикой. – *Карен Уайт*

- [Хэзер Уэббер](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

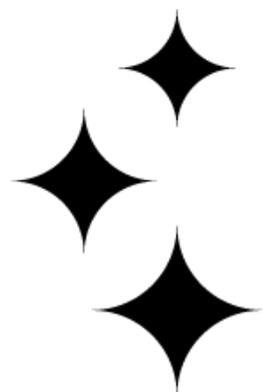
- [14](#)

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Хэзер Уэббер

Полночь в кафе «Черный дрозд»

Посвящается каждому, кто желал бы отведать пирога «Черный дрозд»

INSPIRIA

Загляните в яркие миры Inspiria!

Мы выбираем для вас вдохновляющие истории и превращаем их в особенные книги.

«Инспирия» дарит эмоции и новый опыт чтения самым требовательным читателям. Каждая книга содержит дополнительные материалы, в полном объеме раскрывающие ее мир. А личные отзывы создателей помогут вам найти свою книгу среди лучших. Эти сюжеты хочется пересказывать, а книги не выпускать из рук.

Для этой книги доступны следующие дополнительные материалы:

– плейлист: <https://music.yandex.ru/users/eksmolive/playlists/1078>

– Почему бы вам не рассказать все по порядку? С чего все началось?

– Началось? Пожалуй, с похорон. Туда слетелась целая стая черных дроздов. Устроили настоящий цирк, черт возьми! – Фейлин Уиггинс резко хлопнула по столу ладонью, да так, что сладкий ежевичный чай выплеснулся из чашек. – Погодите! Погодите! Не вздумайте это писать в статье! Матушка заставит меня вымыть рот домашним лимонно-вербеновым мылом, если узнает, что я чертыхаюсь во всеуслышание.

Журналист пролистал блокнот.

– Мне казалось, вы говорили, что ваша мама умерла?

– Ах, вы не поняли. Что, впрочем, простительно, ведь вы не из наших краев. Уиклоу, молодой человек, – необычный городок. Боже, я бы не удивилась, если бы матушка восстала из гроба и напрямик ко мне с куском мыла в костлявых руках! – Решительно кивнув, Фейлин подняла указательный палец. – А вот это можете напечатать.

Анна-Кейт

Дикий гвалт, от которого и мертвый проснется, – не слишком приятное начало дня.

Очнувшись от крепкого сна, я села на постели и протерла глаза. Только пятнадцать минут шестого. Я не сразу поняла, где нахожусь, – знакомое ощущение. От него всегда становится спокойнее, почти так же, как от старенького лоскутного одеяла, кочующего со мной из города в город.

Постепенно в памяти начали всплывать все события минувшей недели. Уиклоу. Кафе. Похороны. Черные дрозды. Соседи.

О господи, соседи...

Глубоко вдохнув, я откинулась на подушки и прислушалась. Негромко жужжал кондиционер, тикали часы в коридоре, за окном пели птицы. Ничего необычного. Что же меня разбудило? Неужели бедняга Лейзенби опять ломится в двери кафе прямо под моей спальней? Боже

мой, только не это! Конечно, милый, несчастный старик просто хочет получить кусок пирога, но я сейчас желаю лишь одного: накрыть голову подушкой и проспать еще полчаса, пока не прозвенит будильник.

Снаружи вновь раздались шум и невнятные крики. Остатки сна улетучились. В недоумении я отбросила в сторону лоскутное одеяло и соскользнула с кровати. Пригнувшись, чтобы никто с улицы не увидел меня в домашней майке и шортах, прокралась по пыльному дощатому полу к окну.

Над горами занимался рассвет – предвестник солнечного, влажного весеннего денька. Внизу во дворике толпились десятка два мужчин и женщин в широкополых шляпах и практичной обуви, с биноклями в руках. Выстроившись вдоль металлической ограды, они разглядывали что-то позади дома. Ни одного из незваных гостей я раньше не встречала.

Не то чтобы я знала всех в Уиклоу. Хотя сложилось впечатление, что с тех пор как перебралась сюда из Бостона, успела перезнакомиться со всеми жителями городка.

Эта неделя выдалась чрезвычайно напряженной. Все закрутилось после того рокового звонка, когда мне сообщили о скоропостижной смерти моей бабушки Зоры Кэллоу, или попросту Зи. Я сломя голову помчалась в Уиклоу – забытый богом городок, затерявшийся среди гор на северо-востоке Алабамы, – поговорить с бабушкиным юристом и распорядиться насчет похорон. Позже пришлось вернуться в Бостон, чтобы забрать вещи и отказаться от съемной комнаты в старом доме недалеко от университета, который я недавно окончила. Завершив дела, я загрузила чемоданы в машину и вновь отправилась в дальний путь: дорога до Уиклоу занимала семнадцать часов.

Приехав, я поселилась в крошечной квартирке над кафе «Черный дрозд». Похоронила любимую бабушку. И все это время тщетно пыталась избегать встреч с добродушными, но очень любопытными соседями, которые стремились выведать как можно больше сведений о загадочной внучке Зи, Анне-Кейт Кэллоу.

То есть обо мне.

Последние несколько дней в кафе сплошным потоком тянулись обитатели Уиклоу. Каждый приходил не с пустыми руками, а с завернутым в фольгу кабачковым хлебом (никогда не видела столько

буханок сразу!), забавными историями из жизни, подробными рассказами о Зи и тысячей вопросов. Соседей интересовало буквально все: сколько мне лет, как прошло мое детство, где я училась, от чего четыре года назад умерла мама и кто мой отец. Я с удовольствием слушала их воспоминания о бабушке, но старалась по возможности уклоняться от ответов, особенно когда меня спрашивали о папе: рано пока об этом говорить.

Теперь на кабачковый хлеб я даже смотреть не могу. События минувшей недели и без того меня совершенно вымотали, а тут еще это сборище под окнами с утра пораньше. Кто все эти люди?

Я толкнула вверх разбухшую от сырости оконную раму. Она протестующе закрипела. Лицо овеял теплый, влажный воздух, словно прикоснувшись мокрым полотенцем.

– Эй! Доброе утро! – От звуков собственного голоса в висках запульсировала боль.

Накануне я весь день готовилась к открытию кафе. Единственные его сотрудники, энергичные супруги Лук и Джина Бартелеми, организовали для меня ускоренный обучающий курс: подсказали, как заказывать продукты, проводить инвентаризацию и обслуживать клиентов, помогли овладеть азами бухгалтерии. Кроме того, я ознакомилась с меню, состряпала несколько блюд и узнала, что где лежит на кухне. К вечеру в голове образовался полнейший сумбур, но Лук с Джиной клялись и божились, что я быстро освоюсь.

И сейчас, на рассвете, затаившись у окна и мечтая о тишине и чашке крепкого кофе, я в который раз задалась вопросом, зачем приехала в Уиклоу, пусть и ненадолго. Почему я оказалась в этом городишке, таком крошечном, что в нем установлено всего-навсего два светофора? Я должна быть дома, в Массачусетсе, и готовиться к переезду в Вустер, где уже в середине августа у меня начинаются занятия в медицинском университете.

Ах да. Я здесь из-за бабушки Зи.

Точнее, из-за ее завещания.

– Вон, вон там! – крикнул кто-то из толпы, указывая за угол дома, но тут же досадливо поправился: – Нет, показалось. Это обычная ворона.

Собравшиеся разочарованно загудели.

– Эй! – снова окликнула их я.

Никто меня не услышал.

Я второпях накинула халат и, пригладив непослушные волосы, по старой, скрипучей лестнице спустилась на первый этаж. Потемневшие от времени сосновые ступени, за несколько десятилетий отполированные до блеска, напоминали атласную ткань. Я легко могла представить себе, как Зи спешит по ним вверх и вниз – странно, если учесть, что я ни разу этого не видела, поскольку никогда раньше не бывала в кафе «Черный дрозд», да и вообще в Уиклоу.

Раньше мне было запрещено здесь появляться. Так гласила семейная заповедь, которую учредила моя мама, Иден, покинувшая этот дом двадцать пять лет назад и поклявшаяся не возвращаться. Ей в ту пору едва исполнилось восемнадцать, и она была на втором месяце беременности.

Все мое детство мама упорно отмалчивалась в ответ на мои расспросы об Уиклоу, бабушкином кафе, черных дроздах, папиной трагической смерти и его родителях, которых мама люто ненавидела. Конечно, я не вправе ее винить. Ведь мама потеряла в Уиклоу многое, включая любовь всей жизни, и чуть не лишилась свободы после того, как ее обвинили в убийстве. А еще, уехав из Уиклоу, мама утратила частицу себя.

Я взглянула на крупные, ровные буквы над холодильником. От одной стены к другой через все помещение тянулась надпись:

«Под полуночным небом
Песни черных дроздов
Нам подарят любовь
Тех, что канули в небыль.
Пироги надо печь,
Чтоб звучала их речь
Под полуночным небом».

К недовольству мамы, я, благодаря Зи, зазубрила этот стишок сразу же, как только немного подросла и начала говорить целыми фразами.

Однажды, когда мне было семь, мама вернулась с работы пораньше и застала нас на кухне: Зи учила меня печь ее знаменитый пирог «Черный дрозд». В тот день они сильно повздорили. Мама отправила меня в детскую, но и туда доносились их голоса:

раздраженный, полный горечи – мамин и умоляющий – бабушкин. Они спорили из-за меня, Уиклоу и, что удивительно, из-за пирога. Кстати, никаких птиц в него не запекают. В качестве начинки в «Черный дрозд» кладут фрукты.

– Я не хочу, чтобы ты рассказывала Анне-Кейт о черных дроздах. Обещай, что не будешь, – требовала мама.

Она неспроста настаивала на обещании: все члены семьи Кэллоу гордились тем, что всегда держат слово.

Зи тяжело вздохнула.

– Ты не сможешь всю жизнь скрывать от нее правду. Твоя дочь должна все знать. Анна-Кейт имеет на это право, она его унаследовала!

– Зачем? Она все равно никогда не поедет в Уиклоу.

– Мы обе понимаем, что это не так. В один прекрасный день Анна-Кейт вернется в Уиклоу, да и ты тоже. Ваше место там, где ваши корни, и судьба обязательно приведет вас туда.

– Только через мой труп!

– Дорогая моя, ты не сумеешь это предотвратить, даже если сбежишь на край света.

– Обещай, – категорично повторила мама.

Казалось, Зи молчала целую вечность, прежде чем произнести:

– Обещаю, что не стану больше говорить с Анной-Кейт о черных дроздах.

Мама, как и Зи, от природы настойчивая и непреклонная, впитала эти черты с молоком матери. Бабушка была не из тех, кто готов отступить и поменять свои убеждения.

Этим же вечером, укладывая меня спать, Зи предложила мне послушать одну историю.

– Только это должно остаться между нами, Анна-Кейт.

Я дала слово молчать. То была первая из множества наших тайн, которые я никому не раскрыла до сих пор.

Бабушка сжала мою руку и начала:

– Давным-давно жила-была кельтская семья. Все женщины в ней обладали добротой, сочувствием и даром врачевания. Они знали оживительной силе Земли и использовали ее, чтобы исцелять, утешать, успокаивать. Помогая другим, они сами обретали счастье и мир в душе. У этих женщин был один секрет.

– Какой секрет?

– Огромный! – Бабушка понизила голос. Ее речь с мягким южным выговором обволакивала ласковым теплом. – Они – хранительницы портала, соединяющего тот свет и этот. По магическому проходу под полуночным небом духи проникают в наш мир.

– Тот свет? Это как Небеса, да?

– Именно, милая.

Зи продолжала свой рассказ, и я чувствовала: ее слова – истинная правда, какой бы невероятной она ни казалась. Хранительницы... спрятанный среди листьев портал... послания с того света, запеченные в пирог... Вроде бы нелепость, глупая выдумка, но все это воспринималось как повествование об исторических событиях. И более того – как наследие.

Зи, к ее чести, формально сдержала обещание: она никогда не упоминала о дроздах. В наших беседах бабушка называла их черными как ночь птицами, оберегающими деревья. Зи поведала мне все, что нужно было знать о дроздах и их предназначении. За многие годы бабушка дала мне разностороннее образование: я научилась искусству кулинарии, усвоила множество жизненно важных уроков, а во время наших длительных прогулок лучше узнала природу.

Возможно, Зи заблаговременно подготавливала меня к тому дню, когда вдруг выяснилось, что я должна два месяца заниматься делами кафе. Много лет назад бабушка предсказала, что я непременно вернусь в Уиклоу. Она не сомневалась, что так будет.

Со вздохом, отвлекшись от мыслей о маме, Зи и черных дроздах, я отперла дверь – вход в кафе. Вернувшись в кухню, прошла на большую, пострадавшую от непогоды террасу через раму из проволочной сетки. Та с глухим стуком захлопнулась за спиной.

Майский рассвет окрасил небо ярко-оранжевым, добавив несколько нежно-розовых штрихов. Отовсюду слышался многоголосый птичий щебет. В свежем воздухе витал аромат мяты и базилика.

Я оглядела гравийные дорожки, обложенные камнями клумбы, травы, цветы и небольшой огород. Бабушка вложила в сад всю душу. Это чувствовалось в каждом трепещущем на ветру листочке.

Неприветливо покосившись на расположенную у крыльца грядку с парой худосочных, захиревших кабачков, я направилась к выстроившимся у забора незнакомцам. Некоторые при виде меня

вежливо улыбнулись. Мужчина лет шестидесяти, стоящий на шаг впереди остальных, поздоровался:

– Доброе утро, мэм.

За прошедшую неделю меня называли «мэм» по меньшей мере раз двадцать. И хотя на юге так принято обращаться ко всем женщинам, это раздражало. У нас на севере никто так не выражается, разве что старики.

Заговоривший со мной человек был одет в камуфляжные штаны и футболку с надписью «Птицелюб». На голове у него красовалась бежевая широкополая панама, а на ногах – походные сапоги, которые больше подошли бы для тропинок возвышавшейся недалеко горы Лукаут, чем для провинциального кафе.

– Доброе утро. – Свежесть и прохлада не особенно облегчили головную боль. – Сожалею, но кафе откроется только в восемь.

– Мы тут не за этим, – перебил мужчина. На его носу, похожем на луковицу, подрагивали бусинки пота.

Я сунула руки в карманы.

– Не за этим? А зачем? Что вы делаете в моем дворе, да еще в такую рань?

В голосе мужчины зазвучал неподдельный энтузиазм:

– Мы члены Общества орнитологов Алабамы из города Мобил. Приехали посмотреть на *Turdus merula*. Вы их уже видели?

– Тур... что?

– Черных дроздов, – раздельно артикулируя, пояснил мужчина и, вытащив телефон, показал фотографию. Наверное, решил, что я туго соображаю. – По имеющимся сведениям, на городском кладбище несколько дней назад видели целую стаю *Turdus merula*. Один местный житель сказал, что черные дрозды гнездятся здесь, на ветках шелковиц.

Остальные орнитологи, наострив уши, подтянулись ближе.

Я обернулась на две красные шелковицы, растущие в отдалении. Они раскинулись шатром, словно стараясь укрыть весь сад от бедствий и невзгод.

Около века назад Хранительницы приехали из-за границы в маленький южный городок, где между двумя могучими деревьями располагается портал в другой мир. В переплетении их ветвей скрыт проход, который в полночь соединяет тот свет и этот...

Что ж, этого следовало ожидать. В день бабушкиных похорон на кладбище через весь город устремилась стая черных дроздов. У нескольких туристов едва не началась истерика. Местным пришлось уверять, что дрозды не станут нападать на людей, как в фильме «Птицы» Альфреда Хичкока.

Конечно, приезжих можно понять: не так уж часто пернатые слетаются на похороны, чтобы почтить память усопшего. К тому же бытует мнение, что на нашем континенте черные дрозды вообще не водятся.

Жители Уиклоу не придали значения этому событию, разве только отметили, что птицы появились в неурочное время. Черные дрозды всегда были частью этого городка и уже давно стали здесь чем-то обыкновенным и привычным, как здание местного суда, живописные пейзажи и галстуки-бабочки мистера Лейзенби. Приезжих, напротив, появление птиц повергло в шок.

– Мэм! – тормозил меня мужчина. – Вы видели черных дроздов?

– Видела, – наконец откликнулась я. – Самок. Они чуть светлее, чем дрозд на вашей фотографии.

Собравшиеся радостно ахнули. Некоторые из них бросились срочно кому-то звонить.

– Если есть самки, значит, самцы тоже здесь! – Мужчина с торжествующей улыбкой поднял указательный палец.

Я еле сдержалась, чтобы в свою очередь не ткнуть в него пальцем, но промолчала. Самцов тут нет, и сэр Птицелюб сам в этом удостоверится, если пробудет в Уиклоу подольше.

– Как вам кажется, сколько их? – поинтересовался он. – Примерно.

«Всего двадцать четыре птицы, черные как ночь», – говорила Зи.

– Две дюжины.

По толпе пронесся вздох восхищения.

Я заметила, что из соседнего дома, прозванного Домом на холме из-за своего расположения на небольшой горке, вышел мужчина. Прислонился к колонне и нерешительно помахал.

Это Гидеон Киплинг, бабушкин юрист. Он мне нравится: во-первых, держится со мной дружелюбно, а во-вторых, не пробовал всучить мне кабачковый хлеб. Я помахала Гидеону в ответ и вновь повернулась к орнитологам.

– Черные дрозды гнездятся на шелковицах? – спросил их предводитель.

– Не гнездятся. Они там сидят, – уклончиво пояснила я. – Иногда.

Точнее, каждую ночь, с двенадцати до часу, и поют свои песни. Днем черные дрозды появляются крайне редко. Для этого должен быть особый повод. Например, похороны.

Орнитолог нахмурил косматые седые брови.

– Вы уверены, что видели именно черных дроздов, а не дроздов-белобровиков? Или коровьих трупялов? А может, воронов или ворон? *Turdus merula* – очень редкие птицы. В нашей стране они были замечены всего несколько раз. Последний – на полуострове Кейп-Код, пару лет назад.

Я даже могла бы конкретно указать, в каком именно месте они были замечены: там, где мы жили. Черные дрозды прилетели, когда умерла мама.

Вместо этого я произнесла:

– Абсолютно уверена. В конце концов, это же кафе «Черный дрозд».

Орнитолог поджал губы и скептически прищурился.

– Вы не возражаете, если мы какое-то время побудем здесь и понаблюдаем за птицами?

Что ж, почему бы и нет? Все равно этим людям не понять настоящего предназначения черных дроздов.

– Мэм? Так нам можно здесь задержаться?

Я стиснула зубы.

– У меня два условия.

– Какие?

– Прекратите называть меня «мэм» и оставайтесь по ту сторону забора. Если проголодаетесь, милости просим в кафе. Мы открыты с восьми до двух.

– Большое спасибо, мэ... – Он закашлялся. – Большое спасибо.

– Пожалуйста.

Я направилась обратно к террасе. Проходя мимо кабачков, остановилась, чтобы извиниться за то, что так недобро зыркнула на них, и вдруг заметила темно-серого кота. Он сидел на белой каменной скамейке в центре сада и пристально на меня смотрел.

Если бы у Зи был кот, наверняка кто-нибудь из многочисленных посетителей уже рассказал мне об этом. Хотя соседи так настойчиво пытались выведать, кто мой отец, что, возможно, просто забыли упомянуть о питомце Зи.

Мысленно отметив, что на нем нет ошейника, я почмокала губами и позвала:

– Кис-кис-кис!

Кот напряженно застыл, а потом метнулся на ближайшую клумбу. Я улыбнулась. Приятно, что по крайней мере один из обитателей Уиклоу не жаждет со мной познакомиться. Подавив острое желание тоже укрыться в саду, я поднялась по ступенькам и вошла в кафе навстречу новому дню.

Если бы мама знала, куда я направляюсь, она бы обязательно стиснула свои знаменитые жемчужные бусы, надула губы и громогласно осведомилась у небес, что же она сделала не так, воспитывая единственную дочь.

Все двадцать восемь лет, что я живу на этом свете, Сили Эрл Линден постоянно обращается к небесам с этим вопросом. Они, насколько мне известно, ни разу не ответили, и их упорное молчание раздражает маму даже больше, чем я. А это еще надо умудриться.

Шагая по Маунтин Лорел Лейн, главной улице Уиклоу, я крепче сжала ручки коляски. По обеим сторонам широкой дороги стояли жилые дома и кирпичные офисные строения, магазины и ресторанчики, а посередине тянулась разделительная полоса с высокими бортиками. Она начиналась в северной части улицы, там, где белел шпиль церкви, и заканчивалась у здания суда.

Около ста лет назад Уиклоу основали художники и мастера декоративно-прикладного искусства. Всех разношерстных жителей городка – молодых и старых, богатых и бедных, неординарных и заурядных, выходцев из деревни и настоящих леди и джентльменов, – объединила любовь к творчеству и свежему горному воздуху. Уиклоу славился своими потрясающими пейзажами, уютными магазинчиками и талантливыми искусниками. Он был самобытным, неповторимым, и это ежедневно привлекало сюда множество туристов.

Думаю, сейчас Уиклоу переживает не лучшие времена.

С тех пор как я уехала в Монтгомери пять лет назад, около дюжины лавочек и ресторанов закрылись, а оставшиеся еле держатся на плаву, изнемогая под тяжестью налогов. Уж я-то знаю, что такое настоящее изнеможение.

Десять лет назад грянул кризис. Многие мастера и художники, побросав свои дома и магазины, подались в Фэрхоп, Мобил и другие более крупные, богатые города. Спад в экономике прекратился, но местные жители не могут оправиться от него и по сей день.

Правда, недавно был создан специальный комитет по благоустройству Уиклоу. То тут, то там я замечала результаты его трудов: на фонарных столбах висели горшки с пышными цветами, вдоль тротуара появились новенькие металлические урны, а яркие плакаты возвещали о предстоящем праздновании Дня независимости. Конечно, со своей задачей комитет не справлялся: для восстановления былого благополучия города розовых петуний и мусорных корзин было явно недостаточно. Но сами попытки улучшить положение в городе вызывали во мне восхищение. Обитатели Уиклоу с давних времен отличались терпением и упорством.

Я кинула взгляд на дочку. Олли, что-то лепеча, беззаботно играла с ремешками коляски. Веселая, покладистая малышка – я даже завидовала ее жизнерадостности. Олли пока не понимает, какое горе обрушилось на нас, и слава богу.

Развернувшись, я снова прошла мимо «Черного дрозда». Кафе повезло: одно из немногих заведений, которые смогли пережить кризис. Обитатели Уиклоу его обожают, и не только за легендарные пироги, но и потому, что Зи вкладывала в него душу, щедро одаривая всех посетителей теплом и любовью. Не знаю, сможет ли «Черный дрозд» обходиться без нее.

Я сделала уже два круга по улице, но так и не решилась войти. Безумно хотелось купить кусочек пирога «Черный дрозд», пока его не распродали, но каждый раз, когда я собиралась переступить порог кафе, перед глазами вставало мамино недовольное лицо, и я малодушно проходила мимо.

Я уже давно перестала преднамеренно злить маму и изо всех сил старалась оставить наши вечные размолвки в прошлом, начать все с чистого листа. Наладить отношения с мамой ради Олли. И немножко ради себя.

Мама много лет относилась ко мне холодно, но с недавних пор стала потихоньку оттаивать. Изредка мне перепадали от нее то мимолетная улыбка, то ласковый взгляд. Я боялась разрушить хрупкий мир, только зарождающийся между нами... однако жаждала заполучить кусок «Черного дрозда»! Я отчаянно нуждалась в нем: ведь если то, что говорят о пироге, – правда, я получу ответы, которые позволят успокоиться и жить дальше.

– Натали Линден Уокер! Неужели? С ума сойти! Сколько лет, сколько зим!

Ох, только не это! Угораздило же меня наткнуться именно на Фейлин Уиггинс! Призрачная надежда на то, что мама ничего не узнает о моем визите в кафе, мгновенно улетучилась.

– Доброе утро, Фейлин.

Пенсионерка Фейлин Уиггинс – бывшая школьная учительница рисования, которую хлебом не корми, дай поболтать. Она постоянно трещит с пулеметной скоростью, не успевая толком перевести дух и не дожидаясь ответа. Высокая и полная, с коротко стриженными, выкрашенными в вызывающий угольно-черный цвет волосами, Фейлин в свои шестьдесят с лишним прямо-таки излучала энергию, в отличие от меня, хотя я вдвое моложе.

– Как приятно тебя видеть, милочка! – Она порывисто меня обняла. – Ты тоже в кафе? Ты уже познакомилась с Анной-Кейт? Твоя мама знает, что ты здесь? Я имею в виду здесь, в кафе, а не в городе. Разумеется, ей известно, что ты в Уиклоу. – Фейлин улыбнулась. – Где ты остановилась, дома? Приехала на время или насовсем?

Пропустив мимо ушей большинство вопросов в надежде, что Фейлин, как обычно, о них забудет, я пояснила:

– Мы пока поселились у родителей. – Боже, дай им сил! – В домике для гостей.

Гостевой домик, площадью всего семьсот квадратных футов^[1], с двумя спальнями и ванной, находился во дворе родительского дома. Конечно, неуютно жить под неусыпным маминым надзором, и все же это место отлично подходит для того, чтобы собрать по кусочкам рухнувшую жизнь. К тому же я не плачу аренду.

– Док и Сили, поди, несказанно рады твоему приезду. Ой, и твоей малютке тоже! Это у нас Оливия-Ли? – Фейлин, пригнувшись, склонилась над коляской. Ее колени страдальчески хрустнули. – Ай, какая ты красотуля! Вылитая мамочка, это уж точно! Сколько ей лет?

В больших карих глазах Олли появилась растерянность. Фейлин всех приводит в замешательство, даже малышей. Я пригласила дочки непослушные кудряшки.

– Через пару месяцев исполнится два. Обычно я зову ее просто Олли.

– Олли? Какая прелесть! Никогда не слыхала ничего милее! Вы раньше жили в Монтгомери? А когда вернулись? Верно, только что, раз я еще не встречала тебя ни в церкви, ни вообще в городе. Сколько тебя не было, Натали? Четыре года? Пять? Родители небось на седьмом небе от счастья, что ты дома?

Умолкнув, Фейлин с улыбкой склонила голову набок. Сообразив, что она ждет ответа хотя бы на один из своих вопросов, я выбрала самый легкий.

– Вернулись пару недель назад.

Да, я запихнула гордость куда подальше и нехотя потащила в Уиклоу под раскатистый рев мотора. Глушитель в машине был полностью сломан и починке не подлежал. Как и мое самолюбие.

– Что твоя матушка думает об Анне-Кейт? – Фейлин выгнула темные брови.

– Кто такая Анна-Кейт?

Моя собеседница разинула рот от удивления. Потом резко его закрыла.

– Ну как же, Анна-Кейт Кэллоу! Неужто ты ни сном ни духом...

Кажется, я однажды видела Иден Кэллоу, но совсем ее не помню: мне было всего три, когда она покинула Уиклоу. Родители все эти годы частенько поминали ее недобрым словом. Еще я немного знала Зи, но в основном понаслышке. Для всех Линденов любое общение с семейством Кэллоу и посещения кафе были под строжайшим запретом, поэтому мой визит в «Черный дрозд» – серьезный проступок.

– О чем?

Фейлин перевела взгляд на меня. В ее голубых глазах отразилась напряженная внутренняя борьба, лицо и шея покрылись красными пятнами.

Я оглянулась на кафе. Родители шептались, что теперь его делами будет заниматься какая-то родственница Зи, но я не придавала этому значения. Если честно, мне все равно. Я хотела только одного: купить пирог. При жизни Зи я не осмеливалась туда зайти, потому что в маминых глазах это был бы непростительный грех. Но сейчас?

Так, небольшое прегрешение.

По крайней мере, я надеялась, что это не нарушит наше зыбкое перемирие. Только бы к тому времени, как я решусь заглянуть в кафе, у них еще остался хоть кусочек пирога... Я никак не ожидала, что

сегодня, в день открытия, сюда набегит столько народу. Местные жители заполнили кафе до отказа, да еще во дворике теснилась целая толпа приезжих. Каждый раз, проходя мимо «Черного дрозда», я удивлялась тому, что там собирается все больше людей с фотоаппаратами и садовыми стульями.

Фейлин подняла руку к груди.

– Ну, просто... Я подозреваю, что она... Ну, то есть весь город уверен, что Анна-Кейт – твоя... – Она закашлялась и сморщила нос. – Пожалуй, лучше бы тебе самой с ней потолковать. Тогда все поймешь.

– Ясно, – неопределенно пробормотала я.

Ну что ж, раз уж я и так намереваюсь отведать запретного пирога, то могу заодно познакомиться с девушкой из рода Кэллоу. Семь бед – один ответ. Надо просто решиться войти в кафе, и будь что будет.

Ну подумаешь, мама поскандалит немного, взывая к небесам.

В конце концов она успокоится.

Наверное.

Хотя не исключено, что между нами вновь возникнут холодность и отчуждение. Я с трудом подавила вздох. Сили Эрл Линден всегда предпочитала наказывать меня ледяным молчанием, и, честно говоря, это действовало куда эффективнее, чем если бы она попыталась меня отшлепать. Я была бы рада сказать, что за эти годы научилась относиться к маминым бойкотам равнодушно, но это не так, а я терпеть не могу ложь.

Если бы я только знала, когда выходила замуж, что мой избранник – лжец...

Не обращая внимания на щемящую боль в груди, я смахнула пылинку с широкой бретельки платья.

– Ну, хорошо... – Словно прочитав мои мысли, Фейлин прибавила: – Слышала, что приключилось с твоим Мэттью. Мне очень жаль! Горе-то какое... – Она покачала головой так, что ее крупные серьги-кольца мотнулись туда-сюда, и прицокнула языком. – Совсем молодой... Ты-то как? Справляешься? Сколько времени уже прошло после несчастного случая? Год? Полтора? Около того?

Вот почему, вернувшись в Уиклоу, я избегала встреч с кем бы то ни было: не хотела обсуждать Мэттью. И свое горе. И несчастный случай... Если, конечно, это был несчастный случай.

Однако я в Уиклоу, а местные жители считают своим долгом выражать соболезнование и высказывать все, что у них на уме. Им интересно, что и как произошло, хотя мне и самой ничего не ясно. Пока.

Фейлин качнулась с пяток на носки и в ожидании ответа вновь наклонила голову.

Я сжала зубы так, что заныла челюсть.

– Год, семь месяцев, три дня и два часа. – Я усилием воли расслабила напряженные пальцы, стиснувшие ручку коляски. – Около того.

Фейлин широко распахнула глаза.

– Ох... Помоги тебе Господь!

Она обняла меня за плечи, крепко прижала к пышной груди, обволакивая добротой и ароматом лимонно-вербенового мыла, и погладила по голове.

– Бедняжка! Я тебя понимаю. Мой Гарольд уже много лет как помер. Если тебе, милочка, нужна будет жилетка, чтобы поплакать, только позови. Я всегда ношу мягкие, уютные жилетки.

Я сморгнула слезы. Полтора года назад, когда у меня отобрали дом, я зареклась плакать. Просто... У посторонней женщины я за пять минут нашла больше сочувствия и утешения, чем у родной матери за девятнадцать месяцев. Мама ограничилась тем, что прислала цветы на похороны Мэттью.

– Спасибо, Фейлин. Я очень ценю твою поддержку.

Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие – этому я училась все месяцы после смерти Мэтта.

– Не за что, лапонька, совсем не за что. Понадобится что-нибудь – обращайся. Я всегда рада помочь. – Фейлин наклонилась к Олли. – Почему бы не подружить твою очаровательную детку с моей Линди-Лу? В прошлом месяце внучке стукнуло два годика. Помнишь мою дочь Марси?

– Конечно, помню.

Здесь, в маленьком городке, все друг друга знают. Каждому известно, что происходит в жизни соседей. Поэтому я была в курсе, как переживала Фейлин, когда Марси поступила в колледж и укатила в Калифорнию.

Никого не удивило, что Марси уехала: никто так не нуждался в отдыхе от общества Фейлин, как ее дочь. Многие были ошеломлены, когда после колледжа Марси вернулась.

Многие, но не я.

По-моему, все девушки из Уиклоу рано или поздно возвращаются к родным пенатам и к своим матерям.

– Линди-Лу – дочурка Марси. Я остаюсь с ней пару раз в неделю. Если хочешь освободить немного времени для себя, Натали, я могу посидеть с обеими. Где одна – там и две. Спроси кого угодно – лучшей няньки тебе не сыскать!

Олли заворуженно глядела на Фейлин. Да и я наверняка смотрела на пожилую женщину точно так же. Вот из-за таких соседей, как она, я и перебралась обратно в Уиклоу. Ради того, чтобы Олли повсюду окружали друзья, я готова примириться с тем, что все суют нос в мои дела, бередя старую рану.

– Огромное спасибо за великодушное предложение, Фейлин, но я сейчас редко куда-нибудь выхожу.

– Уверена, скоро у тебя появится много интересных занятий. Комитеты не справляются, и дела в городе идут неважно. Чтобы жизнь снова закипела, нужна молодая, горячая кровь. Без молодежи никуда. Ты бы очень помогла! Док говорит, что в Монтгомери ты активно участвовала в общественной жизни.

Это правда. Я была членом всевозможных организаций: от Общества историков и Национального объединения дочерей Конфедерации^[2] до христианской общины и Молодежной лиги^[3], но ушла оттуда, когда мои попытки забеременеть наконец увенчались успехом.

Теперь я с ностальгией вспоминаю свои увлечения и жалею, что их забросила.

– Просто позови, когда тебе нужна будет помощь, и я сразу примчусь, – улыбнулась Фейлин. – Какая хорошенькая у Олли повязка! Чудо! Надо купить такую внучке. Линди-Лу – настоящий ангелочек, но у нее лысинка прямо как у мистера Лейзенби.

Головку Олли украшала нарядная сатиновая лента с коралловым цветком из шифона. Эту повязку я сшила только вчера.

– С удовольствием сделаю такую же для Линди-Лу.

Фейлин изумленно расширила глаза.

– Так ты сама ее смастерила? Ну конечно же! Ты унаследовала талант Сили к рукоделию. Твоя матушка – настоящая искусница! А уж какие у нее изумительные лоскутные одеяла! Да, пожалуйста, сделай повязочку для Линди-Лу. А лучше две. Нет, три! Три в самый раз. Все разных цветов. Сколько с меня?

– Я не возьму с вас денег. Пусть это будет подарок. – Хотелось как-то отблагодарить Фейлин за ее участие и поддержку.

– Глупости! Я настаиваю. – Фейлин, прищурившись, пристально поглядела на меня. Не знаю, что в тот момент отразилось на моем лице. Может, жалкие остатки изорванной в клочья гордости. А может, воспоминание о смехотворной сумме на моем банковском счете. – Давай так: одну повязку ты мне подаришь, а за две другие я заплачу.

– Договорились.

Очень удачный компромисс.

– Прекрасно! – Фейлин сложила ладони пирамидкой, соединив пальцы обеих рук. – Жду не дождусь увидеть, как твои повязочки будут смотреться на Линди!

– Я вам их занесу через пару...

– Собачка! – вдруг воскликнула Олли и наклонилась вперед так сильно, что едва не вывалилась из коляски. – Собачка!

Я обернулась.

К нам направлялся высокий мужчина. На шее у него висела навороченная фотокамера с длиннофокусным объективом. За ним бежала красивая, напоминающая шелти собака бело-тигрового окраса.

Фейлин захлопала в ладоши.

– Ну и ну! Кэм Колбо собственной персоной! Как я тебе рада! Последний раз мы встречались... когда? В Рождество? Дай-ка я тебя обниму!

– Мы виделись неделю назад, у здания суда, на кинопоказе. – Кэм расцеловал Фейлин в обе щеки. – Вы ведь прекрасно помните.

– Ох, и правда. Запомню! – Фейлин подтолкнула меня локтем и многозначительно приподняла брови. – Ничего не могу с собой поделать. Так и тянет немного пококотничать, понимаешь? Кэм – такой милашка!

– Фейлин, ну перестаньте, – перебил ее Кэм. – Я сейчас покраснею от смущения.

– Это все равно будет незаметно, – возразила Фейлин. – У тебя усы и борода загораживают пол-лица. Скрывают всю красоту. Это чертовски обидно! Когда ты их уже сбреешь?

В ее голосе звучала такая досада, что я невольно улыбнулась. Лично мне даже понравилось, что Кэм небрит, но свое мнение я оставила при себе.

Кэм не ответил, поскольку общее внимание на себя отвлекла Олли.

– Собачка! – снова прокричала она, восторженно ерзая в коляске.

Кэм нагнулся и обратился к Олли:

– Его зовут Ривер. Хочешь погладить?

– Осторожнее, – предупредила я.

– Не волнуйтесь, Ривер не кусается, – успокоил меня Кэм.

– Я переживаю не за дочку, а за Ривера. Олли еще не умеет рассчитывать силу. Пару раз она чуть не выдрала мне все волосы.

Кэм с удивлением взглянул на меня, а потом рассмеялся.

– Все будет в порядке. – Он потрепал Ривера по ушам.

Пес лизнул руку Олли. С радостным визгом малышка потянулась и погладила его по голове.

– Собачка, собачка, собачка!

– Только посмотрите на них! Уже подружились, – заметила Фейлин. – Натали, вы знакомы с Кэмом? Он живет в горах.

– Нет.

– Вот я глупая! Конечно, не знакомы! Тебя же не было в Уиклоу пять лет, а Кэм приехал сюда из Теннесси только год назад.

Мужчина протянул мне огромную мозолистую ладонь.

– Кэм Колбо.

– Натали Уокер. – Несмотря на недюжинную силу, рукопожатие Кэма было мягким и нежным, как будто он очень старался случайно не причинить мне боль. – А это Олли.

– А полностью – Оливия-Ли, – пояснила Фейлин. – Но, согласись, имя Олли звучит невероятно мило! Натали – дочь Сили и Дока Линден. Она вдова, Натали, я имею в виду. Потеряла мужа чуть больше чем год, семь месяцев и три дня назад. Около того. Мэттью Уокер плавал на лодке и утонул. Несчастный случай. Ужасно.

– Мне очень жаль. – Кэм нахмурил темные, густые брови. – Примите мои искренние соболезнования.

Мне захотелось немедленно исчезнуть. Нырнуть вниз головой в какой-нибудь канализационный люк.

– Спасибо.

Кэм кивнул и, наклонившись, погладил Ривера. Олли продолжала ластиться к псу, который, к счастью, вроде бы ничего не имел против ее бурных излияний.

Фейлин повернулась ко мне.

– Моя Марси вышла замуж за брата Кэма, Джоша. Ой, Джош такой здоровяк, с виду – вылитый медведь! Надо тебя с ним познакомить. Джош – лучший полицейский в Уиклоу, у него золотой характер! – Она придвинулась ближе. – Только не говори ему, что я так сказала. А у Марси собственный магазинчик подарков, вон там. – Она кивнула на витрину с вывеской «Всякая всячина» на противоположной стороне улицы. – Марси продает и работы Кэма. Он фотограф, снимает дикую природу. Обязательно зайти на них посмотреть. Они потрясающие! Никто, кроме Кэма, так не сможет. У него взгляд художника!

Пока Фейлин расточала восторги, я следила за реакцией Кэма. Всем своим видом тот выражал крайнее смущение, на лбу и в уголках его глаз появились морщинки. Забавно.

Я вновь обернулась на здание магазина с ярко-желтым козырьком над входом. Интересно, нужны ли Марси продавцы? В списке моих дел сразу за пунктом «Купить кусок пирога» шло «Найти работу». «Всякая всячина» еще не открылась, и я запланировала зайти туда позже.

– Лучше не откладывай в долгий ящик, потому что, возможно, магазин скоро обанкротится. Марси ожидала, что летом, когда люди отправятся в походы и дальние велосипедные прогулки, будет приток покупателей, но ее надежды до сих пор не оправдались.

– Какая жалость! Я могу как-то помочь? – Сердце заныло. Значит, устроиться во «Всякую всячину» не удастся. Рабочих мест в Уиклоу еще меньше, чем туристов.

Фейлин погладила меня по руке.

– Ах ты солнышко, мы тебе очень благодарны за предложение. Но мы справимся, как и всегда.

Кэм выпрямился.

– С удовольствием поболтал бы с вами подольше, леди, но мне пора: ждет одна халтурка.

– Правда? Какая? – Фейлин сложила ладони в молитвенном жесте. – Расскажи!

Кэм намотал на запястье поводок.

– Во дворике кафе видели каких-то редких птиц, и теперь все орнитологи и просто любители пернатых стоят на ушах. Один мой приятель из их компании заказал пару фотографий. Ничего особенного, но надо бежать, пока хорошее освещение.

– Ты про черных дроздов? – уточнила Фейлин. – Ну, так у тебя времени навалом. Они редко появляются днем. Приходи незадолго до полуночи, как раз успеешь.

– Вы тоже слышали про этих птиц?

Фейлин подбоченилась.

– Про черных дроздов, Кэм, в Уиклоу знают все, кроме тебя. Надо бы почаще спускаться с гор!

Кэм перевел взгляд на меня, и я поддержала Фейлин:

– Черные дрозды прилетают каждую полночь, сколько я живу на этом свете, и поют целый час. Ах, как же они поют! Вы нигде не услышите ничего прекраснее!

– Но это же ненормально. – В тоне Кэма зазвучало сомнение. – В смысле, что они появляются ночью.

– Дорогуша, мы все уже привыкли к черным дроздам, – заверила его Фейлин. – Даже странно, что они вдруг, спустя столько лет, произвели такой фурор. – Она поднялась на цыпочки. – Но лучше уж любители птиц, чем никого. Побегу сообщу им, что «Всякая всячина» откроется в одиннадцать.

– Нам с Олли тоже пора. – Я посмотрела на кафе. – Приятно познакомиться, Кэм. Увидимся, Фейлин.

– Да-да, уже скоро! – подхватила она. – И обязательно сходите куда-нибудь с Марси и малышками. Уверена, Олли и Линди-Лу сразу подружатся.

Друзья – это хорошо. Я-то думала: вот вернусь домой, сначала будет тяжело, но привыкну. Все вернется на круги своя. Заживу как раньше, стану такой, как прежде.

Должна была догадаться, что это невозможно.

Боль меняет людей.

Ничего не пойдет по-старому, ведь я теперь другая.

Потому-то мне и необходим пирог «Черный дрозд». Он даст ответы на мучающие меня вопросы, и в сердце воцарится мир. Это нужно не только мне, но и Олли. Чтобы быть для нее хорошей мамой, надо исцелить душу и разум, иначе я повторю ошибки своей матери, которая, ожесточившись, на двадцать с лишним лет замкнулась в своем горе. Ее ничто не тревожило, кроме собственных страданий.

Нагнувшись, я заправила одну из выбившихся кудряшек дочки под повязку.

– Олли, скажи «пока-пока».

– Пока, собачка! – Олли энергично замахала рукой.

Кэм помахал в ответ, а Ривер завилял хвостом.

Повернув коляску, я шагнула в сторону «Черного дрозда»... и остолбенела.

Меня больше не волновало, что Фейлин проболтается маме о моем появлении в кафе. Потому что мама была здесь. Она, скрестив руки на груди, стояла у входа в «Черный дрозд» и заглядывала внутрь. Я начала медленно пятиться назад в надежде улизнуть незамеченной.

Словно почувствовав мое присутствие, мама резко повернула голову в мою сторону.

Я попалась.

Мама направилась ко мне, и я еле сдержалась, чтобы не поморщиться.

Сили Эрл Линден была одета, как всегда, строго и со вкусом: в белоснежную блузку, легкие льняные брючки и кожаные босоножки. Волнистые светлые волосы с вкраплениями медных прядей свисали до плеч. На голове у мамы красовалась белая шляпа, на груди – двойные жемчужные бусы. Лицо закрывали темные очки.

– Оливия-Ли такая милая, когда шурился, правда? И ей очень идет загар, ты не находишь?

Мама никогда не называет внучку просто Олли, считая это имя глупым, смешным и совсем не женским. Она заявила, что Олли могут принять за мальчика. Как будто это возможно с ее длинными локонами, губками бантиком, аккуратным носиком и выразительными бровками. Не говоря уж о том, что Олли носит розовые блузки с кружевными оборками и инициалами на кармашках, розовые юбки, комбинированные с шортами, и сандалии – разумеется, тоже розовые.

– Баба! Пливет-пливет! – Олли помахала ей рукой.

Я не стала даже упоминать, что перед выходом намазала Олли кремом от загара, а ее солнцезащитные очки убрала в рюкзак от греха подальше после того, как Олли шесть раз подряд стаскивала их с себя. Уже вечером в гостевой домик доставят детскую широкополую шляпу, и ничто не убедит маму, что Олли это не нужно.

– Привет, моя умница! – Мама сжала протянутые ручки малышки и, наклонившись, поцеловала ее в лоб.

При виде того, с какой любовью мама воркует с Олли, сердце заныло. Больно осознавать, что мне она никогда не дарила столько заботы и внимания. Хорошо хоть, Олли не пришлось испытать на себе ее холодность и равнодушие. И не придется, чего бы мне это ни стоило.

Мы помирились, напомнила я себе. Помирились.

– Значит, ты вышла прогуляться с утра пораньше, – обратилась мама к Олли и, подняв голову, уставилась на меня в ожидании ответа на незаданный вопрос.

– Мы... идем в библиотеку. – Это почти правда: мы действительно намеревались заглянуть в библиотеку. Только после кафе. – Не ожидала тебя здесь увидеть.

Сколько себя помню, мама никогда не приближалась к «Черному дрозду». Старательно обходила кафе за несколько акров, чтобы каменное здание ни в коем случае не попало ей на глаза.

Мама нервно сжала жемчужные бусы.

– Я шла на заседание комитета и задержалась, чтобы узнать, что за шум.

Звучит правдоподобно, ведь мама – председатель комитета по благоустройству города. Но меня не проведешь. Члены комитета обычно встречаются дома у Корали Дэбади, в двух кварталах отсюда. Зачем же маме делать такой крюк? К тому же она и не думает возмущаться из-за моего присутствия рядом с «Черным дроздом». Очень подозрительно.

Мама указала на толпу во дворике.

– Что вообще происходит? Кто эти люди? Они ведь собрались явно не по поводу открытия кафе.

Через окно я заметила, что в переполненном зале какая-то девушка примерно моих лет ловко лавирует с подносом между столиками. Внешне она кого-то мне напоминала. Может, это и есть Анна-Кейт Кэллоу?

Высокая, не ниже меня (а я ростом целых пять футов восемь дюймов!^[4]), она не слишком походила на маленькую, хрупкую блондинку Зи с ее излюбленными летящими юбками, развевающимися шарфами и серьгами-подвесками. На этой были джинсы, подвернутые до середины голеней, простая сиреневая футболка и никаких сережек. Каштановые волосы задорно кудрявились.

– Их интересуют черные дрозды. Любители птиц в полном восторге. Они вроде как редкие. Дрозды, я имею в виду.

Я говорила путано и невнятно. Мамино присутствие часто на меня так действует.

Мама вновь кинула взгляд внутрь кафе и стиснула бусы так, что побелели костяшки пальцев. Это украшение ей подарил папа от имени моего старшего брата на День матери больше сорока лет назад.

Жаль, что я совсем не помню Эндрю-Джеймса Линдена, красу и гордость нашей семьи, да и, пожалуй, всего Уиклоу. Мне только исполнилось три, когда брат погиб в автокатастрофе. В то время ему шел девятнадцатый год.

Я была поздним, незапланированным ребенком. Мое появление на свет оказалось сюрпризом для родителей. И хотя все знают, что Сили Эрл Линден не любит сюрпризы, в тот раз мама была вне себя от радости.

Однако мамино счастье длилось недолго: со смертью Эджея оно померкло навсегда.

Мама пренебрежительно усмехнулась.

– Черные дрозды? Какая глупость.

– Сили! Да я глазам своим не поверила, когда тебя тут увидела! – приблизившись к нам, радостно воскликнула Фейлин. – До тебя, поди, уже дошли слухи... С ума можно спятить, правда?

Мама натянуто улыбнулась.

– Не понимаю, о чем ты.

Шея Фейлин вновь покрылась пятнами.

– Слухи об Анне-Кейт...

Поджав губы, мама продолжала холодно смотреть на Фейлин. Та завертела головой, переводя взгляд с мамы на меня и обратно.

– Мне... э-э... пора. – Фейлин по очереди кивнула мне и маме. – Рада была поболтать.

– Передавай привет Марси, – сахарным тоном вставила мама.

– Обязательно! – на ходу пообещала Фейлин.

– И что это было? – как только она отошла подальше, поинтересовалась я.

– Ты же знаешь, Натали, я терпеть не могу сплетни, – пренебрежительно отозвалась мама.

Недоумевая, я оглянулась по сторонам и обнаружила, что все кругом, включая посетителей кафе, пялятся на нас.

– Я уйду, – объявила мама. – Ты со мной? Библиотека как раз по дороге к дому Корали.

Я нервно сглотнула. Приходилось выбирать: купить кусок пирога, а вместе с ним и ответы, в которых я так нуждаюсь... или сохранить хрупкий мир в нашей разобщенной семье.

– Идем, – подавив вздох, согласилась я.

Ради того, чтобы вновь не поссориться с мамой, я готова подождать с пирогом. Но завтра утром я за ним вернусь.

И, может, заодно узнаю, почему все так носятся с этой Анной-Кейт Кэллоу.

– Когда вы впервые заметили черных дроздов? – спросил журналист.

Лук Бартелеми вытянул длинные, тощие ноги.

– Сколько себя помню, они всегда были здесь.

– Вы давно работаете в кафе?

– Двадцать пять лет. Но я слышал, что дрозды появились гораздо раньше. Больше века назад.

Журналист закатил глаза и что-то черкнул в блокноте.

– Их двадцать четыре, как в той песенке? «Две дюжины дроздов сидели в пироге...»

– «Когда пирог разрезали, они все стали петь»^[5], – кивнув, процитировал Лук начало второго куплета. – Да. Зи однажды сказала, что эти птицы, скорее всего, родственники.

– Она, должно быть, пошутила?

– Зи никогда не шутила о черных дроздах.

Не зная, что ответить, журналист постучал ручкой по блокноту.

– Вам не кажется, что все это как-то странно?

– Ничуть. У нас с вами разное представление о «странном». – Лук поднялся и задвинул стул. – Мне пора работать. Хотите еще ежевичного чая?

– Да, спасибо. В жизни не пил ничего вкуснее!

Анна-Кейт

– Я слышал, юная леди, что вы скоро уезжаете изучать медицину.

Словно готовясь к баталии, мистер Лейзенби оттопырил нижнюю губу и выпятил челюсть.

Обойдя его стул, я убрала с соседнего столика грязную посуду и приборы. Любопытство мистера Лейзенби меня не удивило: этот недостаток присущ почти всем жителям города, как и бесцеремонная манера нарушать личное пространство. Все утро посетители кафе лезли ко мне обниматься, и моя сдержанность их нисколько не обескураживала. Ну разве так можно?

– Да. Занятия начинаются в августе.

Чтобы пройти первую ступень высшего образования, мне понадобилось семь лет: дважды я переводилась из одного университета в другой, потом приходила в себя после смерти мамы... К тому же денег на обучение не хватило, и я долго не могла накопить нужную сумму. Сама удивляюсь, что я вообще получила диплом. Честно говоря, если бы не обещание, давным-давно данное маме, я бы оттуда ушла.

– Хм-м... – протянул мистер Лейзенби, буравя меня суровым взглядом.

Сегодня он нарядился как на праздник: белоснежная рубашка на пуговицах, безупречно выглаженные брюки и галстук-бабочка в красно-белую клетку. Впрочем, как я поняла, мистер Лейзенби всегда так одевается.

Он пришел в восемь утра, к самому открытию. Вот уже больше двух часов сидит за столиком, аккуратно сложив на коленях салфетку, чопорно выпрямив спину, и, похоже, никуда не торопится.

– Что-то не так? – поинтересовалась я, заметив, с каким недовольным видом он ковыряется в тарелке.

– Вкус пирога какой-то не такой.

– Отис Лейзенби! – крикнула Джина Бартелеми через всю кухню. – Надеюсь, ты не ругаешь мою стряпню? Я готовила яблочный пирог по рецепту Зи, который, между прочим, был отмечен кулинарной премией!

Не представляю, как Джина расслышала слова мистера Лейзенби в таком гаме. Поразительно тонкий слух!

– Рецепт, может, и тот же, но пироги мисс Зи на вкус были другими, – упорствовал мистер Лейзенби.

– Так ведь Зи покинула наш бренный мир, и с этим уже ничего не поделаешь, согласны? – Джина приблизилась к нам. – Царство ей небесное. Обстоятельства меняются, и нам приходится под них подстраиваться, так ведь?

– Но я увижу сегодня сон? – В голосе мистера Лейзенби прозвучала паника.

– Не знаю, – отозвалась Джина. – Время покажет, верно?

Меня охватило беспокойство.

Долг Хранительниц на земле – заботиться о деревьях и собирать их любовь, которая соединяет наш мир с загробным. Хранительницы вкладывают ее в пирог и дарят скорбящим, потерявшим близких.

Видишь ли, когда кто-нибудь лишается жизни, любовь между ним и его родными не исчезает, а только крепнет. И если кто-то этого не осознает и нуждается в подтверждении, то птицы, оберегающие деревья, с помощью пирога доставляют ему послания с того света.

Вчера Джина взяла на себя приготовление пирогов «Черный дрозд». Я должна была догадаться, что у нее ничего не выйдет. Ведь это работа Хранительницы, то есть моя, поскольку Зи умерла, и теперь я последняя из рода Кэллоу. Я искренне надеялась, что мистер Лейзенби каким-то чудом получит вождеденное послание, хотя предполагала, что вероятность этого ничтожна.

– Хм-м... – Мистер Лейзенби хмуро посмотрел на вилку с кусочком пирога и отправил его в рот.

– А скажите-ка нам, Анна-Кейт, вы всегда хотели быть врачом? – вмешалась Пebbлз.

Пebbлз Лутс, пожилая женщина с высокой прической, сидела за общим столом на десять человек, занимающим почти весь зал. Она выбрала место прямо напротив мистера Лейзенби и все утро строила ему глазки. Но тот не замечал знаков внимания и вообще не подозревал о ее чувствах.

– Сколько себя помню, – убирая тарелки, ответила я, намеренно опустив слово «хотела».

Раньше в этом здании располагался каретник. Много лет назад Зи поселилась здесь, обустроив на втором этаже жилые комнаты, а на первом – кафе. Деревянные стены и потолок были выбелены, а дощатый пол и лестница потемнели. Из-за того, что кухню и зал для посетителей разделяла только невысокая перегородка, создавалось впечатление, что это чья-то гостиная, а не заведение общественного питания.

Хотя стеклянная дверь и широкие эркеры на фасаде делали помещение светлым, просторным и уютным, я ощущала что-то вроде клаустрофобии. Все восемь столиков были заняты клиентами, ни одно место не пустовало, а снаружи собралась очередь из желающих перекусить. Одних я уже знала в лицо, других – нет. Например, молодую женщину с коляской, которая прохаживалась туда-сюда по тротуару, нерешительно поглядывая на кафе.

Я унесла грязную посуду и, свалив ее в раковину, остановилась на минутку, чтобы перевести дух. Все время находиться в центре

внимания невероятно утомительно.

– Молодец, неплохо справляешься, – подбодрил меня Лук, не отрываясь от работы.

Его обычно бледное лицо покраснелось от жара духовки, а в серо-голубых глазах притаилась тревога.

– Особенно если учесть, что у тебя совсем нет опыта, – добавила Джина. – Ты меня просто поразила!

Видимо, поразить Джину не составляло особого труда, потому что вид у меня был взмыленный и взъерошенный. Вообще-то можно сказать, кулинария – мое призвание, на кухне я себя чувствую как рыба в воде, но еще ни разу не пробовала себя в роли ресторанного повара или официанта. Я разбила уже три тарелки, пролила столько напитков, что и подумать страшно, и с трудом ковыляла по залу: ноги гудели от усталости.

– Здесь всегда так много народу?

– Обычно намного меньше. Сегодня наплыв из-за приезда орнитологов... и из-за тебя. Всем любопытно. – Лук вытащил из двухсекционной фритюрницы сетку для жарки и вывалил на одноразовую тарелку хрустящие, аппетитные картофельные оладьи. На его спине угадывался небольшой горб, похожий на лук для стрельбы. Может, из-за этого Бартеlemi и прозвали Луком?

Я быстро посолила оладьи, пока не остыли.

– Это точно.

Я подозревала, что многие придут, чтобы со мной познакомиться, но такого аншлага не ожидала.

Лук кинул на встроенную жарочную поверхность навороченной газовой плиты с шестью конфорками сразу несколько блинчиков. Судя по всему, Зи не пожалела денег на обустройство кухни и оборудовала ее по последнему слову техники.

– Можем закрыться пораньше, если хочешь, – подала голос Джина, и в ее взгляде мелькнула надежда. – Ты же хозяйка. Никто не будет возражать.

Она стоя резала тесто для печенья. Вся мраморная столешница была покрыта слоем муки, да и сама Джина тоже. Белый порошок словно пудрой припорошил ее смуглое лицо и тонкие, прямые брови. Темные с проседью волосы были забраны в пучок.

– Да ничего. Я справлюсь. – По крайней мере, в ближайшие четыре часа.

Джина отряхнула руки.

– Ты очень упорная. Вылитая Зи!

Лук Бартелеми и его жена встретили меня с распростертыми объятиями. Про нас с мамой они знали почти все, а сведениями о себе делились, как будто клали в блюдо специи: по капельке, по щепотке. Мне лишь удалось выяснить, что обоим за пятьдесят и они устроились в кафе сразу после того, как мама покинула Уиклоу. Их обязанности не были четко определены. Как я поняла, Бартелеми работали и за поваров, и за официантов, и за уборщиков, и за садовников, и за кассиров.

Я посмотрела в окно. Листья шелковиц трепетали от ветерка, и казалось, что деревья обмахиваются, спасаясь от жары. С тонких веток свисали неспелые бледно-розовые ягоды. Лук прозвал плоды шелковицы за сходство с ежевикой ее младшими сестрицами. Раньше я никогда их не ела, а пару дней назад попробовала и сморщилась: кислятина! Джина уверяет, что недели через три ягоды созреют. Тогда и можно будет насладиться их приятным вкусом, сладким, но не приторным.

– Зи бы тобой гордилась, если бы увидела, как ты ловко управляешься в кафе. – Джина засияла белозубой улыбкой. Ее речь, напевная и неторопливая, завораживала.

– Спасибо, – поблагодарила я, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами.

Я всегда держалась с окружающими отстраненно, стараясь ни к кому не привязываться, чтобы потом легче было расставаться: мы с мамой все время жили на чемоданах и постоянно переезжали с места на место. Однако Лук и Джина каким-то непостижимым образом всего за неделю очень сблизилась со мной. Может, дело в теплом, душевном приеме, который они мне оказали, в их доброте или в том, как терпеливо они учили меня всем премудростям работы в кафе. А может, я отчаянно нуждалась в дружеской поддержке, оставшись одна в незнакомом городе, раздавленная горем и вынужденная заниматься бизнесом, в котором ничего не смыслила. Как бы то ни было, Лук и Джина стали для меня чем-то вроде семьи.

Джина издала короткий смешок, похожий на чириканье птицы.

– Не за что, лапонька, это ведь правда.

Я была признательна ей за эти слова. Чтобы успокоиться, я вдохнула витающие в воздухе ароматы: кофе и ванили, чабреца и корицы, лука, лимона и дрожжей. Эти запахи, напоминавшие о Зи, словно пролили бальзам на мою израненную душу.

Встряхнувшись, я схватила кофейник и, как на линию фронта, поспешила обратно в зал подливать кофе клиентам, стараясь не расплескать на ходу напитков прямо на посетителей.

Рядом с мистером Лейзенби сидела Фейлин Уиггинс. По всей вероятности, она появилась, пока я была на кухне. Эта женщина лет шестидесяти, черноволосая, с короткой стрижкой и голубыми глазами, отличалась исключительным любопытством и весьма своеобразной, непривычной манерой говорить. На похоронах Зи, где мы и познакомились, Фейлин не отходила от меня ни на шаг, ограждая от чересчур бестактных, нескромных вопросов, и щедро вручила не одну, а целых три буханки кабачкового хлеба.

Протянув свою чашку, Фейлин вздохнула:

– Странно... я знала Зи Кэллоу с самого детства. Мы вместе росли. На моих глазах она так неудачно вышла замуж за твоего дедушку, открыла кафе, родила твою маму... Мы виделись чуть ли не каждый день. И при этом Зи ничего о тебе не рассказывала. – Она выжидающе посмотрела на меня.

Я налила кофе ей и мистеру Лейзенби, гадая, нужно ли что-то отвечать. Примечательно, что до сего момента никто не упоминал о моем дедушке. Он был страховым агентом, работал на выезде, и дела привели его в Уиклоу. Дед сразу же поразил Зи красотой и обаянием. Вскоре они обвенчались в одной из часовен Гатлинбурга. Однако через несколько недель их чувство влюбленности стало ослабевать. К тому же деда снова потянуло в путь. Он поставил перед Зи ультиматум: или он, или Уиклоу. Сразу после развода дед покинул город, хотя уже знал, что Зи ждет от него ребенка. Больше бабушка никогда его не видела.

Зи часто повторяла, что страсть к путешествиям у мамы в крови, но настаивала, что ее дом там, где наши корни, то есть в Уиклоу.

Анна-Кейт, милая, обещаю, что не выйдешь за человека, из-за которого будешь вынуждена покинуть родные места. Душа всегда остается на земле предков.

– Странно, что мы о тебе ни разу не слышали, – настойчиво гнула свое Фейлин. – Да, Анна-Кейт?

Я-то прекрасно понимала, почему никто в городе не подозревал о моем существовании: из-за Линденов. Но не стала ничего объяснять, просто пожала плечами.

Фейлин нахмурилась.

– Где же ты, дорогуша, все это время пряталась, если не секрет?

Вот на этот вопрос можно и ответить.

– То тут, то там. В основном в северных штатах, – откликнулась я, подливая кофе посетителям. – Когда я была маленькой, мы частенько переезжали. Мама работала медсестрой, и ее постоянно переводили из одной больницы в другую.

Частенько – это, пожалуй, преуменьшение: до того, как мне исполнилось восемнадцать и я поступила в колледж, мы перебирались из города в город раз в несколько месяцев. После мы стали задерживаться на одном месте на год-полтора. Мама неоднократно пыталась осесть, обустроить собственное гнездышко, но от старых привычек не так-то просто избавиться, и в конце концов она вновь пускалась в странствие.

– В северных штатах? – Пebbлз скривила губы. – Бедняжка...

Не представляю, почему эта новость вызвала у нее сочувствие.

– Последние два года я жила в Бостоне, – добавила я. Впервые я так много времени провела в одном городе. Правда, четырежды меняла съемные квартиры. – Училась в колледже.

Вообще-то я оставалась в Массачусетсе только ради положенной мне скидки на обучение. Я мечтала обрести дом, но не определилась, где бы хотела поселиться.

– Это мы уже знаем, – кивнула Фейлин. – Я-то думала, что у тебя будет северный выговор, как у Кеннеди. Мне всегда нравилась их семья, особенно Кеннеди-младший. Он просто милашка! А какие у него глаза... – Фейлин вздохнула. – Но ты разговариваешь совсем иначе.

Разочарование в ее голосе меня позабавило.

– Чтобы обзавестись каким-то выговором, нужно куда больше времени.

– Зи сообщила нам, что Иден умерла. Было горько это слышать. Мне очень жаль, Анна-Кейт, – вмешалась Пebbлз.

Врачи утверждали, что смерть наступила из-за оторвавшегося тромба. Но я предполагаю, мамино сердце просто не выдержало тоски и боли. Даже странно, что она так долго протянула после папиной гибели.

По залу пронесся негромкий гул: все посетители выразили мне соболезнования. Я крепче сжала кофейник.

– Спасибо вам всем.

– Я не удивлена, что Иден так часто переводилась из больницы в больницу, – отпив из чашки, заявила Пebbлз. – Она с детства грезилась о дальних странах, постоянно просматривала путеводители.

– Так и есть, – подхватила Фейлин. – Ее явно тянуло в путешествия. У них с Эджем были большие планы на будущее. – Она оценивающе взглянула на меня. – Немудрено, что после аварии Иден покинула Уиклоу.

– Особенно если учесть, как с ней обращалась Сили Линден. – Пebbлз громко прищипнула языком.

Сердце забилось чаще, и я с трудом поборолась желание присесть. Всю жизнь я пыталась выведать, почему мама отсюда уехала, но они с Зи упорно отмалчивались. До меня доходили лишь сплетни, слухи о том, что Сили обвинила маму в убийстве. На все мои вопросы, с чего Сили посчитала маму убийцей, у них был только один ответ: это несчастный случай, и точка.

Положение усугублялось тем, что во время автокатастрофы мама получила травму головы, из-за которой все события того дня стерлись из ее памяти. Правда, есть одно – и очень важное – но: когда бы мама ни вспоминала об отце и об аварии, взгляд ее становился задумчивым, а уголки губ опускались. Такое выражение появлялось на ее лице, когда мама что-то недоговаривала. Я всегда подозревала: она не до конца откровенна. Пришла пора все выяснить.

Мама почти ничего не рассказывала об отце: ей было больно вспоминать о нем, и я не мучила ее расспросами. Не могла видеть, как мама плачет. Зато сейчас... Сейчас наконец-то появился шанс побольше узнать о папе.

– Заказ готов! – крикнул Лук, ударив ладонью по столешнице. По его собственным признаниям, он не любил звонить в колокольчик и предпочитал стучать по столу.

– Одну минутку, – пробормотала я и отправилась на кухню.

Подхватила блюда, которые выставил Лук, обернулась и увидела в дверях пожилую женщину в широкополой шляпе и солнцезащитных очках. Похоже, она не собиралась заходить. Просто стояла на пороге, загораживая проход, и смотрела по сторонам. Вероятно, еще одна местная жительница явилась поглазеть на загадочную Анну-Кейт Кэллоу. Меня, можно сказать, уже начали преследовать фанаты. Спрятав улыбку, я опустила тарелки перед двумя орнитологами, которые зашли позавтракать.

– На чем ты будешь специализироваться, Анна-Кейт? – не унималась Пebbлз. – Станешь семейным врачом, как бабушка?

Я вытерла руки о фартук и как можно невиннее переспросила:

– Бабушка?

Пebbлз подцепила вилкой кусочек ветчины в кофейном соусе.

– Док Линден – один из лучших врачей в городе. Будет очень жаль, если он уйдет на пенсию.

Кафе наполнила тишина. Только орнитологи продолжали как ни в чем не бывало уплетать сладкий картофель с яичницей.

Пebbлз поблeднeла и уронила вилку.

– Я... м-м-м... я имела в виду... – Она беспомощно огляделась по сторонам в поисках того, кто помог бы ей сгладить неловкость.

По уверениям мамы, я выросла точной копией своего отца, Эндрю-Джеймса Линдена: такие же вьющиеся каштановые волосы, большие глаза с опущенными уголками и ямочки на щеках. Неудивительно, что наше сходство отмечают все, особенно те жители Уиклоу, которые помнят папу. Не исключено, что моя внешность – одна из причин, по которой мне было запрещено сюда приезжать.

– Я пока не определилась, на чем буду специализироваться. У меня еще есть время подумать, – ответила я, тщательно обходя скользкую тему.

Хотя все догадываются, кто мой отец, я пока не готова подтверждать эти предположения. Сначала надо выработать стратегию, как вести себя с Линденами. Я ломала над этим голову всю неделю, пока безрезультатно.

Покидая Уиклоу, мама взяла с собой ровно столько багажа, сколько уместилось в машине, включая жгучую ненависть ко всем Линденам. С тех пор мы так и возили ее с собой из города в город, аккуратно и

бережно. А после маминой смерти настал мой черед сохранять семейную вражду, холить ее и лелеять.

Конечно, я хотела побольше узнать о своих родственниках по отцовской линии, но не могла простить им того, как они обошлись с мамой. Не переставали называть ее убийцей даже после официального признания аварии несчастным случаем. Наговаривали на маму бог весть что и всячески ее очерняли. Не допустили на папины похороны, не дали попрощаться с человеком, которого она любила всей душой.

Линдены причинили маме много зла, и, уезжая из Уиклоу, она поклялась, что не позволит им обидеть меня. А это означало, что я не должна с ними встречаться. Никогда.

Но сейчас я здесь, в Уиклоу. В таком крошечном городке рано или поздно придется столкнуться с Линденами. Я постоянно воображала, что скажу при встрече, и эти мысли едва не свели меня с ума. Совсем измучившись, я решила все пустить на самотек и действовать по обстоятельствам. Все равно заранее предусмотреть все варианты невозможно.

– А что будет с «Черным дроздом»? – Мистер Лейзенби похлопал рукой по столу. – Ты же наследница Зи. Получается, кафе теперь принадлежит тебе, правильно я понимаю?

Все присутствующие, включая орнитологов, выжидающе уставились на меня. Что же ответить? Вообще-то оно мне не принадлежит... пока.

Мистер Лейзенби продолжил:

– Что будет с кафе, если ты уедешь?

Бедняга Лейзенби несколько дней кряду поднимал меня спозаранку, когда кафе было еще закрыто, и с надеждой спрашивал, будем ли мы продавать пирог «Черный дрозд». Я внимательно взглянула на старика. В его воспаленных голубых глазах застыла тревога: он боялся утратить связь с любимой женой, умершей больше десяти лет назад.

Мистер Лейзенби протер лысину носовым платком.

– Я смогу по-прежнему покупать пирог «Черный дрозд»?

Сердце заныло. Не хватало духу признаться, что в скором времени я намереваюсь продать кафе, чтобы заплатить за обучение в медицинском. По условиям завещания я получу наследство, если отработаю здесь два месяца.

– Смогу или нет? – тормозил меня мистер Лейзенби.

– Не знаю. – Так далеко я не загадывала.

Старик подозрительно сощурился.

– А ты точно внучка Зи? Я начинаю в этом сомневаться. Ты даже пироги не печешь! – обвиняюще бросил он.

Джина с кофейником в руках ринулась ко мне.

– Отис, что за манеры! Помолчи. Оставь девочку в покое. Под таким градом вопросов у кого угодно голова пойдет кругом. Анна-Кейт, может, передохнешь? Посидишь, подышишь свежим воздухом... – Она обернулась к посетителям. – Кому еще кофе?

– Хм-м. – Мистер Лейзенби скрестил руки на груди.

– Спасибо, Джина. – Мне и правда нужно было выйти на воздух, собраться с мыслями и уговорить саму себя немного потерпеть.

Я направилась в кухню. Лук отворил передо мной дверь из проволочной сетки.

– Хочешь перекусить? Я быстренько что-нибудь сварганю.

– Нет, спасибо, Лук. Я скоро вернусь. Мне надо минутку побыть одной.

– Не торопись, отдыхай спокойно. Мы с Джиной тут прекрасно управимся.

Выйдя на террасу, я захлопнула дверь и, привалившись к косяку, прикрыла веки. К витавшему в воздухе запаху мяты примешивалось что-то еще... Кажется, жимолость. Странно, не замечала ее в саду.

Я в недоумении распахнула глаза и подпрыгнула от неожиданности: на ступеньках террасы сидела девушка лет пятнадцати. Вздогнув, она грациозно вскочила на ноги.

– Простите, мэм. Не хотела вас пугать.

О господи, опять это чертово «мэм»...

– Ты тоже из любителей птиц? – на всякий случай поинтересовалась я.

Вряд ли, конечно. Девушка не была похожа на орнитолога: высокая и стройная, как ива, в черной майке и ультракоротких шортах. Босые ступни в пыли, загорелое лицо усеяно веснушками. Темные длинные волосы частично заплетены в косу вокруг головы, а оставшиеся пряди волнами спадают на плечи и спину. В руках – корзинка, заботливо накрытая расшитым кухонным полотенцем.

Незнакомка уставилась на меня, хлопая ресницами. Ее удивительные, огромные синие глаза выражали растерянность.

– Каких любителей птиц?

Я указала на собравшуюся у забора толпу.

– Вот этих. Они приехали полюбоваться на черных дроздов.

Девушка оглянулась, и меня овеял тот самый цветочный запах. Вероятно, незнакомка пользуется шампунем или лосьоном с ароматом жимолости.

– А-а. Нет, мэм, я не с ними. – Она отвернулась к шелковицам и сморгнула слезы. – Так жаль, что мисс Зи умерла... Мы близко дружили...

– Спасибо тебе... э-э...

– Ах да, я Саммер. Саммер Павежо.

– Анна-Кейт Кэллоу, – представилась я, хотя подозревала, что Саммер и так уже догадалась. Я кивнула на стоящие на террасе кресла-качалки. – Давай присядем. У меня ужасно болят ноги.

Бесшумно ступая по подгнивающему дощатому полу, Саммер последовала за мной и, не выпуская из рук корзину, осторожно уселась в одно из кресел.

– У вас красивые балетки, но, думаю, это не самая подходящая обувь для официантки. Зи носила кроксы и была ими очень довольна.

Я поморщилась.

– Ни за что не надену такие шлепанцы.

Саммер улыбнулась.

– Вы хотя бы кеды с собой привезли?

Не только кеды, но и вообще все свои пожитки.

– Да, где-то валяются. Я поищу.

– Отличная идея!

Настал мой черед улыбаться: как-никак, идея принадлежала самой Саммер.

Я заметила, что ее пальцы перепачканы фиолетовыми пятнами – вероятно, от ежевики. Однажды летом – в ту пору мы жили в Огайо – бабушка втихомолку отвела меня собирать ежевику. Когда мы вернулись, мама увидела наши окрашенные в фиолетовый цвет ладони и сразу все поняла, но, к моему удивлению, не стала ругаться, а лишь посмеялась и попросила Зи испечь из собранных ягод пирог «Коблер».

Наверное, потому, что обожала ежевику. Это был самый вкусный «Коблер», который я когда-либо пробовала.

– Ты давно знакома с Зи?

– Всю жизнь. Получается, уже восемнадцать лет. Я родилась и выросла в Уиклоу.

Восемнадцать? Никогда бы не подумала, что Саммер такая взрослая. Но я ничем не выдала своего удивления: подростки обычно предпочитают выглядеть постарше.

– В теплое время года я дважды в неделю помогала мисс Зи ухаживать за садом. Она очень по вам скучала и хотела, чтобы вы поселились в Уиклоу.

Я приподняла брови.

– Бабушка говорила обо мне?

– Постоянно. И показывала ваши фотографии. Но вы не волнуйтесь, я никому не проболталась. Это была наша тайна. Кстати, у вас бабушкина улыбка. Мисс Зи этим очень гордилась и утверждала, это ее лучшая черта. – Саммер потупилась. – Хотя я всегда считала, что лучшая черта мисс Зи – ее отзывчивая, добрая душа. Только меня никто не спрашивал...

Ее подбородок задрожал: Саммер боролась со слезами. Да, раз уж бабушка так ей доверяла, они, похоже, действительно были близкими подругами.

– Знаешь, я полностью с тобой согласна.

Саммер коротко кивнула.

– А что в корзинке? – поинтересовалась я, всей душой надеясь, что не кабачковый хлеб.

Девушка осторожно откинула край полотенца, и я увидела десяток коричневых яиц.

– Мисс Зи была моим постоянным покупателем. Вам, случайно, не нужны?

– Нужны, конечно, – заявила я, хотя на кухне у меня лежали целых два лотка яиц. – Они всегда пригодятся. Почему?

– Два доллара и кусок пирога «Черный дрозд» за десяток.

Саммер застала меня врасплох: я не ожидала, что ей тоже понадобится пирог. Только теперь, присмотревшись внимательнее, я наконец различила в ее глазах выражение затаенной печали и скорби.

– Договорились.

Я вытащила из кармана фартука чаевые и протянула Саммер две однодолларовые купюры. С радостью отдала бы ей все эти деньги, но понимала, что она их не примет.

Девушка несмело взяла банкноты.

– Спасибо, мэм.

Меня передернуло.

– Умоляю, не обращай ко мне «мэм». Зови просто Анной-Кейт.

– А завтра вам нужны будут еще яйца... Анна-Кейт?

Ей явно было трудно называть меня по имени. Я решила не заострять на этом внимания.

– Если будут – приноси, с удовольствием куплю. – Неожиданно мне захотелось испечь «Коблер». – Кстати, я вижу, ты собирала ежевику. У тебя, случайно, не осталось лишних ягод? Мне бы пригодились.

Саммер оживилась.

– Сколько вам нужно? Пинту? Кварту? Галлон?^[6]

– Думаю, кварта будет в самый раз. Я тебе заплачу подороже. Все-таки на ежевике полно колючек, а в кустах попадаются змеи.

– Ну и пусть. Если честно, временами они нравятся мне больше людей, – улыбнулась Саммер, и стало ясно: она очень мудрая, рассудительная девушка, хоть и кажется совсем еще ребенком.

– Сейчас принесу пирог. Подожди минутку.

Я поднялась с кресла, повернулась к двери и обнаружила, что Лук уже стоит на пороге с завернутым куском пирога в руках. Видимо, он привык передавать Саммер «гонорар» за яйца.

– Анна-Кейт, не хотел отвлекать, но к тебе пришли, – протянув мне пирог, сообщил он.

Его настороженный, предостерегающий взгляд заставил меня напрячься.

– Кто пришел?

Лук пригладил аккуратную бородку.

– Док Линден. Ты готова с ним встретиться?

Готова ли я? Да нет, конечно! Ну почему же я заранее не продумала неизбежную встречу, зачем пустила все на самотек?!

– Если ты пока не расположена с ним разговаривать, я попрошу его подождать...

Вряд ли я хоть когда-нибудь буду расположена. Пожалуй, лучше покончить с этим раз и навсегда. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Нет, не надо. Позови его сюда, пожалуйста. Не хочу говорить с ним при всех.

– Конечно, секундочку.

Пытаясь унять нарастающую панику, я обернулась, намереваясь попрощаться с Саммер и отдать пирог, но той уже и след простыл.

Я присела. Снова поднялась. Отложила коробку с пирогом на парапет. На секунду задумалась, почему Саммер убежала. Сорвав лист мяты, я скомкала его и начала расхаживать туда-сюда по теплomu, потрескавшемуся дощатому полу. Меня подташнивало от волнения, нервы были на пределе.

Могла бы догадаться, что встреча с Линденами не за горами. Разумеется, до них уже дошли слухи о том, что я в Уиклоу. В маленьких городках новости распространяются молниеносно.

Я постаралась отделаться от воспоминаний о застывшей в маминых глазах боли, которая с годами усиливалась, словно непреходящая ненависть смертельно ранила ее истерзанное сердце и истрадавшуюся душу.

Скрипнули дверные петли. Выкинув мятный комочек, я торопливо вытерла взмокшие руки о джинсы. От резкого стука захлопнувшейся двери я вздрогнула. Пытаясь успокоиться, расправила плечи, сжала кулаки и, стиснув зубы, медленно повернулась лицом к давнему врагу, с которым не была даже знакома.

К своему деду, доктору Джеймсу Досону Линдену.

Не могу сказать, кого я ожидала увидеть. Возможно, черта с рогами. Или как минимум типичного южанина с зализанной прической и в полосатом костюме, насквозь пропитавшемся запахом табака. Потомственного аристократа и джентльмена, преисполненного снобизма и чувства собственного превосходства.

Но я ошиблась: доктор Линден выглядел скромно и даже смиренно. Ни высокомерной осанки, ни надменно задранного подбородка. Одет просто: в сиреневато-голубую рубашку, брюки цвета хаки и потертые коричневые лоферы. Оттопыренные уши прикрыты градуально подстриженными седеющими волосами.

Человек как человек. С печальным, полным тоски взглядом.

Спрятав руки в карманы, док рассматривал меня, словно стараясь запомнить каждую мою черточку, каждую кудряшку. Неизвестно,

сколько мы так простояли, изучая друг друга, отыскивая на чужом, незнакомом лице что-то родное. Я отметила, что у него такие же, как у меня, ямочки на щеках, тот же разрез глаз, а надо лбом так же торчит непослушный вихор.

Я попыталась представить дока Линдена в молодости, и у меня перехватило дыхание: если не считать цвета волос, мой папа был его точной копией.

Мне стало так неловко, что я отвела глаза. Доносившийся до нас гомон приезжих заглушал птичье пение. Небольшая коричневато-серая птичка подскочила к моим ногам и клюнула скомканный мятный лист. Поскольку орнитология была в колледже моим любимым предметом, я сразу распознала в ней чибиса.

Доктор Линден вдруг побледнел и покачнулся. На лбу у него выступила испарина.

– Можно я присяду?

Я подвела его по скрипучим доскам к креслу.

– Вам плохо?

– Да нет, спасибо. – Он махнул рукой, жестом показывая, что тревожиться не о чем. – Сегодня такая жара...

Было очевидно, что дело не в жаре. И, пожалуй, не в том, что он переволновался из-за встречи со мной. Его смуглое лицо приобрело болезненный оттенок, белки глаз пожелтели. Док явно болен. Скорее всего, что-то с печенью.

Я оглянулась на бабушкин сад, где белели цветы тысячелистника. Многолетние уроки Зи о живительных таинствах природы не прошли даром. Знания, которые она мне дала, бесценны. Благодаря бабушке я умею готовить лекарственные настои и обожаю самостоятельно составлять целебные сборы из трав.

Тысячелистник очень полезен для печени. Может, отвар из него и не вылечит доктора полностью, но облегчит его состояние.

Мысленно я одернула саму себя: док не просил ему помогать. И вообще, он не достоин моей помощи.

Тем не менее я предложила:

– Принести вам воды?

Я же не изверг, в конце-то концов!

– Нет-нет, не нужно. – Вытащив из заднего кармана платок, он вытер лоб. – Я ненадолго. Сядь, пожалуйста.

Я неохотно подчинилась. Не хочет воды – ну и не надо.

– Мне очень жаль, что Зи умерла, – участливо произнес док. – Она была замечательным человеком.

Как ни старалась, я не уловила в его словах лицемерия или фальши и почувствовала себя еще более неловко. Я росла в полной уверенности, что Кэллоу и Линдены терпеть друг друга не могут, но в глазах дока, несомненно, отражалось сострадание. Я вдруг подумала, что бабушка никогда не говорила о Линденах ничего плохого. Из нашей семьи только мама их открыто презирала.

Внезапное озарение повергло меня в шок, перевернуло весь мой мир. Вслед за мамой я относилась к родственникам по отцовской линии враждебно. Что, если в действительности они этого не заслуживают?

Онемев от мгновенно вспыхнувшего прозрения, я не сумела даже выдать положенные слова благодарности.

– Ты жалеешь о каких-нибудь своих поступках, Анна-Кейт? – Док закатал до локтя рукава рубашки. На солнце блеснули старые часы с поцарапанным циферблатом.

– Все о чем-нибудь жалеют.

– Я имею в виду сожаления, которые мучают и разъедают душу.

Летний ветерок усилился. Птичка уставилась на меня, словно тоже ждала ответа.

– Есть одно, – призналась я, отмахиваясь от неприятных воспоминаний.

Из кухонного окна высунулся Лук. Кивнул на дока, а затем указал себе за спину. Видимо, спрашивал, не пора ли выпроводить Линдена за дверь.

Я едва заметно качнула головой: чувствовалось, что доку необходимо выплеснуть наболевшее. Мне хотелось выслушать его исповедь. Лук понимающе поднял два больших пальца.

– А у меня много. – Док рассеянно крутил обручальное кольцо. – Слишком много. В моем возрасте начинаешь ночами вместо овец считать прошлые ошибки, только они не избавляют от бессонницы. – Он невесело улыбнулся.

На вид док не был стариком: я бы дала ему семьдесят с небольшим. Судя по всему, он выглядит моложе своих лет. Я ничего не знаю о Линденах: в нашей семье все разговоры о них были под строжайшим запретом, который я даже не пыталась нарушить.

Док снова промокнул лоб платком.

– Наверное, каждый начинает переосмысливать свои поступки, когда его настигает болезнь, – выдала я.

Он приподнял темные, кустистые брови.

– Пожалуй, ты права.

В его словах прозвучало столько горечи, что, казалось, ее вылили на меня из ведра, и я немедленно пропиталась ею насквозь. В носу и в глазах защипало. Да что же это? Мне вообще не должно быть до него никакого дела! Борясь с подступившими слезами, я отвернулась и стала наблюдать за скачущей по террасе птицей. Одно ее крыло было неестественно вывернуто, как после перелома. Бедняжка!

– Мы не знали, что у нас есть внучка, – после длительной паузы промолвил док.

К счастью, он не подверг сомнению наше родство, чего я, честно говоря, боялась и даже готова была, если понадобится, сделать тест ДНК.

– Я в курсе.

– Почему Иден ничего нам не сказала?

– Вы действительно не понимаете?

Док перевел взгляд на птицу, клюющую на террасе щепки, и потерял циферблат часов.

– Твоя мама не могла не осознавать, как много для нас значила внучка. Мы были бы рады с тобой общаться. Мы имели на это право!

– Вы серьезно?

– Ты все видишь глазами мамы, Анна-Кейт. Но можно посмотреть и с другой стороны.

Надрыв и боль в его голосе вновь заставили меня усомниться во всем, что я слышала о Линденах.

Я стиснула подлокотники кресла.

– Вы обвинили мою маму в убийстве и даже не позволили ей проститься с тем, кого она любила больше жизни. Я считаю, это лишило вас всякого права на меня. И точка.

– Все не так просто, Анна-Кейт...

– Проще некуда. А сейчас мне надо работать.

Я встала и направилась к двери. Испуганно чирикнув, птичка вспорхнула и влетела прямо в спальню на втором этаже. Чудесно!

Значит, окно было раскрыто, и теперь у меня в доме чибис. Я нахмурилась.

– Анна-Кейт, подожди, пожалуйста!

Вздыхнув, я снова обернулась к доку и нетерпеливо притопнула ногой. Пусть объяснит, почему они так повели себя с мамой. Хотя что тут объяснять...

Док, болезненно сморщившись, уставился на шелковицы.

– Мне кажется, сожаления похожи на рак: они точно так же неумолимо уничтожают человека, медленно, исподтишка. К несчастью, я не могу изменить прошлое. Это не в моих силах. Что сделано – то сделано. Прости. Мне правда очень жаль.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, я проглотила слова, которые чуть не сорвались с языка, и они обожгли горло. Его извинения запоздали, но... я не была бесчувственным чурбаном и понимала, что Линден говорит со мной искренне. Жаль только, что мама этого уже никогда не услышит.

– Рано ставить точку, Анна-Кейт. Мы можем все начать с чистого листа, если захотим... Если ты захочешь. Прошлое нам не подвластно, но будущее зависит от нас. – Он поднялся и, вновь покачнувшись, сунул руки в карманы. – Я бы хотел пообщаться с тобой, получше узнать свою внучку. Надеюсь, что и ты не против получше узнать меня и всю родню со стороны отца. По воскресеньям в четыре мы все собираемся на семейный обед. Если получится, приходи к нам в гости. Познакомишься со всей семьей.

– Спасибо за приглашение, но я не могу. – Я приоткрыла проволочную дверь и обнаружила, что из зала на меня пялятся десятки глаз. Мгновение – и все отвернулись.

– Ладно, пусть мы тебе неинтересны, Анна-Кейт, но как же твой папа? У нас сохранились его записные книжки и альбомы с фотографиями. Может, тебе было бы любопытно на них взглянуть?

Твой папа.

Я замерла, не отпуская дверную ручку. Конечно, док мной манипулирует. Сразу догадался, что мне нужно, и пытается добиться своего.

Я всем сердцем желала выяснить об отце как можно больше. Понять, что за человек он был. Это для меня очень важно! Я бы с удовольствием часами пересматривала фотографии и без конца

слушала бы истории из его жизни. Однако нельзя поддаваться соблазну. Ради мамы.

– Извините, я не смогу, – выдавила я и, метнувшись внутрь кафе, захлопнула за собой дверь.

– Вы когда-нибудь заказывали пирог «Черный дрозд»?

– А как же! – отозвался мистер Лейзенби. – Почти каждый день в течение тринадцати лет. Не заказывал, только если кафе было закрыто. Он очень даже вкусный, пирог-то.

– В него действительно запекают дроздов?

– Нет, сэр. Ничего подобного. – Глаза мистера Лейзенби весело блеснули. – Начинку делают из фруктов.

– А что туда еще кладут?

– Это семейный рецепт Кэллоу. Если хотите узнать ингредиенты, считайте, вам не повезло.

Журналист протер запотевшую стенку стеклянной баночки.

– Вы верите в местную легенду? В то, что с помощью пирога можно получить во сне послание с того света? – Он скептически усмехнулся. – Что, если съесть кусочек, ночью через пение черных дроздов с тобой заговорят покойные близкие? Как тут написано: «Пироги надо печь, чтоб звучала их речь»...

Мистер Лейзенби поднялся, поправил галстук-бабочку и нахлобучил шляпу, низко надвинув ее на лоб.

– Ты еще не пробовал пироги «Черный дрозд», так ведь, сынок?

– Так. А что?

– Иначе не задавал бы таких глупых вопросов и не отнимал у меня время. Разговор окончен.

Анна-Кейт

– Птицы нигде нет, – сообщила я, спускаясь по лестнице. Я уже трижды обыскала дом. – Наверное, улетела.

– Скорее всего, – подтвердил Лук, переворачивая стул ножками вверх и водружая его на столик. – Думаю, ее одолело любопытство. Птицы вечно суют свой клюв в чужие дела...

– А мне кажется, коты не менее любопытны, – возя шваброй по полу, подала голос Джина.

Серо-голубые глаза Лука потемнели, в них промелькнуло что-то вроде обиды. Он несколько раз провел рукой по щекам и подбородку, приглаживая и без того аккуратную седеющую бороду.

– Любопытство никого до добра не доводит.

– Это уж точно, – с грустью согласилась Джина.

Я недоуменно переводила взгляд с нее на Лука и обратно. Почему в кухне возникло напряжение недосказанности? Видимо, супругов Бартелеми связывает какая-то печальная тайна.

– У вас что, есть домашние животные?

– Нет. Разве только статуя койота в огороде, – улыбнулась Джина. – Отлично отпугивает не слишком сообразительных зверей.

Взяв тряпку и чистящее средство, я вновь принялась за уборку. Мы уже почти подготовили кафе к завтрашнему дню. Позже я планировала заехать к Саммер Павежо и завезти пирог, чтобы не оставаться в долгу. К тому же он много для нее значил.

Правда, я не была уверена, что пирог «сработает»: ведь его пекла Джина. Завтра я сама возьмусь за выпечку, а пока буду уповать на то, что Саммер все-таки получит во сне послание.

– А где вы живете? – поинтересовалась я. – Недалеко от кафе?

– Недалеко, – кивнул Лук. – Всего в паре кварталов.

– У реки, рядом с мостом, – уточнила Джина. – Домик небольшой, ничего особенного, зато пейзаж красивый и журчание воды по ночам убаюкивает, как колыбельная.

Ее плавная, напевная речь, и сама напоминающая колыбельную, умиротворяла и успокаивала.

– Там, должно быть, очень тихо и уютно, – предположила я.

– Обычно да. – Джина потянулась за стоящим на полке бумажным полотенцем и вдруг со стоном опустила руку.

– Что с тобой? – забеспокоилась я.

– Да ничего, – заверила меня Джина. – Старая травма дает о себе знать. Иногда я о ней напрочь забываю.

Левой рукой она сняла с полки полотенце.

– Думаю, тебе стоит обратиться к врачу. Вдруг с этим еще можно что-то сделать...

– Сразу видно, что медицина – твое призвание. Не волнуйся, лапонька. Я уже давно приспособилась жить с этой болячкой. – Джина

потерла правое плечо. – Уверена, Линдены счастливы, что ты, как папа, собираешься продолжить семейную династию.

– Джина... – Лук вздохнул.

– А что? – Та оторвала кусочек бумажного полотенца и промокнула свежий потек на стенке шкафчика. – Все в курсе, что Эджей мечтал стать врачом, как и его отец, и дед. Кстати, Анна-Кейт, забыла спросить: чем закончилась встреча с доком Линденом?

Мама всегда желала, чтобы я пошла по папиным стопам. Ничего удивительного: умение исцелять у меня в крови. К тому же эта профессия в какой-то степени позволила бы осуществиться неисполненному замыслу отца. Думаю, папа бы мной гордился. Но мне безразлично, как к моему выбору отнесутся Сили и док Линден.

Я начала отмывать пятно со столешницы.

– Док пригласил меня пообедать с ними в это воскресенье. Но я отказалась. Иначе не могла.

– А теперь жалеешь? – ласково прошептала Джина, видимо уловив мои сомнения.

Я налила на тряпку еще немного чистящего средства, и воздух наполнился ароматом лимона и лаванды.

– Авария, в которой погиб отец, случилась, когда вы уже приехали в Уиклоу?

Лук выронил стул, и тот с оглушающим грохотом, напоминающим выстрел, свалился на пол.

– Извините, руки от масла скользкие, – пробормотал он. – Стул уцелел.

– Мы прибыли сюда незадолго до аварии. – Джина ловко орудовала шваброй. – А что?

– Мама всегда юлила, когда я спрашивала об автокатастрофе и ее последствиях. Наверное, щадила мои чувства. Но я хочу доподлинно выяснить, что произошло.

– Ну, кое-что мне известно. – Джина направилась ко мне.

– Джина... – предостерегающе произнес Лук.

– Цыц, – отмахнулась она. – Анна-Кейт должна знать.

– О чем? – заволновалась я.

– В то лето твои родители все время ссорились из-за того, что Эджей планировал учиться в другом городе. – Джина задумчиво устремила вдаль темные глаза. – Иден отказывалась ждать его здесь.

Она всегда мечтала вырваться из Уиклоу и намеревалась уехать вместе с ним. Но они не могли жить самостоятельно. Эджею требовались деньги на образование. К тому же Зи настаивала, чтобы Иден осталась тут. Из-за этого твои бабушка и мама постоянно ломали копыя.

Что ж, это не новость: мамина тяга к путешествиям всегда была камнем преткновения между ней и Зи.

– Ради счастья Иден твои бабушка в конце концов уступила и даже дала влюбленным немного денег, чтобы они быстрее встали на ноги, – продолжала Джина. – Иден и Эджей решили, что снимут квартиру в Таскалусе, Иден найдет работу в какой-нибудь больнице, и они поженятся. А потом, после окончания университета, отправятся путешествовать, посмотрят мир и вернутся в Уиклоу.

– Вернутся? – переспросила я. Мне не терпелось узнать, что же случилось дальше. – Зачем?

– Видишь ли, Эджей, став врачом, должен был занять место отца. А твои мама, ну... она бы жила здесь, с черными дроздами, и выполняла свое предназначение. Лишь с таким условием Зи согласилась ее отпустить. Только в Уиклоу Иден могла обрести душевное равновесие.

Я взглянула за окно, на шелковицы.

Хранительница всегда возвращается, как бы далеко ей ни пришлось уехать, ибо лишь там, где ее корни, рядом с двумя деревьями, в душе воцаряется мир. Она может быть счастлива только в родном краю, исцеляя и утешая скорбящих.

Джина оперлась на ручку швабры.

– Но у твоих родителей ничего не вышло. Они даже не успели снять квартиру.

– Почему?

– Из-за Сили.

И отчего я ни капли не удивлена?

– Узнав об их планах, она пригрозила сыну, что не позволит ему играть в семью за ее счет. Сили хотела, чтобы Эджей присоединился к студенческому братству, а не обременял себя брачными узами в столь юном возрасте. Поэтому предъявила ему ультиматум: либо колледж, либо Иден.

Страшно подумать, под каким давлением находился папа. Это же надо, поставить его перед выбором: призвание и надежды всей семьи

или любовь всей жизни...

Джина окунула швабру в ведро с водой.

– В тот день твои родители ездили смотреть колледж, куда должен был поступить Эджей. Сили считает, что твой папа предпочел учебу и на обратном пути объявил об этом Иден, а та в припадке гнева намеренно направила машину в кювет.

– Кроме Сили в это никто не верит, – торопливо вставил Лук, поднимая очередной стул.

Я впервые слышала эту историю. От горьких мыслей о судьбе родителей сердце болезненно сжалось.

– Значит, папа... – Я глубоко вздохнула. – Значит, он в самом деле сказал маме, что они расстаются?

– Неизвестно, мэм. Ведь из-за травмы Иден потеряла память и забыла, что тогда произошло, – напомнил Лук. – К счастью, полиция сочла, что это несчастный случай, но Сили продолжает стоять на своем.

Опять это ужасное «мэм»... Ладно, сейчас не до того.

– Полицейские ведь отпустили маму. Почему же Сили к ней прицепилась?

– Иден нельзя было задерживать из-за недостаточности улик, – пояснила Джина. – Мнение Сили имеет в городе большой вес, но, несмотря на ее безапелляционные уверения, большинство жителей Уиклоу были на стороне Иден. Только слепой мог не заметить, как сильно они с Эджем любили друг друга. Когда обвинения были сняты, Иден уехала. Многие думали, что она вернется, ведь работа в кафе – ее предназначение. Никто не знал, что она беременна. Теперь-то понятно, почему Иден покинула Уиклоу навсегда.

Я рассеянно кивнула.

– Наверное, я сначала зайду к Павежо, а потом загляну в библиотеку. Она находится в здании суда, так?

– Угу, на третьем этаже. Хочешь почитать старые газеты? – Похоже, я была для Джины раскрытой книгой.

– Угадала, – смущенно улыбнулась я.

Хочу – не то слово: мне позарез надо узнать как можно больше об этой аварии. А начинать лучше всего с изучения прессы.

– Тогда поторопись, – посоветовала Джина. – Библиотека закрывается в пять. Мы тут сами все доделаем.

– Правда? – обрадовалась я.

– Конечно!

Я кинула тряпку в помещение для стирки и отложила моющее средство.

– Не представляю, как вы вкалываете здесь каждый день. Это так тяжело!

– Во-первых, обычно посетителей у нас гораздо меньше, – возразил Лук.

– А во-вторых, если мы вдвоем не справлялись, Зи нанимала временных помощников, – добавила Джина. – Возможно, тебе стоит взять это на вооружение.

– Ладно, подумаю.

От перспективы поиска нового сотрудника стало не по себе. Пожалуй, подожду пару дней. Если орнитологи не уедут, придется вывесить объявление о приеме на работу.

Лук закончил возиться со стульями и повернулся ко мне.

– Ты взяла схему, как добраться к дому Павежо?

– Взяла. – Я достала из кармана бумажку и с глубокомысленным видом уставилась на нее, притворяясь, что разбираюсь в невысказанных каракулях Луки.

– Может, я все-таки тебя провожу? – уже в третий раз предложил он. – Там легко заблудиться.

– Спасибо, но мне пора самой ориентироваться в городе.

Джина прислонила швабру к застекленному прилавку с выпечкой.

– Дорогу к дому Павежо не так-то просто найти среди густых зарослей.

– Ничего, разберусь. У меня же есть схема Луки, очень понятная и подробная, – соврала я, направляясь к двери. – Не волнуйтесь, я не заплутаю.

– Когда будешь подходить к дому, обязательно крикни, кто ты такая, не то получишь пулю в лоб, – предупредила Джина.

Я обернулась, решив, что это шутка. Однако Джина говорила серьезно.

– Здесь принято охранять дома от грабителей, – с явным одобрением пояснила она. – К тому же после аварии Обин немного не в себе. Раньше он был очень общительным, а теперь отгородился от внешнего мира и живет как отшельник. Порой он бывает не слишком гостеприимен, особенно по отношению к незнакомцам.

– Какой еще Обин? Что за авария?

– Отец Саммер, – ответил Лук. – Шесть лет назад в горах вся семья Павежо попала в автокатастрофу: была зима, гололед, и машину занесло. Она соскользнула по придорожному склону. Саммер отделалась легким испугом, а ее родителям не повезло. Фрэнси погибла. Обин получил многочисленные травмы, ударился головой и покалечил ногу.

– Какой ужас...

Как всегда, рассказ об автокатастрофе напомнил мне о трагической судьбе отца. С усилием отогнав от себя печальные мысли, я повертела в руках коробку с пирогом. Надо во что бы то ни стало передать его Саммер!

– Да, тяжело им пришлось... – Джина цокнула языком.

– Обин вылезся?

– В основном да, – кивнула Джина. – Но с тех пор он очень изменился. Был отчаянным храбрецом и душой компании, а превратился в осторожного, нелюдимого затворника. Никуда не ездит, нигде не бывает, зато на могилу жены приходит словно по расписанию: каждый день в четыре часа, в любую погоду.

– Он работает? – осведомилась я, припомнив, что Саммер торгует яйцами.

– Уже нет. – Лук вытащил из мусорной корзины наполненный пакет, ловким движением завязал его и отложил в сторону. – Раньше Обин был почтальоном, однако, став инвалидом, не смог больше водить машину. Пробовал устроиться клерком, но через месяц уволился.

– Психологически не был готов выходить на работу. – Джина покрутила пальцем у виска. – Теперь они с Саммер занимаются огородничеством, продают на ярмарке домашнее мыло и разные безделушки. На жизнь им вполне хватает.

Лук сунул в мусорную корзину пустой пакет.

– Я почти закончил. Давай я все-таки тебя провожу, Анна-Кейт. Познакомлю с Обином.

– Нет-нет, – заупрямилась я. Кто знает, почему Саммер сегодня убежала? Может, она не любит, когда рядом много людей? – Я справлюсь – мне не привыкать к самостоятельности.

– Нет, солнышко, теперь ты не одна, у тебя есть мы, – прощбетала Джина.

– Спасибо, но вы и так мне много помогаете, – вежливо, но твердо отказалась я и взялась за ручку двери. – Вы меня сегодня очень выручили. Без вас я бы ни за что не справилась.

– Пожалуйста, лапонька, – улыбнулась Джина. – Уж постарайся, чтобы тебя не пристрелили. Я очень к тебе привязалась.

– Постараюсь.

Помахав им, я вышла за дверь. Сделала несколько шагов, взглянула на схему Лука и, обнаружив, что иду в противоположную сторону, развернулась. Лук, наблюдавший за мной из окна, укоризненно покачал головой. Я вновь помахала ему и двинулась вперед.

Неожиданно путь мне преградил сэр Птицелюб.

– Извините, что беспокою, мэм. Мы все хотели поблагодарить вас за воду и сэндвичи. Спасибо за угощение. Очень мило с вашей стороны. Мы не рассчитывали провести здесь весь день. – Он протянул руку. – Меня зовут Закарайа Бойд.

– Анна-Кейт Кэллоу. – Я пожала его ладонь. – Только, пожалуйста, не называйте меня «мэм».

К полудню, проведя несколько часов на жаре, орнитологи совсем умаялись. Не могла же я допустить, чтобы они потеряли сознание в моем дворике! К тому же разумнее поделиться сэндвичами с проголодавшимися людьми, чем выбросить оставшиеся продукты в помойку.

Закарайа Бойд вспыхнул.

– Да. Извините.

– А теперь прошу прощения, мне надо идти. – Я вновь взглянула на схему, пытаюсь сориентироваться.

– Еще одну минуту. Можно спросить?..

– Что?

– Говорят, черные дрозды показываются не раньше полуночи. Это правда?

– Правда.

Бойд повернул голову в сторону шелковиц, хотя их отсюда практически не было видно, и его второй подбородок заколыхался.

– Но ведь черные дрозды не летают по ночам...

– На свете есть много удивительного и необъяснимого, мистер Бойд. Дрозды появляются в полночь, ровно на шестьдесят минут.

Закарайа Бойд, хмурясь, взглянул на часы.

– Большое спасибо, мэ... – Оборвав себя на полуслове, он направился к своему стулу у ограды, туда, где лучше обзор.

Такое ощущение, что толпа любителей птиц стала раза в три больше, чем с утра, и продолжала увеличиваться. Даже во время нашего недолгого разговора с Бойдом подошли еще двое, в панамах и с биноклями на шее. Дворик был до отказа забит стульями, ковриками, фото- и видеокамерами. Подумав, что на всякий случай стоит испечь назавтра еще несколько пирогов, я двинулась дальше.

На углу здания суда располагалась детская площадка. Подойдя ближе, я заметила ту самую женщину, которая сегодня много раз проходила мимо кафе, но так в него и не заглянула. Она играла в догонялки со своей дочуркой. Девочка со смехом бежала, раскинув ручки в стороны, чтобы удержать равновесие. Маленькие ножки трогательно-неуклюже семенили.

– Сейчас мама тебя поймает! – подзадоривала ее женщина, нарочито мелкими шажками огибая поблескивающие на солнце серебристые качели-весы.

Девочка восторженно взвизгнула, и я улыбнулась. Уже и забыла, какво это – просто жить и радоваться, без тревог и волнений. Малышка словно поделилась со мной беззаботным весельем.

С теплым чувством благодарности в душе я зашагала дальше, соображая на ходу, куда идти, но меня остановил голос:

– Подождите! Здравствуйте! У вас с собой пирог! Анна-Кейт!

Я обернулась. Ко мне спешила женщина с дочкой на руках.

– Здравсте, – запыхавшись, выпалила она.

Девочка покраснелась от беготни, на ножках грязь. Зато ее мама выглядела безукоризненно. На желтом летнем платье ни пятнышка. В ушах поблескивают золотые сережки-гвоздики. Из волос, собранных в пучок, выбилась всего пара прядей, на щеках горит свежий, здоровый румянец, а помада даже не смазалась. И как она умудрилась, играя с ребенком, сохранить такой безупречный внешний вид?

– Здравствуйте, – ответила я, недоумевая, что ей от меня нужно.

– Пливет-пливет! – Малышка подняла перепачканную ручку и энергично помотала вперед-назад.

Я тоже ей помахала.

– Какой у тебя красивый цветочек!

Девочка дотронулась до лоскутного пиона на влажных волосиках.

– Лозовый!

– Просто прелесть!

Я улыбнулась ее маме.

– Ваша дочь – само очарование.

– Спасибо. Только она вся вспотела, ей пора купаться.

– Купася!

– Да, купаться, – кивнула женщина. – Да и мне не помешало бы. Я, должно быть, вся всклокоченная и растрепанная. Игры на детских площадках – это что-то! Не всякий выдержит, особенно в такую жару. Кстати, я Натали. Натали Уокер. А это Олли. Вообще-то Оливия-Ли, но мы называем ее Олли. Спасибо, что остановились. Я, наверное, кажусь вам ненормальной... Просто увидела у вас коробку с пирогом и не удержалась. Мне очень нужен пирог «Черный дрозд». Может, продадите этот кусочек?

– Извините, не могу: обещала его подруге. Если не ошибаюсь, вы сегодня прогуливались мимо кафе? Почему не заглянули к нам?

Натали поудобнее перехватила дочку.

– Долго объяснять. Можно попросить вас об одолжении? Для меня это очень важно...

– О чем вы? – насторожилась я.

– Вниз! – Олли завертелась, будто ей в шорты заползли муравьи.

Создавалось впечатление, что она вообще не могла говорить спокойно. Умела только восклицать.

Натали спустила ее на землю, и Олли потопала к стоящей у качелей коляске. Я обратила внимание на бледно-розовый педикюр Натали и с облегчением отметила, что лак кое-где облупился, а белые босоножки слегка запылились. Значит, есть вероятность, что она все-таки живой человек, а не робот.

– Не могли бы вы завтра придержать для меня кусочек пирога «Черный дрозд»? По пятницам Олли забирает моя мама, а я освобожусь не раньше девяти. Боюсь, к тому времени вы уже все распродаете.

В ее глазах мелькнули тревога и еще какое-то знакомое выражение. Я попятилась.

– Вы что... из семьи Линденов?

Она недоуменно уставилась на меня.

– Ну да. Я Натали Линден Уокер.

Похоже, она не слишком рада такому родству. Интересно.

– А как вы догадались? – удивилась Натали, не выпуская из поля зрения дочку.

Олли уселась прямо в грязь и самозабвенно возила по земле игрушечным экскаватором, тархтя за него своим тоненьким голосочком.

– По глазам. Они точь-в-точь как у дока Линдена. Он заходил в кафе. Кем вы ему приходитесь?

Растерявшись, Натали тоже отступила назад.

– Я его дочь.

– Дочь?! – в свою очередь изумилась я.

Почему никто не сказал, что у меня есть тетя? Родственники всегда от меня что-то скрывали! Не многовато ли накопилось тайн?

Натали испуганно вытаращила глаза. Сейчас она напоминала пойманного олененка.

– Что он от вас хотел?

Я решила не вдаваться в подробности.

– Док пригласил меня на обед в это воскресенье.

– На обед, – обалдело повторила Натали.

Она прижала руку к груди и раскрыла рот. Что-то пробормотала про маму и сердечный приступ. Отвернулась. Вновь посмотрела на меня.

– Честно говоря, вы меня огорошили, Анна-Кейт. Сегодня с самого утра происходят какие-то странности. Сначала мама вертелась около кафе, потом папа вообще зашел внутрь, а теперь еще это приглашение...

У меня вспотели ладони.

– Ваша мама была сегодня в кафе?

– Да, стояла в дверях и подглядывала за происходящим, как заправский шпион, хотя до этого много лет даже не приближалась к «Черному дрозду»... – Натали вдруг застенчиво улыбнулась. – Простите. Болтаю почему зря. Просто никак не могу прийти в себя. Родители приглашают на воскресный обед только членов семьи. По крайней мере, так было заведено раньше. А позвать кого-то из рода Кэллоу – это просто...

Натали запнулась и молча покачала головой, не в силах выразить, насколько это невероятно. Вдруг она расширила глаза и, покраснев, принялась приглаживать платье.

– Извините, я несу какую-то чушь. Мне так неловко, Анна-Кейт. Только не подумайте, что мы будем вам не рады...

Я с трудом подавила смех. У Натали был такой несчастный вид... Похоже, она испугалась, что ее слова меня обидели.

– Не переживайте, я отказалась от приглашения.

– От этого не легче. Я вам столько всего наговорила...

– Это от неожиданности.

– Да. – Натали кивнула. – От неожиданности. Или растерянности. Вернее, и от того, и от другого. Спасибо за понимание.

Очевидно, Натали тоже держали в неведении. Она и не подозревает, что я ее племянница.

Вне всякого сомнения, лишь они с Олли не в курсе, что я дочь Эджея. Странно, почему я увидела их только сейчас? Где же они прятались всю неделю?

У Натали явно возникла масса вопросов, но она не решалась их задать. Наверное, следовало бы попрощаться и продолжить свой путь, но секреты уже осточертели. Натали имела право узнать, кто я.

– Вам про меня что-нибудь рассказывали?

– Почти ничего. Я слышала, что вы – родственница Зи и новая владелица кафе. А что?

– Я ее внучка.

Темные брови Натали подпрыгнули вверх.

– А я считала, у Зи нет внуков...

Я глубоко вздохнула.

– А еще я внучка дока и Сили.

Натали на секунду потеряла дар речи.

– Вы... кто?

– Когда моя мама, Иден, уезжала из Уиклоу, она была беременна.

Натали внимательно взгляделась в мое лицо и ахнула.

– О господи! Мне надо идти.

С этими словами она кинулась к Олли и принялась собирать разбросанные по земле игрушки. Сунув их в висящий на коляске рюкзак, подняла Олли на руки и подскочила ко мне.

– Пливет-пливет! – заулыбалась Олли.

Натали порывисто обхватила меня одной рукой и крепко прижала к себе. Олли с готовностью обняла меня за плечо. Я в замешательстве застыла, не зная, как реагировать. Натали с улыбкой отстранилась.

– Добро пожаловать в семью, Анна-Кейт.
– Спасибо, – ошарашенно пробормотала я.
Олли поболтала в воздухе поднятой ручкой.
– Пока!

Я помахала ей в ответ.

Добро пожаловать в семью...

В детстве я мечтала, чтобы у меня была самая обыкновенная семья, как у всех. Родители. Бабушка и дедушка, к которым я бы ездила в гости с ночевкой. Кошка или собака. Дом, где на дверной раме год за годом отмечали бы мой рост, и сад с клумбами, а не цветочные горшки в квартире. Семейные обеды и праздники, чтобы собираться всем вместе за одним столом, смеяться, спорить, дарить друг другу любовь и заботу.

Наверняка все это было у Натали. Меня кольнула зависть. Не скажу, что я росла обездоленной. Мама меня любила. Я всегда была одета, обута, накормлена. Много повидала, научилась самостоятельности. Но все время казалось, что я обделена в чем-то, что в избытке досталось другим детям.

– Не забудь отложить для меня кусок пирога! Увидимся завтра! – усаживая Олли в коляску, напомнила Натали и чуть ли не бегом устремилась прочь.

А я глубоко вздохнула и вновь двинулась в направлении холмов, не решаясь самой себе признаться: я жалела, что не приняла приглашение дока.

Я заблудилась.

Пожалуй, это было даже приятно – заплутать в таком местечке. Я стояла на каменистой проселочной дороге, испещренной узкими мелкими трещинками, словно передержанный в духовке бисквит. Порывы легкого, освежающего ветерка приносили с собой дурманящий смолистый аромат. Высоченные дубы, сосны и ореховые деревья отбрасывали длинные тени, а над обочинами, поросшими высокой травой и яркими цветами, порхали пестрые бабочки.

С самого моего детства Зи прививала мне любовь к природе. Приезжая к нам, она всякий раз уводила меня в лес и, несмотря на мамины запреты, передавала свои знания о целительных свойствах растений. Бабушка постоянно внушала мне: «Предназначение женщин из рода Кэллоу – облегчать чужую боль и врачевать раны, как телесные, так и душевные. Запомни, Анна-Кейт: лечить недуги можно по-разному».

Мама не признавала нетрадиционную медицину, и это служило камнем преткновения в ее спорах с Зи. Противоположность во взглядах привела к непримиримому противостоянию, которое началось еще до моего рождения. А я оказалась между двух огней.

Высоко в небе пролетел ястреб. Тревожно закричала гаичка.

– Птичка, не бойся! Я иду по своим делам! – громко произнесла я.

Но бдительная пичужка не умолкала. Кажется, мои слова ее не убедили. Бедняжка не на шутку встревожилась.

Вытерев запястьем пот со лба, я в очередной раз сверилась со схемой. Я уже миновала последний ориентир – шесть покосившихся почтовых ящиков, которые, казалось, рухнут, стоит только положить в них письмо, – и на пятом по счету перекрестке свернула направо. По уверениям Лука, эта дорога вела напрямик к Павежо, однако через двадцать минут ходьбы обнаружилось, что она раздваивается. Я выбрала сначала одну дорожку. Потом вернулась и прошла по второй. Ни дома Обина и Саммер, ни вообще каких-либо признаков

человеческого жилья, кроме разве что отпечатков колес на дороге. Очевидно, недавно здесь проезжала машина.

Я устало плелась вперед. Камни искрились в солнечных лучах, а по обочинам росли кусты барбариса. Отметив про себя, что отвар из его коры помогает при желтухе, я вспомнила о доке Линдене. Вздохнув, приказала себе не думать о нем и продолжила путь.

Птичьи крики стали еще громче. Выходит, гаички волнуются не из-за меня. Насторожившись, я обратила внимание на шорох в кустах. В зарослях, без сомнения, кто-то прятался, и это была явно не безобидная белка. Машинально отгоняя от лица назойливую муху, я замерла, вглядываясь в просветы между деревьями, и попятилась, готовясь к худшему.

Что за зверь там притаился? Бешеный енот? Или кабан? А вдруг здесь водятся медведи?

Я так себя накрутила, что, когда из-под листьев папоротника на дорогу грациозно выскочил пепельно-серый кот, подпрыгнула и завизжала.

Несколько секунд, скованная оторопью, я оценивала комизм ситуации. Выровняв дыхание, я с удивлением узнала того самого кота, которого видела утром в саду.

Кот неторопливо, с чувством собственного достоинства прошествовал мимо, даже не посмотрев в мою сторону, и сел на некотором расстоянии от меня. Оглянулся. Сделал еще пару шагов и призывно мяукнул.

Может, от усталости мне почудились в его голосе нотки нетерпения.

Я неуверенно приблизилась. Кот отступил, соблюдая дистанцию. Я снова подошла. Тогда он вальяжно двинулся вперед. Я последовала за ним.

Минут через двадцать деревья расступились, на солнце блеснул асфальт. Кот вывел меня на ту же дорогу, по которой я сюда пришла.

– Ну, спасибо, – сказала я. – Предлагаешь мне пойти обратно?

Благо, как добраться отсюда до дома, я знала.

Но кот направился в противоположную сторону и остановился, поджидая меня. Его ухо дернулось, и я заметила на нем шрам, вероятно полученный в драке.

– Ясно, домой мы пока не собираемся. Ладно, веди.

Может, я перегрелась? Хотя голова не болит и не кружится, зато все остальные симптомы – учащенное сердцебиение, галлюцинации и неспособность мыслить здраво – налицо. Кот указывает мне путь! Какое уж тут здравомыслие? Правда, когда я перестала бояться встречи с медведем, пульс пришел в норму. Поэтому в собственном диагнозе я все же сомневалась.

Издалека послышался шум приближающейся машины. Кот молнией метнулся в лес. Рев мотора все нарастал, к нему прибавились ритмичные звуки музыки. Из-за холма показался знакомый красный пикап – тот самый, на котором Гидеон Киплинг, мой сосед, неделю назад вез меня из аэропорта.

Я сошла на обочину. Поравнявшись со мной, пикап затормозил. Музыка смолкла, стекло поползло вниз, и него высунулся Гидеон.

– Анна-Кейт, все в порядке? Никак ты чем-то взволнована?

Я заподозрила, что видок у меня тот еще: волосы наверняка растрепались, футболка прилипла к вспотевшему телу, а на покрасневшем лице отражаются растерянность и беспомощность.

– Я немного заплутала... – Я огляделась в поисках кота. Его и след простыл. – Но сейчас уже разобралась куда идти. Вроде бы...

Уголки его губ дрогнули.

– Если что, город в другой стороне.

– Я ищу дом Павежо. Обещала занести Саммер пирог.

– Садись, подвезу. Это недалеко, но заметить дорогу непросто, если не знать, где она.

Непросто – это мягко сказано.

– Подвези, пожалуйста.

Гидеон дотянулся до противоположной дверцы и, открыв ее, убрал с сиденья айпад и несколько банок с медом.

Я юркнула в машину, пристегнулась и со вздохом облегчения утерла пот со лба.

– В Уиклоу всегда так жарко?

Гидеон завел мотор.

– Девять-десять месяцев в году. Вообще-то, здесь, в горах, немного прохладнее, чем на юге штата.

– Прохладнее? Издеваешься? Еще чуть-чуть, и я расплавлюсь. Как тут люди выживают?

– Многие тебе начнут заливать про кондиционеры и привычку регулярно пить воду, – с нарочитым южным выговором заявил Гидеон. – А на самом деле...

– Что? – Меня позабавило, как легко он воспроизводит южное произношение. Обычно по речи Гидеона невозможно определить, что он с юга.

– Открою секрет, переносить жару лучше всего помогают сладкий чай и сетования. Но больше все-таки чай.

Покинув Уиклоу, мама отказалась от многого, что было ей дорого, но только не от сладкого чая. Мы пили его постоянно, круглый год.

– Учту.

Я обратила внимание, что на заднем сиденье пикапа валяется куча вещей: рыболовные снасти, несколько сложенных брюк и рубашек, две пары обуви – классические мужские туфли и кроссовки, – ящик кабачков и запыленный черный портфель.

– Как прошел первый рабочий день? – поинтересовался Гидеон.

Неделю назад по дороге из аэропорта он своим приятным низким голосом рассказывал мне об условиях в завещании Зи. Чтобы получить наследство, я обязана прожить в Уиклоу не менее шестидесяти дней и все это время управлять кафе. Только после этого имущество Зи перейдет ко мне, и я смогу распоряжаться им по своему усмотрению. Я сразу попросила Гидеона связаться с агентами по продаже недвижимости.

До сих пор изумляюсь требованиям Зи. Как она себе это представляла? А если бы я уже училась в университете или где-то работала? Я что, должна была бы все бросить, чтобы два месяца торчать в Уиклоу?

Я мысленно усмехнулась. Бабушка знала, что делает. Она всю жизнь мечтала затащить меня в Уиклоу и нашла верный способ добиться своего.

Зи не из тех, кто легко сдается.

– Сносно, могло быть хуже, – ответила я, вспомнив о разбитых тарелках и недовольстве мистера Лейзенби.

– Думаю, со временем ты привыкнешь.

– Да, но тогда уже наступит пора уезжать.

– Сомневаюсь. Почти все, оказавшись в Уиклоу, остаются тут навсегда.

Его слова прозвучали пророчески. Хотя в моем случае на этот счет можно не волноваться: вынужденный переезд в Уиклоу не изменит мои планы. Скоро начинаются занятия в университете. Я уже оплатила первый семестр, подыскала удобную квартиру и договорилась о съеме с первого августа. Мой жизненный путь, по выражению Джинны, размечен во всех деталях – не как на маловразумительной схеме Лука, а как в самом современном навигаторе.

– Вот я, например, шесть лет назад приехал сюда из Хантсвилла покататься на горном велосипеде, и Уиклоу меня не отпустил, – добавил Гидеон.

Внимательно присмотревшись, я поняла, что он старше, чем выглядит издали: даже когда Гидеон переставал улыбаться, морщинки вокруг глаз и складки в уголках губ не разглаживались, а в коротко подстриженных рыжевато-соломенных волосах у правого виска серебрилась седина. Подбородок покрывала отросшая за день щетина. Глаза были янтарно-карими, как мед в банках.

– Говорят, в кафе сегодня заходил док Линден. Значит, он уже знает о тебе?

Я даже не стала делать вид, что удивлена, откуда Гидеону это известно. Слухи в Уиклоу разлетаются с поразительной скоростью.

– Да. – Не хотелось даже думать про доктора Линдена, не то что пересказывать наш разговор, поэтому я подняла теплую, нагретую на жару банку с медом и сменила тему: – У тебя есть псека?

– Не у меня. У одного клиента. Он расплачивается со мной медом.

Я была благодарна за то, что он не задает больше вопросов.

– Красота! – Я повертела банку в руках, любясь игрой бликов. – Заработок не бог весть какой, но я бы, пожалуй, не отказалась от такого «гонорара».

– Возьми парочку, – предложил Гидеон. – У меня их много. Тебе нужны кабачки?

– Нет!!! В смысле, спасибо, нет. У Зи в огороде целая грядка.

Неожиданно Гидеон включил сигнал поворота и свернул вправо на узкую песчаную дорожку, скрытую за густой кроной ликвидамбара. Если бы я даже дошла до этого места, все равно бы ни за что ее не заметила.

Ветки заскребли по крыше машины.

– Твоя бабушка была прирожденным садоводом.

– Это правда, – подтвердила я, чувствуя, как в душу вновь закрадывается грусть, вязкая, как мед у меня в руках.

Послышался собачий лай.

– Это Руби, – пояснил Гидеон. – Она очень дружелюбная, но чересчур активная. Так что, если прыгнет на тебя, не пугайся.

Заросли раздвинулись, и мы подъехали к дому внушительных размеров с широкой террасой и установленными на скатной металлической крыше солнечными батареями. А я-то представляла себе, что Павежо живут в ветхой лачуге... Вокруг машины носилась собака цвета молочного шоколада, а на ступеньках крыльца, опираясь на элегантную трость ручной работы, стоял мужчина. Слава богу, никакого ружья у него не было.

– Это Обин. Вы уже знакомы?

– Нет, но Лук и Джина мне о нем рассказывали.

– Ну, тогда я вас познакомлю. – Гидеон заглушил мотор. – Хочешь, я подожду и потом отвезу тебя обратно?

– Что ты, не нужно. Теперь я и сама найду дорогу.

– Я себе не прощу, если из-за меня ты совсем растаешь на солнце!

Я открыла дверцу.

– Не растаю. Спасибо!

– Ну ладно.

Гидеон выбрался из машины, и на него тут же сиганула Руби. Он погладил собаку и подошел ко мне.

– Не ожидал, что ты приедешь, Гид, – покусывая какую-то палочку, подал голос Обин и обернулся ко мне: – Мэм.

Опять это «мэм»! Вздохнув, я молча кивнула Обину.

Подскочившая Руби начала меня обнюхивать. На всякий случай я приняла более устойчивую позу, чтобы не упасть, и подняла коробку с пирогом повыше.

Обин сунул палочку в карман и свистнул. Руби немедленно подлетела к хозяину и, усевшись у крыльца, забила хвостом по земле, взметая облако пыли.

– Надеюсь, мы не помешали. Анна-Кейт ищет Саммер. – Гидеон быстро представил нас друг другу и повернулся ко мне: – Может, тебя все-таки подождать?

– Не стоит. Спасибо за помощь.

– Всегда рад помочь, Анна-Кейт. – Он помахал Обину и сел в машину.

Руби бросилась вдогонку за отъезжающим пикапом. Обин с беспокойством поглядел на меня.

– Не стойте на солнце. Идите сюда.

Я воображала Обина стариком – вероятно, потому, что такое имя больше подошло бы пожилому человеку. Но ему явно не было и пятидесяти. Стройный, мускулистый, на голову выше меня, с густой копной темных волос. Одет в обтягивающую синюю футболку и мешковатые джинсы. Может, недавно похудел, а может, из-за поврежденной ноги предпочитает широкие штанины.

– Ваша фамилия Кэллоу?

Я поднялась на террасу.

– Да.

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

Я видела, как он что-то сосредоточенно подсчитывает в уме, должно быть, вычисляя, кто мой отец.

– Ясно.

Уверенным шагом, хотя и заметно прихрамывая, Обин направился к застекленной части террасы и распахнул передо мной дверь. Я зашла внутрь.

Стекла покрывала паутина трещин. Краска на дверной раме потускнела и облупилась, потолочные панели провисли и перекошились, а в дощатом полу образовались широкие щели. Зато пара белых кресел-качалок были как новенькие: ни пятнышка. На расположенном между ними деревянном столике лежала библиотечная кулинарная книга, а рядом стояли баночка со льдом и запотевший графин с чем-то красновато-фиолетовым – скорее всего, сладким чаем.

– Садитесь. Я сейчас.

Обин вышел, а я обратила внимание на заваленный стамесками верстак у стены. На колонну опирались изящные самодельные посохи и трости. Ручка одной из них была вырезана в виде мордочки Руби.

Хозяин вернулся через минуту, сжимая в больших, крепких ладонях два высоких стакана. Отставив трость, он опустил в кресло и принялся разливать чай.

– Красиво! – Я указала на коллекцию посохов.

– Спасибо. Раньше мы держали свой магазинчик, но тот совсем не давал дохода, и пришлось его закрыть. Отец был резчиком по дереву и научил меня своему ремеслу. Он умер несколько лет назад.

– Очень жаль.

Обин кивнул и поставил передо мной стакан с чаем. Я огляделась.

– А Саммер дома? Я принесла ей пирог. Она забыла его утром в кафе.

– Саммер ушла собирать ежевику.

– Вот как? Тогда, с вашего позволения, я оставлю для нее пирог и не буду больше вас беспокоить. – Я положила коробку на стол.

– Не торопитесь. – Обин подвинул ко мне стакан. – Чай сам себя не выпьет, а вас, несомненно, мучает жажда.

И правда, я могла бы сейчас осушить целый галлон, и то было бы мало.

– Спасибо. – Я отхлебнула напиток и пришла в восхищение. – Потрясающе! Он ежевичный?

– Да. Я месяц разрабатывал рецепт.

– Оно того стоило. – Я снова пригубила чай, пытаюсь распознать состав. – Сюда добавили мед?

– Да, мэм. Но знаете, что делает напиток оригинальным? – Он понизил голос и наклонился вперед. – Гранатовый сироп!

Я опять глотнула из стакана и на этот раз уловила привкус граната.

– Изумительно! Ни за что бы не догадалась добавлять его в чай.

– Сироп я варю сам. В саду растет несколько гранатовых деревьев. Здесь, среди лесов, привыкаешь обходиться тем, что под рукой. – Он вытащил из кармана палочку и опять начал ее жевать – видимо, по привычке.

Только теперь я увидела, что это веточка ликвидамбара. По уверениям Зи, она очень полезна для зубов.

– Мне следовало прийти к вам с ручкой и блокнотом. Я бы с удовольствием внесла такой чай в меню кафе.

– Значит, теперь вы там работаете?

– Да, временно. Скоро я уезжаю в Массачусетс учиться на врача.

– На врача? Да что вы говорите? – ничуть не удивившись, протянул Обин и пытливо посмотрел на меня поверх поднесенного к губам стакана. – У вас мамины глаза. Такой же необыкновенный ярко-зеленый цвет.

– Вы знали мою маму?

Отвернувшись, Обин стал сосредоточенно следить за резвящейся на лужайке Руби.

– Давно. И вашего папу тоже. Вы очень похожи на Эджея.

Я крепко стиснула холодный стакан. Моим родителям, будь они живы, в этом году исполнилось бы по сорок четыре. Скорее всего, Обин – их ровесник.

– Вы часто общались?

– Мы с Эджеем росли вместе. Когда он начал встречаться с Иден, мы иногда ходили куда-нибудь втроем.

– Значит, вы дружили?

Хорошо бы найти кого-то, кроме Линденов, кто мог бы побольше рассказать о моих родителях. Я так хочу понять, какими они были...

– Что такое дружба? – продолжая наблюдать за Руби и поглаживая поврежденную ногу, пробормотал Обин.

В его взгляде промелькнула боль, но выяснять, что ее вызвало – горькие воспоминания или полученная в аварии травма, – я не решилась.

Сердце сиротливо заныло от тоски и одиночества. Я отставила стакан.

– Мне пора. Спасибо за чай.

Поднявшись, Обин проводил меня к выходу и распахнул дверь. Я уже спустилась по ступенькам, когда он вдруг окликнул:

– Анна-Кейт!

Я обернулась. Обин стоял на террасе, опираясь на трость. На его лице лежала печать грусти и сожаления. В груди опять защемило.

– Вы... вы с мамой жили счастливо?

Я не стала вдаваться в подробности, но голос предательски дрогнул, выдавая истинные чувства:

– Что такое счастье, мистер Павежо?

– Некоторые не хотят даже пробовать пирог «Черный дрозд». – Саммер Павежо заправила за ухо прядь волос. – Мой папа, например. Он утверждает, что прошлое лучше оставлять в прошлом.

Мельком отметив, что ее пальцы перепачканы ежевичным соком, журналист уточнил:

– Но вы так не считаете?

Саммер посмотрела в окно на горы, словно вглядываясь во что-то, видимое лишь ей одной.

– Не считаю. Просто я нахожу в прошлом утешение, а папа – только боль.

Журналист надел на ручку колпачок.

– Почему?

Саммер резко повернула голову.

– Вы, кажется, пишете статью о черных дроздах?

– Простите, я слишком увлекся, – улыбнулся журналист.

Девушка кивнула.

– Да, в Уиклоу есть что-то такое: увлечет и потом не отпустит.

Натали

После встречи с Анной-Кейт я поспешила домой, однако родители, к моему удивлению, еще не вернулись. Уже больше семи, а задерживаться допоздна не в их правилах, значит, скоро появятся. По вечерам родители любят посидеть в патио, полакомиться десертом и выпить коктейль. Это своего рода церемониал, столь же незыблемый, как закат солнца.

Олли давно пора спать, но я решила дождаться родителей. Не терпится поговорить об Анне-Кейт. Когда они узнали о ее существовании? Судя по тому, как странно мама сегодня себя вела, – недавно. Теперь понятно, почему она вертелась около кафе: хотела увидеть Анну-Кейт. А меня, по обыкновению, предпочла держать в полном неведении. Неудивительно: мама вечно скрывает все важные дела и события, чтобы оградить меня от опасностей и огорчений. Я за

ней как за каменной стеной... сказать точнее, в надежной темнице. Осознает ли мама, насколько угнетает меня своей заботой? Вряд ли. Ведь главное для нее – чтобы мне ничего не угрожало.

Замечательно, что у нее появилась внучка моих лет! Надеюсь, Анна-Кейт хотя бы частично оттянет мамино внимание на себя.

В детстве я с трудом находила друзей, потому что каждого из них сначала должна была одобрить Сили Эрл Линден. Я избегала дружеских отношений, чтобы не краснеть, объясняя приятелям, почему не смогу зайти к ним в гости. Ни сегодня, ни когда бы то ни было.

Прошло уже больше двух часов с тех пор, как мы с Олли возвратились с прогулки. За это время я успела накормить и искупать дочку, поиграть с ней в кубики и машинки. А теперь, устроившись на диване, читала ей вслух, отслеживая, не зажегся ли свет в доме родителей. Или, как я раньше называла его, «в казенном доме»: всегда ощущала себя там как в тюрьме.

Олли склонила головку мне на грудь. Я погладила ее по мягким, шелковистым волосикам, вдохнула сладкий аромат детского шампуня. Обожаю вот так по вечерам отдыхать вместе с дочкой, нежной и сонной.

Убаюканная моим тихим голосом, Олли прикрыла глазки. Я залюбовалась своей чудесной дочуркой. Меня умиляла ее младенческая невинность и умение простодушно радоваться жизни.

Я обняла малышку, чувствуя, как бьется ее крохотное сердечко, и дочка еще теснее прижалась ко мне. На ней была мальчишеская пижама, разрисованная экскаваторами, тракторами и самосвалами. Олли, в последнее время предпочитавшая играть со всевозможными машинками, сама углядела ее в магазине и пришла в такой бурный восторг, что я не устояла, хотя с деньгами у нас туго. Но я не совсем спятила, чтобы позволить себе бессмысленное расточительство, поэтому выбрала размер побольше, на вырост.

Мне в детстве никогда бы такую не подарили. Лет до тринадцати я была вынуждена спать в хлопковых ночных рубашках с рюшами, фестонами и вышитыми инициалами. Мне не разрешали носить одежду с изображениями забавных котят, диснеевских принцесс и героев из мультфильмов. И боже упаси, если бы я надела что-то предназначенное для мальчиков! Мама, видимо, считала, что за такой страшный грех ее тут же поразит гром небесный.

Олли сморил сон. Я закрыла книгу и, тихонько отложив ее в сторону, взяла дочурку на руки, прислонилась щекой к ее волосам. В такие моменты я часто думаю о Мэтте. Олли было всего несколько месяцев, когда его не стало. Никак не могу смириться с тем, что он не увидит, как растет наша дочь. Пусть даже это был его собственный выбор.

Сердце заныло при мысли о том, что Мэтт сознательно покончил с собой.

А вдруг это все-таки был несчастный случай?

Я заставила себя дышать глубоко и ровно: так психотерапевт в Монтгомери учил предотвращать надвигающуюся паническую атаку. Вдох – задерживаем дыхание – выдох... Через минуту боль в груди утихла и больше не жгла, а лишь слегка саднила.

Скоро я все узнаю. Завтра же куплю пирог «Черный дрозд» и, если местная легенда – не выдумка, в полночь во сне получу от Мэтта послание. Надеюсь, он объяснит мне, почему покинул нас. Тогда, возможно, я наконец перестану терзаться и обрету душевный покой. А пока надо терпеть и продолжать дыхательную гимнастику.

Я постоянно замечаю в дочке черты Мэтта: такая же дружелюбная и общительная, так же заразительно смеется. Олли – копия отца. Как бы мне хотелось, чтобы Мэтт увидел, какого удивительного человечка мы создали, что за чудо сотворила наша любовь.

Я смотрела на спящую Олли и изумлялась, как мало ей нужно для счастья: достаточно всего лишь «строительной» пижамы и книги из библиотеки.

Счастье... Рана в душе вновь напомнила о себе. Я готова на все, только бы Олли оставалась такой же веселой и жизнерадостной, чтобы она никогда не узнала, сколько же страданий вокруг.

Поэтому я здесь, опять живу под родительской опекой. Я очень ценю помощь, но в моем возрасте нельзя перекладывать на родителей груз своих проблем. Стыдно сидеть у них на шее...

Так, хватит переживать о том, что невозможно изменить. Иначе совсем затянет пучина сожалений. Всю жизнь я была несамостоятельной. Сначала обо мне заботились мама и папа, потом муж, и вот теперь опять родители. Нельзя больше быть застенчивой и робкой. Пора бы уже стать самостоятельной и независимой. Ради дочери. Ей нужна сильная, решительная, жизнестойкая мама.

Легко сказать...

Боль в груди усилилась, и я мысленно стала повторять алфавит: еще один способ отвлечься, которым поделился психотерапевт.

Взгляд упал на большую перевязанную ленточкой коробку у двери. Мама положила ее у порога вместе с запиской, а я занесла в дом и оставила: неохота было с ней возиться. Я и так знала, что внутри: широкополая шляпа от солнца для Олли. Хотя, если учесть, что все равно придется благодарить за подарок, надо бы посмотреть на шляпу. Вдруг мама начнет расспрашивать, что я думаю о таком цвете, размере или отделке.

Я осторожно опустила Олли на диван и на всякий случай, чтобы она не свалилась, положила рядом подушку. Потом водрузила коробку на барную стойку, отделявшую кухню от гостиной, и вытащила из-под ленточки бумажку. На ней старомодным, округлым почерком, которым мама очень гордилась, выведено:

Натали,

Стейша Дэбади придет ровно в девять утра. Пожалуйста, сделай так, чтобы Оливия-Ли была готова не позже восьми сорока пяти.

М.

Когда мы перебрались в Уиклоу, мама изъявила желание по пятницам забирать Олли. В первую неделю они устроили в парке пикник для плюшевых мишек, а во вторую ездили в Форт-Пейн на детский спектакль. Я была признательна маме за возможность передохнуть и в то же время боялась надолго отпустить от себя дочку, опасаясь, что мама, по своему обыкновению, будет излишне ее опекать.

Я порывалась положить конец их прогулкам, но мне не хватало духу. Очевидно, что такое решение ранит мамины чувства и разрушит наше хрупкое перемирие. Я не хотела ссор, поэтому молчала.

Но зачем к нам собирается Стейша Дэбади, внучка Корали? Разрезав ленточку ножом для масла, я вскрыла коробку и выложила на стол розовую шляпу с рюшами, розовый купальник, пляжное полотенце – тоже розовое, с красными сердечками – и солнцезащитный крем SPF-50.

К горлу подступила тошнота, ладони вспотели. Стало холодно. Я вспомнила, как в прошлое воскресенье за обедом мама упомянула, что

Стейша Дэбади на лето устроилась работать спасателем на пруду в местном парке. Мол, это очень мило, не правда ли? Разумеется, я сразу же сменила тему, посчитав, что мама просто ляпнула, не подумав.

Я ошиблась.

Ох, как же я ошиблась...

Мама всегда все тщательно продумывает.

Борясь с тошнотой, я расстелила полотенце на столе, сложила его вдвое, потом вчетверо и так далее, пока оно не превратилось в комок. Опустила его обратно и принялась складывать купальник. Вдвое, вчетверо... скатала в тонкую веревочку и тоже сунула в коробку. Туда же отправилась шляпа. Поверх уродливой кучи розового тряпья я поместила крем от солнца и тщательно запаковала коробку. Потом подхватила ее и, выйдя на крыльцо, изо всех сил швырнула. Перелетев через окружающую бассейн перегородку, коробка шлепнулась на бетон всего в нескольких дюймах от подсвеченной фонарями воды.

Я уже собиралась пойти обратно, но тут заметила свет в доме родителей и их силуэты в окне.

В таком состоянии следовало бы вернуться к себе и запереть дверь. Вместо этого я обернулась на мирно сопящую Олли и решила: оставляю ее здесь. Выскажу маме свое мнение о занятиях плаванием и сразу назад.

Бесшумно прикрыла дверь, прошла по выложенной камешками дорожке через ухоженный газон, миновала клумбу с чайными розами и поднялась на террасу.

Я так разозлилась, что даже забыла про Анну-Кейт, но сейчас снова вспомнила о ней, услышав голоса родителей.

– Я даже не смогла разглядеть ее как следует из-за толпы всяких сплетников. Вечно они суют нос не в свое дело!

– Вошла бы внутрь, – усталым, ровным тоном предложил папа.

– Не говори глупостей.

– Чем дольше вы будете откладывать встречу, тем тяжелее придется вам обеим.

– Не хочу, чтобы меня еще несколько лет обсуждали все соседи. Я просто проверяла, правдивы ли слухи, действительно ли она копия Эджея.

Громко хлопнула дверца шкафчика.

– Да, точная копия. Я утром специально заходил в кафе, чтобы на нее посмотреть.

В мамином голосе прорезались знакомые мне холодные нотки.

– Ты... что?

– Я поговорил с ней и пригласил к нам на обед в воскресенье.

Повисла леденящая тишина. Затем мама вымолвила:

– Зачем тебе это понадобилось? Ты понятия не имеешь, кто она, что собой представляет, какие у нее намерения. А вдруг она мошенница?

– Это наша внучка, я даже не сомневаюсь, – возмущенно возразил папа.

– Как ты наивен! Ни за что не поверю, пока не получу результаты теста ДНК.

– Тест ни к чему. Просто взгляни на нее, на разрез глаз, цвет волос и ямочки на щеках. Кстати, у нее почти такие же кудряшки, как у тебя, разве что чуть помельче.

Вновь воцарилось молчание.

– Если это правда – если! – то как эта чертова Иден Кэллоу осмелилась прятать ее от нас? С какой стати сбежала из города, словно воровка? Почему скрывала, что беременна?

– С меня хватит! – гаркнул папа.

Раздался глухой стук, похожий на удар кулаком по столу. Я на секунду застыла, а потом на цыпочках подкралась к двери. Папа раньше вообще не повышал голос. Всегда сохранял спокойствие, предпочитая выражать недовольство приподнятой бровью, поджатыми губами или презрительным взглядом.

– Не смей кричать на меня, Джеймс Линден. Я этого не потерплю.

– Не желаю слышать ни слова против Иден Кэллоу, – категорично отрезал папа. – Она ни в чем не виновата.

Мама горько рассмеялась.

– Тогда кто же виноват, позволь тебя спросить?

– Мы с тобой. Вспомни, как мы с ней обращались. С таким же успехом мы могли сами вручить ей билет из Уиклоу в один конец. Ничего удивительного, что она не рассказала нам о ребенке.

Мама с шумом втянула в себя воздух.

– Ты сошел с ума. Совсем помешался!

– Напротив, я прозрел. Иден любила нашего сына и горевала не меньше нас, а мы готовы были вздернуть ее на ближайшем дереве. Ты сама знаешь, что и Эджей любил ее. Они собирались пожениться! Я только надеюсь, что ему неизвестно, как мы травили бедную девочку, когда его не стало.

– Она его убила, – произнесла мама таким ледяным тоном, что я поежилась.

– Это бездоказательно. В полиции сочли аварию несчастным случаем, потому что против Иден не было никаких улик.

Мама презрительно усмехнулась.

– На дороге не осталось следов торможения. Чем не улика? Иден даже не пыталась остановить машину.

– Аргумент, мягко говоря, не слишком убедительный. Мало ли, почему она не затормозила? Иден могла плохо себя почувствовать из-за беременности. Или, например, потерять сознание от низкого давления.

– Я уверена: это было убийство!

– А вдруг нет? Что, если ты ошибаешься?

Я затаила дыхание. Мама наверняка считает, что никогда не ошибается. Она всегда права. Целиком и полностью.

– Хладнокровное убийство, – повторила мама, и от ее голоса все кругом словно покрылось инеем.

– Прекрати! – взревел папа. – Я не стану больше с этим мириться, ясно?! Мы уже потеряли Эджея. Ты что, хочешь потерять и его дочь? Лично я – нет. Именно поэтому я и позвал ее в гости. Очень жаль, что она отказалась.

– И слава богу. Хорошо, что хоть у одного из вас хватило ума.

Папа глубоко вздохнул.

– Я буду приглашать ее снова и снова, пока не согласится.

– Ты, разумеется, этого не сделаешь.

– Разумеется, сделаю. Давно пора перестать сыпать обвинениями и залечить старые раны. – И он тихо добавил: – Загляни наконец в свое сердце, Сили, хватит держать его на замке. Тогда ты поймешь, что для нас по-настоящему важно. А сейчас я иду спать. Голова разболелась.

До меня донесся звук удаляющихся шагов: видимо, папа поднимался по лестнице. В ушах все еще звенели его слова.

Раньше я считала, что у мамы в груди вместо сердца – лишь колючий высохший плод ликвидамбара, и, только увидев, как она

общается с Олли, пересмотрела свою точку зрения.

– Натали Джейн! Что ты здесь делаешь? – Внезапный мамин окрик заставил меня опомниться. Задумавшись, я не заметила, как она подошла. – Где Оливия-Ли?

– Спит.

Мама нахмурилась.

– Тогда тебе следует немедленно вернуться к ней. Не представляю, что могло тебя побудить оставить ее одну.

Я злилась и до ее намека на то, что я плохая мать, а теперь во мне, поднимаясь из глубины души, вскипела ярость.

– Я пришла сообщить, что завтра утром Олли занята. А также в любое другое время, когда бы тебе ни заблагорассудилось втихаря учить ее плаванию.

– Сколько пафоса! Втихаря? Неужели? Кажется, на прошлой неделе я четко дала понять, что Стейша будет заниматься с Оливией-Ли.

Мама всегда обожала передергивать мои слова.

– Ты даже не спросила, согласна ли я. Ну конечно, ведь я бы ответила «нет»! Ни завтра, ни на следующей неделе. Никогда. Позвони Стейше и скажи, что мы отказываемся от занятий.

– Нет, не отказываемся.

– Отказываемся! – Я сжала кулаки. – А я ожидала, что уж родной-то матери не нужно разьяснять, почему я против.

– Натали, я прекрасно знаю почему. Именно поэтому я и договорилась со Стейшей. Единственный способ сделать так, чтобы Оливия-Ли, не дай бог, не утонула – научить ее плавать.

Я почувствовала новый приступ тошноты.

– Мэтт умел плавать. Это его не спасло. Не надо пускать Олли в воду, вот и все. Так надежнее.

– А если ты за ней не уследишь, и она свалится в бассейн? Или в реку, которая, между прочим, прямо за домом? Для Оливии-Ли будет лучше, если она научится держаться на воде.

– Мне решать, что для нее лучше. Не тебе. Как я, по-твоему, могу за ней не уследить, если никогда не выпускаю ее из виду?

– Правда? – иронически хмыкнула мама и, отклонившись вбок, выразительно посмотрела в сторону гостевого домика.

Я обернулась. По дорожке к нам неустойчивой детской походкой топала Олли. О господи...

– Мама, пливет-пливет! Баба, пливет-пливет! – размахивала она ручонками.

Мне стало дурно.

– Потом поговорим.

– Нет уж, давай сразу условимся: мой дом, мой бассейн и мои правила. Я не стану подвергать Оливию-Ли опасности. Моя внучка завтра же начнет заниматься со Стейшей. Если тебя что-то не устраивает, Натали, можешь хоть сейчас уехать. Хотя ты и не нуждаешься в моем разрешении, правда? Ты же любишь чуть что спастись бегством.

Онемев от возмущения, я повернулась, подхватила Олли и зашагала к себе.

– В восемь сорок пять, Натали, – вслед мне крикнула мама.

Чуть не взыв от бессилия, я взлетела на крыльцо, зашла внутрь и еле сдержалась, чтобы не хлопнуть дверь: боялась напугать дочку.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы вновь убаюкать Олли. После этого я начала расхаживать по гостиной, пытаюсь успокоиться.

Мама права: моим первым порывом действительно было сбежать. С самого детства мне хотелось куда-то улизнуть, подальше от маминой тирании. Но до замужества я никогда не уезжала надолго.

Там, в Монтгомери, я была счастливой домохозяйкой. Жила в своем уютном мирке: я, Мэтт, а потом еще Олли. Правда, папа регулярно нас навещал. А вот мама почти перестала со мной общаться: ведь я вышла за человека, которого она не одобрила. За все эти годы мы виделись от силы раз десять, да и то один из них – на похоронах Мэтта. Лишь когда он умер, я, оправившись от потрясения, осознала, насколько одинока: растеряла друзей, забросила увлечения. Тогда я поклялась сделать все, чтобы такая участь миновала мою дочь.

Три недели назад, вернувшись в Уиклоу, я твердо решила больше не уезжать. Ведь главное для меня – сохранить мир в семье и обеспечить Олли счастливое будущее.

Но я не могу так жить. Не могу, и все. Я здесь... задыхаюсь.

Должен быть какой-то выход.

Поразмыслив, я в конце концов наметила подходящий план действий: надо подыскать в городе какую-нибудь съемную квартиру.

Олли останется в Уиклоу, у нее будет семья и много друзей, как я и хотела, а я смогу вырваться из-под маминого контроля. И это не побег, а, скорее, необходимая самозащита.

Но прежде всего нужно устроиться на работу. К сожалению, пока я не накоплю денег и не съеду от мамы, придется подчиниться и позволить Олли брать эти чертовы уроки.

От этого осознания стало горько. Я на цыпочках выскользнула из дома, прокралась к бассейну и подобрала коробку с полотенцем и купальником. В тишине раздавалось кваканье лягушек и стрекотание сверчков, словно они пытались всем растрезвонить о моем поступке. На фонаре сидела птичка с неестественно изогнутым крылом и внимательно за мной наблюдала.

Я поспешила к дому, хотя меня так и тянуло упаковать свои немногочисленные пожитки, разбудить Олли, прыгнуть в старенькую, дребезжащую машину и убраться из этого города.

И никогда больше не возвращаться.

Анна-Кейт

Отложив скалку, я выглянула в окно. На лужайке, освещенной традиционными американскими факелами из бамбука, расположились примерно человек пятьдесят. Они оживленно болтали, смеялись и в ожидании черных дроздов жарили барбекю на переносных мангалах.

Я отхлебнула горячий мятно-ромашковый чай собственного приготовления, который часто пью перед сном. В размещенном на столе дегидрататоре лежали Melissa, эхинацея и мята из бабушкиного огорода. Буду хранить их в герметичных контейнерах, пока не придумаю такой способ заварки, при котором они полностью сохранят и вкус, и полезные свойства.

Немного передохнув, я вновь принялась раскатывать тесто для пирога. Не давали покоя мысли о доке Линдене и его болезни, о Натали, об Олли с ее игрушечным экскаватором и, конечно же, о маме. Я пыталась поставить себя на ее место. Двадцать пять лет назад, в свои восемнадцать, мама успела хлебнуть горя. Мало того что лишилась человека, которого любила, так ее еще и обвинили в убийстве. Из-за этого она покинула родной город. Но здесь, среди аппетитных ароматов

свежей выпечки, мне вдруг пришло в голову, что лучше бы мама осталась. Несмотря на соседство с Линденами, в Уиклоу она была бы счастливее.

Однако я тут же одернула себя: у нее не было другого выхода. Мама поступила так не из гордости или стыда, и не потому, что, как выразилась Пибблз, «грезил о дальних странах», а исключительно ради моего благополучия. Она хотела оградить меня от людей, которые, по ее мнению, мне бы навредили – пусть и не физически.

Я постаралась отвлечься от воспоминаний о печальных глазах дока Линдена и сосредоточиться на работе. Время приближалось к полуночи. Я намеренно не ложилась, чтобы дожидаться появления черных дроздов, и все больше нервничала.

Когда мне исполнилось десять лет, Зи научила меня готовить тесто для пирога. И сейчас, пока я скалкой растягивала тугий пласт, придавая ему форму, в ушах звучал бабушкин голос:

– Теперь аккуратнее, милая. Сделаешь слой слишком толстым – он не пропечется, а кому нравится полусырой пирог? Никому. – Зи накрывала мои руки своими и показывала, как правильно орудовать скалкой. – Сделаешь слишком тонким – и он подгорит. Никто не любит, когда у сладкого пирога горькая, почерневшая корка.

– Бабушка, а какой должна быть толщина? – спрашивала я.

Зи улыбалась, и ее глаза бирюзового цвета лукаво поблескивали.

– Ты же из рода Кэллоу, Анна-Кейт. Умение печь у тебя в крови. Ты сама почувствуешь. Вот увидишь.

По щеке сползла слезинка, и я вытерла ее тыльной стороной ладони, не позволяя себе впасть в тоску и уныние. В витрине, в ожидании завтрашних клиентов, уже стояли шесть пирогов, но я решила состряпать еще один, ягодный: пару часов назад я обнаружила на задней террасе целое ведро ежевики.

На глазок определив, что пласты приобрели идеальный вес, плотность и упругость, я аккуратно взяла один из них, сложила вчетверо и перенесла на стеклянную форму для выпекания. Распределила так, чтобы краешки слегка возвышались над бортиками формы, и зачерпнула ложкой ежевичную начинку. Она вышла неплохой, но весь вечер меня не оставляло ощущение, что в ней чего-то не хватает.

Бабушка клала туда что-то еще. Недаром мистер Лейзенби с утра ворчал, что пироги Зи были другими. Так и есть. Я пробовала.

Каждый раз, приезжая к нам, бабушка устраивала кулинарные мастер-классы. Специально для меня готовила разнообразные миниатюрные пироги: яблочные, персиковые, вишневые, черничные... И у всех был особый привкус, которого моим не доставало.

Взяв чистую ложку, я положила на язык немного начинки, чтобы понять, что же я упустила.

– А теперь отвернись, – требовала Зи перед тем, как накрыть сверху пирог вторым пластом теста.

– Зачем, бабушка?

– Я добавлю секретный ингредиент.

– Секретный? А какой? – нетерпеливо допытывалась я.

Зи наклонялась ко мне.

– Ты и так знаешь, Анна-Кейт. А я обещала твоей маме ничего тебе не рассказывать.

– Нет, не знаю! Честно-честно!

– Когда подрастешь, сама обо всем догадаешься.

– А если не догадаюсь?

– Тогда вся родня слетится к тебе на помощь.

– Ну хоть намекни! Пожа-а-алуйста, – канючила я. – Это же не какая-нибудь чепуха вроде любви, да?

Бабушка шутиливо дотрагивалась измазанным в муке пальцем до моего носа.

– Она и есть. Секретный ингредиент – любовь, самая чистая и искренняя. А теперь отвернись, лапонька, и помни: эти пироги – наша тайна от твоей мамы.

В то время я была еще маленькой, но хорошо запомнила характерный звук, который раздавался, когда я отворачивалась: как будто с баночки с джемом соскакивает крышка. Сомневаюсь, что любовь может храниться в банке. И потом, Зи ни за что бы не нарушила данного маме обещания. Значит, она просто меня разыгрывала.

Зайдя в кладовку, я принялась внимательно рассматривать стоящие на полке пряности и приправы: гвоздика, душистый перец, мускатный орех, лимон, ваниль и миндаль. Ну что же ты клала туда, Зи?

Разумеется, нечто особенное, иначе я быстро распознала бы этот «секретный ингредиент», поскольку легко различаю даже самые тонкие

вкусовые оттенки. Закрыв глаза, я напрягла память, припоминая тот звук. То, что бабушка добавляла в пирог, явно хранилось не в жестянке и не в бутылке с отвинчивающейся крышкой.

Я переключилась на полки, где Зи держала консервы собственного приготовления: сливы, виноград, малину, помидоры, огурцы, кукурузу, свеклу, горох и ревень. Но все стеклянные банки оказались чересчур большими и высокими, а мне нужны были маленькие, вроде тех, в которых продается джем или детское питание.

Прекратив бесплодные поиски, я вернулась в кухню и поставила ежевичный пирог в духовку, стараясь убедить себя, что все делаю правильно. Потом вымыла посуду и взглянула на часы. Одиннадцать. Уже скоро из портала в ветвях шелковиц должны появиться черные дрозды и запеть: так они передадут сообщения с того света. Каждый, кто сегодня ел пирог «Черный дрозд», получит во сне послание от тех, кого любил...

Без чего-то двенадцать я раскрыла заднюю дверь и почти физически почувствовала оживление и воодушевление собравшихся во дворе. Погасила в доме свет и встала напротив окна, облокотившись на мраморную столешницу.

Ровно в полночь послышался дружный вздох изумления: из листвы шелковиц друг за другом вылетели птицы. Сквозь непровольные слезы я наблюдала, как под восхищенные восклицания «о-о!» и «ах!» черные дрозды описали круг над садом и один за другим уселись на ветки.

Две дюжины дроздов.

Орнитологи направили на них смартфоны, чтобы было лучше видно, и настороженно затихли. Судя по всему, они ждали чего-то еще. Наверное, пронюхали, что черные дрозды поют по ночам, и теперь приготовились слушать.

«Давайте же! – шепотом поторопила я. – Начинайте!»

Но дрозды сидели тихо. Я отчетливо ощущала, как они смотрят на меня сквозь темноту.

Чем дольше они молчали, тем сильнее меня охватывало отчаяние. Время шло. Еще немного – и дрозды улетят. В чем же я промахнулась?

Хотя мне и самой ясно.

Все дело в недостающем ингредиенте.

Надо понять, что же бабушка добавляла в пирог.

Ты и так знаешь, Анна-Кейт. Когда подрастешь, сама обо всем догадаешься.

Я уже, мягко говоря, подросла, но так и не догадалась.

Вскоре черные дрозды вспорхнули с веток и скрылись в лиственном портале. Орнитологи заплодировали.

На меня навалилась усталость, глаза щипало от слез. Я медленно поплелась наверх. Даже зубы чистить не стала. Уже собиралась лечь, но тут обнаружила, что створка окна в спальне приоткрыта. Странно. Мне казалось, что после того, как сюда залетела птица, я закрыла все окна в доме. Выходит, не все.

Я выглянула во двор – орнитологи возбужденно гомонили, делясь друг с другом впечатлениями – и уже хотела захлопнуть створку... как вдруг заметила на подоконнике двух дроздов!

Я еще не видела их вблизи: черные дрозды не отлетали далеко от шелковиц. По телу разлилась слабость. Стараясь дышать глубже, я присела на корточки и наклонилась к птицам. В памяти всплыла история, которую Зи когда-то рассказала мне перед сном.

Умирая, хранительница превращается в птицу, сохранив из прежнего облика лишь цвет глаз. Две дюжины черных как ночь птиц летают между мирами и своим сладостным пением передают скорбящим послания с того света. Послания, которые до того непостижимы и чужды всему земному, что понять их можно только во сне.

В темноте было непросто разглядеть их глаза, странные и необычные, – тонкие радужки вокруг широких зрачков – но мне почудилось, что у одной из птиц они зеленые, а у другой – бирюзовые. Как у мамы и Зи.

По щекам потекли слезы. Я чувствовала безмерную признательность бабушке за то, что та поделилась со мной этой историей – нашим наследием. Женщины из рода Кэллоу издавна хранят и оберегают нечто сверхъестественное, нечто чудесное. Все двадцать четыре птицы – мои предки. Несколько поколений хранительниц на страже чего-то загадочного и неведомого.

Вся родня слетится к тебе на помощь, говорила Зи. Что ж, бабушка отнюдь не преувеличила.

– Почему ничего не выходит с пирогами? – спросила я.

Птицы с минуту доверчиво смотрели на меня, наклонив головы, а затем, взмахнув крыльями, пронеслись над двором и скрылись в лиственном портале.

Сердце сжалось от грусти, я тихо плакала. Конечно, они не могли ничего объяснить. Дрозды не разговаривают, а лишь поют. И я никогда не получу весточки во сне, даже если съем десяток пирогов. Зи однажды упомянула, что «черные как ночь птицы» не способны передавать собственные послания. Только чужие. И все же я надеялась на какую-нибудь подсказку...

Горе бывает разным: то вдруг нахлынет, захватит так, что невозможно даже мыслить здраво, то отойдет, затаится где-то в глубине души. Оно постоянно меняется, и эти вечные метаморфозы мучают, изматывают, выжимают все соки.

Бывают моменты – вот как сейчас, – когда кажется, что моя печаль извечна.

Может, так оно и есть.

Я еще долго оставалась на месте в надежде, что дрозды вернуться. Наконец медленно встала, закрыла окно и забралась в постель, чувствуя себя так, словно на грудь лег огромный камень. Натянула старенькое лоскутное одеяло до подбородка и смежила глаза. Внизу раздавались оживленные восклицания орнитологов. Я засыпала так же, как проснулась: под шум и гвалт во дворе.

Натали

Ночью я то и дело просыпалась, а утром меня разбудил мелодичный женский голос: «Натали! Натали!»

Я сонно шевельнулась и испуганно замерла. Неужели кто-то забрался в мою спальню?

«Твой отец умирает».

Подскочив на кровати, я нашарила лежавшую у изголовья бейсбольную биту. Сердце бешено колотилось. Едва занимался рассвет, и тюлевые занавески чуть колыхались от свежего ветерка, залетавшего в приоткрытые окна. Приглядевшись, я убедилась, что москитные сетки на месте. Значит, если кто-то сюда и проник, то только через дверь.

Я откинула плед и, выскользнув из постели, поспешила в соседнюю комнату, к дочке.

Олли во сне сбросила одеяло на пол и теперь спала, раскинув ручонки. Ее дыхание было ровным и глубоким. Я немного успокоилась. На всякий случай заглянула в шкаф – единственное место, где можно спрятаться. Затем осмотрела весь дом. Никого.

Перестав судорожно сжимать биту, я привалилась к стене. Переведя дыхание, вернулась в детскую, подняла упавшее лоскутное одеяло и, накрыв дочку, залюбовалась ею.

Это одеяло – или, как называла его Олли, «дяло» – сшила мама из кусочков одежды, которую Олли носила в первые месяцы жизни. Мама раньше часто делала подобные вещицы для членов семьи и друзей. Такое же было и у Эджея, но бесследно исчезло в день аварии. Мама в то время мастерила еще одно, для меня, но так и не закончила: Эджей умер, и с тех пор все в этом мире для нее как будто перестало существовать.

Я провела пальцем по мягким лоскутам, погладила квадратный кусочек махровой ткани в уголке. Вспомнилось, как Мэтт держал, словно футбольный мяч, новорожденную Олли. Она казалась такой крошечной, что походила на небольшой продолговатый орешек. Ее

головка полностью умещалась у него на ладони. Хлопая ресницами, Олли глядела на отца, и тот пожаловался:

– Она так строго смотрит, будто я что-то натворил.

– Наверное, просто не понимает, что происходит.

Мэтт нежно поцеловал дочку в лоб.

– Не волнуйся, моя маленькая. Папа с тобой.

Этот махровый лоскут вырезан из костюмчика, в который Олли была одета в тот день. С болью в сердце я убрала с него руку и, отрешившись от воспоминаний, вновь забеспокоилась, чей же голос я слышала. А может, это был сон? Ведь в доме никого нет.

В доме...

А снаружи? Вдруг кто-то говорил со мной из сада, через окно?

Я быстро накинула короткий летний халатик, нацепила сандалии. Крадучись спустилась с крыльца и прошлась вокруг дома, пытаюсь понять, не было ли здесь посторонних.

Небо золотилось в лучах восходящего солнца. На родительской кухне уже горел свет: они всегда рано просыпались. Если бы кто-то пробрался в сад, папа давно стоял бы тут, с ружьем.

А может, мама заходила? Нет, ерунда. Разбудивший меня голос был мелодичным и напевным, как у Белоснежки из мультика. А мамини интонации нельзя назвать напевными, даже когда она поет. Мама произносит слова резко и отрывисто, как будто раздает приказы, что неудивительно для человека, привыкшего всеми командовать.

Ступая по мокрой траве, я приблизилась к окну своей спальни, но не заметила там ничьих следов. Благоухающие розы и кусты самшита усеяны блестящими капельками росы, на покрывавшей клумбу мульче сияют нетронутые паутинки. Значит, никаких чужаков здесь не было, кроме разве что членистоногих.

Успокоившись, я помассировала шею, чтобы снять напряжение. Этот голос мне почудился. Других объяснений нет.

– Натали?

Подпрыгнув от неожиданности, я резко обернулась, заноса над головой биту... и вздохнула с облегчением, увидев папу.

Он вскинул руки.

– Полегче, бейсболистка!

– Извини. – Я опустила биту. – Задумалась и не слышала, как ты подошел.

– Что с тобой?

Папа, уже успевший облачиться в светло-голубую рубашку и выглаженные брюки, выглядел свежим и бодрым: видимо, только что принял душ. Влажные волосы, казавшиеся в неярком утреннем свете почти черными, были аккуратно зачесаны назад. Скоро они высохнут, взлохматятся и закудрявятся.

– Меня разбудил какой-то шум, – объяснила я. – Хотела убедиться, что в саду никто не прячется.

Твой отец умирает.

Срывающимся голосом я добавила:

– Наверное, просто дурной сон.

Все время, пока я рыскала по дому и саду, меня не отпускало ощущение тревоги. Неужели папа умирает? Да нет, конечно! Не может быть! Я все нафантазировала.

– Тут только мои следы. – Я рассеянно указала на траву, украдкой рассматривая папу. С виду он такой же, как всегда. Никаких признаков болезни. Слава богу.

– Похоже, ты еще не оправилась от испуга. Надо было сразу позвать меня, а не гоняться по саду за привидениями.

Папа обнял меня за плечи и повел к дому. Я не стала сопротивляться.

В детстве мы очень много времени проводили вместе. Папа часто читал мне книжки. Уноситься вдвоем в удивительные миры, раскрывавшиеся на страницах, было нашим любимым занятием. Рядом с ним я всегда чувствовала себя в безопасности.

– Папочка, если я буду звать тебя каждый раз, когда увижу кошмар, ты совсем перестанешь высыпаться, – возразила я и тотчас прикусила язык. Это мои и только мои проблемы. Не надо никому их навязывать, особенно папе. Не стоит его волновать.

Папа остановился.

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Ты и так очень много сделал для меня... и для Олли. Мы же оба понимаем: я должна научиться самостоятельно преодолевать трудности. И если ради этого придется гоняться за привидениями – что ж, так тому и быть.

Когда Мэтт умер, я устроилась в службу поддержки местного универмага. Работа, конечно, так себе, зато я могла выполнять ее

удаленно, оставаясь дома с Олли, и получать кое-какие деньги. Основную нагрузку взял на себя папа.

Последние два года он помогал нам материально, а взамен просил лишь об одном: почаще с ним видеться. Приезжая в Монтгомери, он обязательно вез нас с Олли куда-нибудь пообедать или поужинать. Папа давал нам гораздо больше, чем мы ему.

Про маму мы за все это время ни разу не говорили. Я даже не уверена, знает ли она, как папа выручал нас после смерти Мэтта.

Скорее всего, нет.

– Просить о помощи – признак не слабости, а силы, Натали.

Он, как всегда, старался меня ободрить, чтобы я не очень переживала из-за своих неурядиц.

– Папочка, нельзя же постоянно тебя о чем-то просить. Я и так перед тобой в долгу.

– Ты мне ничего не должна, Нат. Я ведь от чистого сердца...

– Понимаю. И все же одного «спасибо» недостаточно.

Папа помолчал, размышляя над тем, что я сказала.

– Я придумал, как ты можешь меня отблагодарить.

Мы поднялись на крыльцо.

– Надеюсь, ты сейчас не про деньги, потому что у меня их нет. Разве что пластиковые монетки из игрушечной кассы Олли. Если ты имеешь в виду их, то пожалуйста. Только они немножко покусанные и помятые: у Олли режутся зубки. Сойдет?

Папа улыбнулся.

– Мне нужны не деньги.

– А что?

Ради него я была готова на все.

– То же, что и всегда. Время. Останься здесь хоть на полгода. Или на год. Не лишай себя возможности заново познакомиться с Уиклоу.

Ясно, почему папа об этом заговорил.

– Выходит, ты вчера слышал, как мы с мамой пререкались.

– Только глухой бы не услышал.

Меня так и подмывало объяснить, что ссора произошла по маминной вине, но я прикусила язык: не хотела по новой разозлиться.

– Так ты останешься?

Папа знал меня как облупленную и боялся, что я опять убегу. Оглянувшись на дом родителей, я заметила, что мама наблюдает за

нами через окно кухни.

– Я не оправдываю Сили, но она вчера перенервничала, поэтому и сорвалась на тебе, – добавил папа. – Ей сейчас нелегко.

– Из-за Анны-Кейт. Я в курсе.

В его глазах отразилось удивление.

– В курсе?

– Да. Мы встретились вчера на детской площадке. По-моему, она очень милая. Хотя, конечно, я бы предпочла, чтобы вы с мамой сами о ней рассказали.

– Прости. Мы хотели сначала удостовериться, что она действительно наша внучка.

– Конечно, внучка.

Вчера я не сразу обратила внимание, как она похожа на Эджея, но лишь потому, что даже не подозревала о наличии племянницы. Когда брат умер, ему было всего восемнадцать.

– Я тоже в этом убедился, как только ее увидел. – Папа взглянул куда-то вдаль, приподняв голову. – Мы с твоей мамой собирались сегодня тебе все объяснить.

Я задумчиво постукивала битой по ноге.

– Теперь можно не объяснять. Кстати, ты правильно сделал, что позвал Анну-Кейт в гости.

– Так считаем только мы с тобой. Анна-Кейт не приняла приглашения.

– Не лишай ее возможности заново познакомиться с Уиклоу, – возразила я, повторяя его же слова. Под «Уиклоу» мы оба подразумевали маму. – Анну-Кейт сейчас переполняют чувства, но со временем она привыкнет к тому, что у нее есть мы.

Папа печально вздохнул.

– Не уверен. То, как мы поступили с ее матерью... Анна-Кейт о нас ужасного мнения. И не без оснований.

Все прошедшие годы родители проклинали Иден Кэллоу, и я никогда не задавалась вопросом, справедливо ли они на нее ополчились. Иден убила Эджея, и преступление сошло ей с рук. Я не сомневалась, что они правы.

Правы. Только правда ли это?

Подслушанный вчера разговор родителей заставил меня впервые задуматься: а вдруг мы ошибались насчет Иден?

– Конечно, тяжело простить старые обиды, особенно если их нанесли незаслуженно. – Я продолжала постукивать битой по ноге. – По-моему, лучше всего показать Анне-Кейт, что вы с мамой изменились. Ведь ваши отношения еще только начинают складываться и полностью зависят от вас.

– Если бы все было так просто, Натали... – Папа отвернулся, солнечные лучи упали на лицо, и я заметила, что под глазами у него залегли глубокие тени. Когда они появились?

– Кто говорит, что это просто?

Папа вздернул подбородок и вымученно улыбнулся.

– Пойду я, пожалуй. Увидимся позже.

– Я пока побуду дома.

– А завтра?

До меня не сразу дошло, почему он интересуется моими планами.

– И завтра. Я поживу здесь какое-то время. Обещаю.

– Год?

– Не торгуйся. На сколько захочу, на столько и останусь.

Папа обнял меня.

– Ладно. Я на все согласен.

– Спасибо, что зашел.

Я крепко прижалась к нему и насторожилась. Папа явно похудел. И пахло от него как-то странно: к ароматам мыла и мяты примешивался неприятный, горький запах. Мне вдруг стало холодно.

– Если что – я всегда рядом. – Папа отстранился от меня.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Почему ты спрашиваешь?

Твой отец умирает.

– Так, на всякий случай. Раз уж я собираюсь тут задержаться. – Я старалась говорить весело и шутливо, но в моем голосе явственно прозвучала тревога.

Папа, рисуясь, ловко спрыгнул с крыльца.

– Я что, похож на квелого доходягу? Не волнуйся обо мне, Натали.

И папа зашагал прочь. А ведь на мой вопрос так и не ответил... Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за дверью. А после, вскинув битку на плечо, пошла в дом – будить Олли и заниматься делами.

Мысленно я успокаивала себя: это был кошмарный сон, только и всего. Папа в порядке. Он полностью здоров. Цел и невредим.

Если бы он умирал, я бы заметила...
Или нет?

Анна-Кейт

Наутро я проснулась в тишине, еще до будильника, и сразу вспомнила, где нахожусь: в Уиклоу, с черными дроздами.

Несмотря на вчерашнюю суматоху, я чувствовала себя не изможденной и разбитой, а, напротив, свежей и отдохнувшей. Я села на кровати и подумала, что хорошо бы выпить кофейку: очень люблю травяной чай, но предпочитаю начинать день с кофе. А как насчет ежевики, которую Саммер принесла накануне? Не испечь ли мне «Коблер» по рецепту Зи? Пожалуй, это идеальный завтрак. Вчера у меня не было времени с ним возиться, а сегодня есть.

Я наскоро приняла душ, оделась и забрала волосы в пучок. Прежде чем спуститься в кафе, я прошлась по второму этажу, где раньше жила Зи. В обстановке гостиной проявились бабушкина приверженность к минимализму (из мебели – только самое необходимое, никаких безделушек) и прекрасный художественный вкус. Стены цвета баклажана. Зеленый, как мята, мягкий диван и одно-единственное кресло в цветочек. Маленькая кухонька тоже оказалась полупустой: видимо, потому, что Зи в основном готовила внизу.

Бабушкина спальня выглядела светлой и праздничной благодаря лимонно-желтым стенам, а еще белоснежному постельному белью и занавескам – таким же, как в комнате, которую занимала я. Только у меня стены были зелеными, как лист Melissa. Весь второй этаж походил на красочный, цветущий сад. Повсюду ощущалось незримое присутствие Зи.

Я шагнула к окну. Большинство орнитологов разъехались, но некоторые решили задержаться и теперь дремали прямо на траве, в спальнях мешках. Сэр Птицелюб прохаживался с биноклем в руке. Странно, что он еще не вернулся к себе в Мобил.

Я уже собралась идти вниз, как вдруг заметила на карнизе что-то зеленое. Недоумевая, что бы это могло быть, раскрыла окно и, наклонившись, обнаружила маленький листочек, придавленный сверху камушком.

Значит, черные дрозды вчера все-таки подали мне знак! Это они принесли сюда лист. Я ведь видела, как опустились их головы, но из-за темноты и слез не различила, что они держали в клювах.

Улыбнувшись, я осторожно подняла нежный листок в форме сердечка и повертела в руках. Он пожелтел и пожух по краям, словно подавая сигнал, что дерево в беде. Вся моя душа откликнулась щемящей болью на его немой крик о помощи.

Это был лист шелковицы.

Торопливо натянув кеды, я сбежала по лестнице, через кухню выскочила во двор – дверь со стуком захлопнулась за моей спиной – и помчалась к шелковицам.

Некоторые ягоды – невызревшие, белые, зеленые и розовые – осыпались за ночь и валялись внизу, на траве. Листья пожухли и скукожились. Наклонившись, я потрогала землю под шелковицами. Сухая, но не слишком. Значит, воды им хватает.

Я растерялась и забеспокоилась. Ведь черные дрозды неспроста принесли мне этот лист!

«Когда подрастешь, сама обо всем догадаешься», – зазвучал в ушах бабушкин голос, и я вдруг успокоилась. Закрыла глаза и постаралась вспомнить малейшие подробности из истории, которую Зи рассказывала мне на ночь.

Портал остается открытым лишь благодаря любви, моя милая Анна-Кейт. Именно она сближает тот свет и этот. Без нее волшебные деревья зачахнут.

Слова Зи эхом отозвались в памяти. Задрав голову, я посмотрела на пожелтевшие листья и сморщенные ягоды. Любовь...

Долг Хранительниц на земле – заботиться о деревьях и собирать их любовь, которая соединяет наш мир с загробным. Хранительницы вкладывают ее в пирог и дарят скорбящим, потерявшим близких.

Запекают ее в пирог.

Я потянулась за гроздью ягод.

Секретный ингредиент – любовь, самая чистая и искренняя.

Я сокрушенно вздохнула, дивясь собственной бестолковости. Зи была права: я всегда знала, что это за секретный ингредиент. Просто не сразу смогла сложить два и два.

– Простите! – крикнула я в туннель-портал. – Неделя выдалась трудная.

Однако мое воодушевление вскоре угасло: сорвав гроздь, я обратила внимание, что ягоды еще твердые и зеленоватые. Неспелые. Такие нельзя класть в пирог, иначе он выйдет несъедобным. А что, если приготовить из них сироп, добавив побольше сахара? Тогда вкус получится сносным.

Пожалуй, стоит попробовать.

Я снова окинула взглядом деревья. Хотя ягод было много, я понимала, что их не хватит даже на месяц, а уж на год – тем более. Час от часу не легче!

Как же выходила из положения Зи?

Тут я вспомнила характерный звук открывающейся крышечки, который раздавался всякий раз, когда бабушка готовила для меня пироги. Ну конечно же! Она делала из ягод варенье или что-то вроде этого. Не выпуская гроздь из рук, я побежала обратно к кафе, на ходу помахав сэру Птицелюбу и пообещав кабачкам, что скоро уделю им побольше внимания и заботы. Преодолев ступеньки, влетела в кухню. Обыскала кладовую, шкафчики и холодильник, но варенья из шелковицы нигде не было.

Я поджала губы и подбоченилась. Ничего, самое главное я уже узнала. Позже поспрашиваю Джину и Лука, известно ли им, где Зи хранила ягоды шелковиц, а пока начну готовить сироп для сегодняшних пирогов. Вчерашние, к сожалению, получились не волшебными, а самыми обыкновенными. Я поморщилась, представив, как будет разочарован мистер Лейзенби. Да и я тоже: ведь этой ночью черные дрозды снова не запоют.

Зато завтра все изменится. Скорее бы день закончился! Ох, еще только шесть утра...

Я подошла к навороченной кофемашине и, следуя инструкциям Луки, насыпала туда кофе.

Пока напиток готовился, я сполоснула гроздь ягод и принялась извлекать плодоножки. Однако это оказалось таким утомительным занятием, что я решила сначала позавтракать.

Наполнив чашку, собрала ингредиенты для «Коблера». Положила в сотейник ежевику, кукурузный крахмал и цедру лимона и, добавив туда сахар и ваниль, поставила на огонь, после чего взялась за тесто для пирога.

Отмеривая муку, я услышала стук в дверь со стороны сада. Подняв глаза и заметив в окне Гидеона Киплинга, помахала ему, приглашая войти.

– Не спится? Тебе орнитологи не мешают?

– Ничуть, – заверил Гидеон, взглянув на любителей птиц во дворе. – А они очень увлечены своим делом.

– Не то слово! Что это у тебя? – Я кивнула на предмет в руках Гидеона.

– Увидел, что ты проснулась, и решил занести мед, от которого у тебя вчера слюнки текли. – Гидеон протянул мне баночку.

– Ничего они не текли. У меня, можно сказать, вообще было обезвоживание, – пошутила я.

– Тоже верно, – рассмеялся Гидеон. – Ну, не хочешь – как хочешь...

– А сейчас, кажется, и правда потекли. – Я вытерла ладони о фартук и, взяв баночку, полюбовалась янтарным цветом меда. – Какая прелесть! Спасибо.

– Что-то мне подсказывает, что ты найдешь ему достойное применение.

– А как же! Кстати, кофе еще горячий. Будешь?

– С удовольствием. – Гидеон подошел к полке с посудой и достал себе кружку. Потом раскрыл холодильник и без труда отыскал на нужной полке сливки.

Помешав ежевичную смесь, я выключила плиту и указала на кружку и пакет со сливками.

– Значит, ты часто сюда заходишь?

Гидеон, осознав, что преспокойно хозяйничает на чужой кухне, слегка смутился.

– Извини. Привычка. Зи постоянно приглашала меня на утренний кофе. – Он обвел взглядом помещение, задержавшись на надписи у потолка. – Я скучаю по нашим посиделкам.

– Как вы, оказывается, тесно общались, – удивилась я, наполняя его кружку.

– Мы с Зи были друзьями.

В груди заныло от тоски и горечи.

– Прости, я не знала.

Гидеон кивнул.

– Ты и не могла знать.

Но отчего-то мне казалось, что я должна была догадаться про дружбу Зи с Гидеоном. И с Саммер тоже. Больно осознавать, что не вхожу в их компанию. Странно, я ведь никогда не переживала, что родной город для меня закрыт. Относилась к этому спокойно, как к данности: поездки в Уиклоу и общение с его жителями запрещены – и все тут.

Выходит, не все...

Отмахнувшись от невеселых мыслей, я подлила себе кофе.

– Хорошо, что рассказал. Я рада, что вы с Зи дружили. Это... утешает.

– Правда? А почему же тогда ты нахмурилась?

– Твои отношения с Зи тут ни при чем, это уж точно. Просто боролась с желанием испечь для тебя кабачковый хлеб.

Расхохотавшись, Гидеон добавил в кружку сливки, но не стал размешивать, и они повисли белым облачком на темном кофейном фоне.

– Видишь, ты уже начала привязываться к Уиклоу. Я же говорил!

– Вовсе нет. – Я вернулась к тесту для «Коблера»: по очереди положила в муку сахар, соль, пекарский порошок, масло и пахту.

Гидеон облокотился на край раковины.

– Вкусный кофе. Напоминает о Зи.

– Неудивительно: я делала его по бабушкиному рецепту. Джина научила. – Я была довольна, что продолжаю одну из традиций Зи, но почему-то еще острее почувствовала свое одиночество и оторванность от Уиклоу.

– Что стряпаешь? – спросил Гидеон.

– Ежевичный «Коблер».

– Между прочим, ты улыбаешься, когда добавляешь ингредиенты.

Я взглянула на него.

– Правда?

– Каждый раз. Я заметил, потому что до этого ты при мне никогда не улыбалась. А жаль: у тебя очень приятная улыбка.

Смутившись, я едва не выронила деревянную ложку, которой помешивала тесто, но постаралась внешне сохранить невозмутимость.

– Обожаю готовить.

– Значит, это у вас семейное?

– Да. Я училась у лучшего кулинара. – Я поместила в небольшой противень начинку и покрыла ее сверху тестом. Поставила пирог в заранее разогретую духовку, установила время запекания и поглядела на Гидеона. – Ты голоден? Как насчет омлета?

– Спасибо за предложение, но мне уже пора. Хотя если угостишь меня «Коблером», я буду тебе всю жизнь благодарен.

– За такой мед и «Коблера» не жалко.

Гидеон допил кофе, сполоснул кружку и сунул ее в посудомоечную машину.

– Когда у тебя будет время, давай... – начал было он, но его прервал громкий стук со стороны дворика.

Я повернулась и обреченно вздохнула, увидев прижатое к стеклу красное, сердитое лицо мистера Лейзенби.

– Мисс Анна-Кейт! Мне надо с вами поговорить!

– Что это с ним? – удивился Гидеон.

– Из-за пирога переживает, – бросила я, спеша к двери, чтобы впустить гостя.

– Из-за пирога? – недоуменно переспросил Гидеон.

– Мисс Анна-Кейт, ваш «Черный дрозд» не работает, – с порога заныл мистер Лейзенби. – Мне опять ничего не приснилось!

– Знаю. Приходите завтра.

– Разве вы не напекли еще пирогов? – расстроился Мистер Лейзенби.

– Эти тоже не работают, – объяснила я и, приняв мгновенное решение, добавила: – Поэтому сегодня пирогов «Черный дрозд» в продаже не будет. Но не волнуйтесь, завтра они появятся. До свидания.

Вымученно улыбнувшись, я захлопнула дверь, но стоило мне повернуться к Гидеону, как снова послышался стук. Я оглянулась.

– Я есть хочу! – донесся до меня жалобный голос. – А у вас так вкусно пахнет!

Мгновение помешкав, я распахнула дверь. Должна же я хоть чем-то помочь несчастному старику!

– Вы очень милая девушка, – сделал мне комплимент мистер Лейзенби, направляясь к столу, за которым Гидеон уже наливал гостю кофе.

Обменявшись приветствиями с мистером Лейзенби, Гидеон шагнул к двери из проволочной сетки.

– Спасибо за теплый прием, Анна-Кейт. Увидимся.

– Подожди, ты же что-то собирался мне сказать?

– Потом поговорим. Это не срочно.

– Уверен?

Он кивнул.

– Не забудь оставить мне кусочек «Коблера».

Я проводила его до выхода и прислонилась к косяку.

– Гидеон, я, конечно, не Зи, но, если вдруг захочешь зайти на чашку кофе, имей в виду: я буду рада тебя видеть в любой день, часов в шесть утра.

Солнце отразилось в сияющих глазах Гидеона.

– Спасибо за приглашение! С удовольствием.

С этими словами он вышел из кухни и, спустившись по ступенькам, через сад двинулся к своему дому. А я повернулась к мистеру Лейзенби и потеряла руки.

– Предлагаю провести время с пользой и, пока «Коблер» готовится, вытащить плодоножки из ягод!

– Что привело вас в этот город, сэр?

– Сообщение о появлении здесь птиц редкого вида, *Turdus merula*. – Закарайа Бойд гордо выпятил грудь, демонстрируя журналисту надпись «Птицелюб» на футболке. – Я председатель Общества орнитологов Алабамы. Кстати, мы будем рады новым членам.

Журналист скрупулезно записал название общества и его электронный адрес, отметив про себя, что это – неплохой материал для будущей статьи о черных дроздах.

– На сколько вы собираетесь задержаться в Уиклоу?

Мистер Бойд потер аккуратно подстриженную седую бородку.

– Даже не знаю. Я прибыл сюда из-за дроздов... А не уезжаю из-за пирога.

Натали

Присутствовать на занятии Олли в бассейне я отказалась: досадно было видеть, как торжествует добившаяся своего мама. Поэтому ушла сразу же, как только передала свою радостную дочку ее не менее радостной бабушке.

В Уиклоу царило оживление. На улице какие-то люди раздавали листовки с рекламой предстоящего празднования Дня независимости, хотя до него оставалось еще больше месяца. Приглядевшись, я поняла, что это мамы друзья из комитета по благоустройству города, и торопливо свернула, чтобы чего доброго не наткнуться на Корали Дэбади. Она бы обязательно завела светскую беседу об Олли, Стейше и их занятиях плаванием, а мне об этом даже думать не хотелось, не то что разговаривать. Тем более с посторонним человеком, с которым уже много лет не общалась.

На Маунтин Лорел Лейн автомобили выстроились в пробке. Казалось, здесь нет ни одного свободного парковочного места. Раньше в Уиклоу было тихо, а теперь отовсюду слышался шум машин и гул голосов. У кафе «Черный дрозд» столпилось еще больше народу, чем

накануне. Я направилась ко входу. Сейчас съем кусок пирога, потом пройду по городу в поисках работы, а после вернусь домой.

Хорошо, что я не осталась на занятие Олли: видеть ее в бассейне было бы для меня настоящей пыткой. Вздохнув, я попробовала внушить себе, что Олли в надежных руках. Мама ее любит и не допустит, чтобы с внучкой что-нибудь произошло.

По крайней мере, постарается.

А вдруг что-то случится...

Нет. Нельзя так думать. За Олли присматривают и мама, и Стейша. Моя дочь не утонет.

Ни за что не утонет.

Я изо всех сил боролась с желанием броситься назад, схватить Олли и никогда ее не отпускать. Голова вдруг закружилась, и я оперлась о фонарный столб, чтобы не упасть. Перед внутренним взором плавало раздувшееся до неузнаваемости лицо Мэтта. Сначала видение было смутным и расплывчатым, но внезапно стало ясным и четким. Я словно наяву увидела его помутневшие глаза, разбухшую кожу и шрам на полупрозрачной щеке.

Я с трудом узнала Мэтта, пролежавшего два дня в озере Мартин. Зажмурившись, я еще крепче прижалась к фонарному столбу и стиснула зубы, опасаясь, что меня вырвет прямо на посаженные вдоль тротуара петунии.

Вдруг что-то мокрое и шершавое коснулось ладони. Раздался жалобный скулеж. Вздрогнув, я разомкнула веки. У моих ног сидела собака, похожая на шелти. Ривер.

Пес ткнулся влажным носом в мою руку и еще раз лизнул.

– Ривер всегда чувствует, когда кому-то плохо. – Кэм Колбо, житель гор, наклонившись, внимательно посмотрел на меня. – Ты в порядке?

– А, да. – Я прокашлялась, стараясь подавить приступ паники, и похлопала по столбу. – Просто проверяю, не шатается ли фонарь. Вроде не шатается.

– Прекрасно. Тогда можешь его отпустить.

Дурнота не проходила.

– Кажется, рановато. Пожалуй, подержу его еще пару минут. Мало ли. Вдруг он все-таки завалится.

Кэм присел на корточки, снял с плеча рюкзак и, покопавшись в нем, вытащил флягу.

– Вода. Я отсюда не пил, так что моих микробов тут нет.

– Вообще-то я не хочу, но все равно спасибо.

Неожиданно он достал фотокамеру и, слегка отклонившись, нажал на кнопку.

– А это зачем? – удивилась я.

Пару секунд Кэм, озабоченно хмурясь, внимательно изучал мое изображение, а потом поднялся и показал мне снимок.

– Ты белая как смерть. Никогда не видел, чтобы кто-то так сильно бледнел.

– Тогда тебе повезло.

Я посмотрела на фотографию и вынуждена была признать, что выгляжу ужасно. Кожа приняла почти тот же оттенок, что и у Мэтта, когда его вытащили из озера. При этой мысли посеревшее лицо мужа вновь возникло перед глазами. Я покачнулась.

– Тихо-тихо. Все хорошо. Я тебя держу. – Кэм подхватил меня под руку, подвел к ближайшей скамейке и помог сесть.

Ривер устроился у моих ног. Его взгляд был полон сострадания.

Меня начало трясти. Тогда Кэм, придвинувшись вплотную, одной рукой притянул меня к себе за плечи, а другой сжал мою ладонь, чтобы я не потеряла равновесие. Наверное, я должна была почувствовать себя неловко от такого вторжения в мое личное пространство. Как-никак, Кэм – посторонний мужчина... Здоровенный и крепкий мужчина. Однако его тепло и сила, наоборот, действовали на меня успокаивающе.

Я постаралась сосредоточиться на дыхании. Вдох-выдох. Медленно и спокойно, как учил психотерапевт, когда у меня начались панические атаки. Через несколько минут дрожь прекратилась. Тошнота тоже немного отпустила, хотя все еще мутило. Голова болела, но уже не кружилась.

Кэм отпустил мою руку и почесал Ривера за ухом.

– Ну как, скамейка не шатается?

Я слабо улыбнулась.

– Нет, вполне устойчива.

Он посмотрел на меня.

– Отлично.

- Спасибо за заботу.
- Пожалуйста.
- Вообще-то я с Ривером говорю.

Кэм, продолжая, как будто так и надо, обнимать меня за плечи, расхохотался:

- Да, мог бы и сам догадаться.

Разжав объятия, он завозился, засовывая фотокамеру обратно в рюкзак.

– Тебе тоже спасибо, – поблагодарила я и попыталась в общих чертах объяснить Кэму, что со мной происходит: – У меня бывает...

– Не говори ничего, я понимаю. Душевные раны порой очень трудно залечить. Каждый по-своему справляется с болью.

Было очевидно, что Кэм знает это не понаслышке. Поднявшись, он протянул мне руку. Я пожалала его огромную, загрубевшую ладонь.

- А как справляешься с ней ты?

– Прячусь в горах.

– Отличный способ.

– Я его долго искал. Ты тоже обязательно найдешь средство, которое поможет. Куда ты теперь? Давай провожу.

Я хотела возразить, что сама прекрасно дойду, но мне нравилась компания Кэма. Я даже немного завидовала его мужеству и спокойствию.

- В кафе «Черный дрозд».

Мы направились в сторону кафе. Ривер шествовал впереди нас, помахивая хвостом и обнюхивая прохожих, и я пожалела, что с нами нет Олли. Прогулка с собакой доставила бы ей море удовольствия.

– Кафе становится все популярнее, – заметил Кэм. – Все съезжаются туда ради черных дроздов.

- Да, я тоже.

– О, это невероятное зрелище! У меня аж мурашки по спине побежали, когда они появились буквально из ниоткуда. Никогда такого не видел... Но дрозды не покажутся раньше полуночи.

- Да нет, я не любоваться на них иду. Мне нужна их помощь.

В его светло-карих глазах мелькнуло удивление.

- Помощь?

– Значит, ты еще не слышал про пирог.

- Какой пирог?

– Пирог «Черный дрозд». Он... ну, особенный. И я надеюсь, он позволит мне избавиться от призраков прошлого.

Анна-Кейт

Наслаждаться тишиной и спокойствием пришлось недолго: к половине десятого кафе набилось битком. За столиками не оставалось ни одного свободного места, а у дверей стояла длинная очередь. Мы еле успевали готовить заказанные блюда и обслуживать посетителей, а в какой-то момент мне показалось, что скоро закончатся продукты. Я даже не могла выставить на продажу «неработающие» пироги, поскольку утром, до открытия кафе, уже раздала их орнитологам.

Из присутствующих я знала только мистера Лейзенби, Пибблз и Фейлин. По их разговорам было ясно, что все остальные – любители птиц, приехавшие в Уиклоу посмотреть на черных дроздов.

Мистер Лейзенби сидел в кафе уже почти три часа и всякий раз, когда я наполняла его чашку или просто проходила мимо, брюзжал, что его эксплуатируют. Можно подумать, он оторвал плодоножки не от горстки шелковиц, а от всех ягод на дереве.

Я расспросила Джину и Лука насчет «секретного ингредиента» Зи. Они рассказали, что бабушка каждый год с нетерпением ждала, когда созреют плоды, а потом тщательно собирала шелковицы. Только Бартеlemi ни разу не видели, чтобы Зи как-то перерабатывала ягоды, варила, замораживала или запекала в пирог. Очень странно.

Поставив перед одним из гостей жареную картошку, я прошла по залу, подливая всем желающим кофе.

– Заказ готов! – крикнул Лук, стукнув по столешнице.

Я поспешила на кухню и взяла две тарелки с сегодняшним блюдом дня: блинчиками из кукурузной муки, покрытыми жареными кусочками яблок. Лук объяснил, что они называются «Джонникейками».

– Спасибо, Лук.

– Ты как, справляешься?

Удивительно, но я и впрямь справлялась. Может, потому, что сегодня в кафе набились в основном туристы, а не местные жители, и я перестала быть в центре всеобщего внимания. Клиенты задали совсем

немного вопросов о моей жизни, так что, видимо, сведения обо мне уже сами расходятся по городу. И я разбила всего две миски и кружку.

– Лучше, чем вчера.

– А завтра будет лучше, чем сегодня, вот увидишь! – Джина сунула в разогретую духовку противень с печеньем и зевнула. Она зевает все утро. Говорит, встала раньше обычного, чтобы помочь подруге. А тут еще, как назло, из-за наплыва посетителей ей пришлось выполнять двойную работу: и готовить, и разносить заказы. – Ресторанный бизнес – это твое!

Что-то сомневаюсь. Я ведь до этого даже понятия не имела, что такое «Джонникейк». Но приятно думать, что я здесь уже не совсем чужая.

Я опустила тарелки с блинчиками на нужный столик и тут заметила в очереди перед кафе Натали. Увидев меня, она помахала рукой. Я указала ей на заднюю дверь. Натали кивнула и стала выбираться из толпы. Не представляю, как выговорю, что сегодня не смогу угостить ее обещанным пирогом...

– Кто это там? – Фейлин привстала. – Натали! Ну точно, она! Провалиться мне на этом месте! – Она вновь опустилась на сиденье и повернулась ко мне: – Анна-Кейт, ты знакома с Натали?

За столиком местных жителей повисло молчание. Только заезжие любители птиц продолжали болтать как ни в чем не бывало.

– Да, мы пообщались вчера, на детской площадке.

Мистер Лейзенби заерзал от любопытства.

– Что она тебе сказала?

– Да, мне тоже очень интересно! – поддержала его Пebbлз.

Я вытерла ладони о фартук.

– Ничего особенного. Мы договорились, что я придержу для нее кусок пирога.

– Пирога «Черный дрозд»? Ох, боже мой! Бедняжка! – Фейлин прижала руки к груди и, повернувшись, громко оповестила всех присутствующих: – Муж Натали погиб около года, семи месяцев и четырех дней назад. Утонул в озере Мартин и пролежал там двое суток, прежде чем его нашли. Ужасная трагедия!

Зал ответил ей сочувственным гулом, а у меня на глаза навернулись слезы. Странно, я ведь даже не встречалась с этим человеком... Я не сразу осознала, что переживаю не за него, а за Натали

и крошку Олли. Особенно за Олли. Я-то понимаю, каково это – расти без отца.

Мистер Лейзенби поправил галстук-бабочку в зеленую полоску.

– А я и позабыл...

– Не знала, что Натали вернулась в Уиклоу, – подала голос Пebbлз. – Надолго она приехала? Сколько лет ее дочке?

– Дочке скоро два годика, а надолго ли они здесь, ума не приложу, – ответила Фейлин. – Верно, нет, если Натали не отыщет общий язык с матушкой. Они всегда жили как кошка с собакой, особенно когда у Натали начался переходный возраст.

– Она жутко расстроится из-за пирога, – заметил мистер Лейзенби, как будто до него только что дошло, о чем Натали меня попросила. Вдруг он просиял. – Подождите-ка, мисс Анна-Кейт! Вы говорили, пироги появятся завтра. Не могли бы вы и для меня отложить кусочек? Я доплачу!

Пebbлз так отчаянно замотала головой, что я забеспокоилась, как бы она не повредила шею. Ее явно несколько не расстраивало, что мистер Лейзенби не получает посланий от его дорогой покойной жены.

– Простите, но, как говорится, кто успел – тот и съел. Таково правило кафе, – отказала я, совершенно не чувствуя себя виноватой. Все равно завтра, чуть свет, мистер Лейзенби уже явится в кафе. С утра пирогов будет полно – на любой вкус.

Старик возмущенно запыхтел:

– Но вы же обещали придержать кусок для мисс Натали!

– На членов семьи правило не распространяется, – заявила я и зашагала к проволочной двери.

Сзади послышались восклицания Фейлин:

– Семьи! А я что говорила! Анна-Кейт – дочка Эджея! Я так и знала!

– Мы все знали, – проворчал мистер Лейзенби.

Улыбнувшись, я поздоровалась с Натали, которая как раз поднималась на террасу.

– Заходи. Извини, у нас тут небольшой бедлам. Народу много.

– Небольшой? – переспросила Натали. – Да это же сумасшедший дом какой-то!

– Кого ты тут назвала сумасшедшим? – вмешался Лук.

– Привет, Лук! – Натали тепло улыбнулась.

Он обнял ее.

– Раньше я даже представить не мог, что когда-нибудь увижу тебя в кафе.

– Настало время перемен, – с легкой грустью кивнула Натали.

– Это точно, – серьезно подтвердил Лук. – Давно пора.

– Мы очень по тебе скучали! – Джина локтем оттолкнула мужа и тоже обняла Натали. – Где твоя малышка?

– За Олли присматривает бабушка.

– Очень мило с ее стороны, не так ли? – заметила Джина.

Натали в ответ растянула губы в напряженной улыбке и промычала что-то нечленораздельное.

Сегодня она оделась в подвязанное широким поясом платье в цветочек с вырезом-лодочкой и летящей юбкой до колена. Волосы, как и вчера, были забраны в пучок на затылке, а в ушах сверкали те же самые золотые сережки-гвоздики. Черные сандалии на ремешках выглядели безукоризненно чистыми, а педикюр – новеньким и блестящим.

Внешний облик Натали полностью соответствовал образу интеллигентной красавицы-южанки, но мне почему-то казалось, что это напускное. А в душе Натали, как она сама вчера выразилась, «вся всклокоченная и растрепанная».

– У меня плохие новости: сегодня с пирогом не получится. Я кое-что напутала с рецептом. Прости, – повинулась я. – Но есть и хорошие новости: я поняла, в чем моя ошибка, и завтра «Черный дрозд» уже будет.

На лице Натали промелькнула целая гамма чувств: разочарование, принятие и... облегчение?

– А завтра ты оставишь для меня кусок?

– Обязательно.

– Спасибо. Ну, тогда я, наверно, пойду. Поищу работу, пока Олли с бабушкой. Кстати, вы не в курсе, нет ли где-нибудь вакантных мест?

Лук машинально пригладил бородку.

– Вряд ли. Сейчас с этим туго.

Натали поморщилась.

– Может, поискать в соседнем городе? – предложила Джина. – До Форт-Пейна отсюда недалеко.

– Я надеялась найти что-нибудь в Уиклоу, – сложив ладони в молитвенном жесте, призналась Натали. – Чтобы можно было дойти пешком.

– Хм-м... – Джина посмотрела на меня, выразительно приподняв тонкие накрашенные брови, и кивнула на Натали.

Ничего не имею против новоявленной родственницы, но ведь она из семьи Линденов. Не уверена, что выдержу ежедневные встречи с ней. Вероятно, будет морально тяжело...

Но тут я увидела умоляющий взгляд Натали и почувствовала, как отчаянно ей нужна работа. В конце концов, стремление исцелять и успокаивать у меня в крови. Не могу не выручить Натали, несмотря на вражду с ее родителями.

Пошло все к черту!

Глубоко вдохнув, я выпалила:

– Пока у нас так много клиентов, в кафе не помешал бы еще один официант. Если хочешь, иди к нам на несколько смен в неделю. Это временно, пока туристы не налюбуются на дроздов и не уедут. Или пока не уеду я. Тут уж как получится.

Джина расплылась в улыбке, и я еле удержалась, чтобы не закатить глаза.

Натали радостно прижала руки к груди.

– Очень хочу! Правда, у меня совсем нет опыта, но я быстро учусь и согласна много трудиться.

С таким же успехом она могла признаться, что у нее аллергия на кофе, пироги и заодно на людей. Все равно я бы предложила ей место официанта: так сильна у женщин рода Кэллоу потребность дарить утешение.

– У меня тоже нет. Когда сможешь приступить?

– Сегодня! – с готовностью отозвалась Натали. – Сейчас.

– Не считите меня занудой, но как быть с Олли? – напомнила Джина. – Натали, ты нашла для нее няню? И как к этому отнесется Сили? Она ведь терпеть не может наше кафе и ни за что не одобрит твой поступок.

Натали замерла, напряженно выпрямив спину.

– Я... не знаю. Я об этом не подумала. Но у меня есть кое-кто на примете, кто мог бы присматривать за Олли... – Она обернулась на зал для посетителей, и ее взгляд потеплел. Твердым, решительным тоном

Натали добавила: – Что же касается моей мамы, то с ней, конечно, возникнут сложности, но я взрослый человек и способна самостоятельно принимать решения.

Если бы ее голос не дрогнул на слове «самостоятельно», я бы искренне поверила, что Натали – настоящая мисс Независимость. Интересно, насколько у нее в действительности получается распоряжаться собственной жизнью?

Впрочем, это не мое дело. Тем более что Натали – дочь Линденов. Надо поступить так, как я привыкла: ни с кем не сближаться слишком сильно. Я уже нарушила данное себе обещание не иметь ничего общего с Линденами, наняв Натали, но дальше этого не пойдет. Она – моя подчиненная. Я буду держаться с ней вежливо и доброжелательно, не более того.

Лук весело присвистнул.

– Ого, гляньте-ка на этого взрослого человека! А кажется, еще вчера была совсем крохой, бегала по саду и помогала нам с грядками.

– Все мы когда-то вырастем, – пожала плечами Натали.

– Да, но кто-то раньше, чем остальные. – Джина достала печенье из духовки.

– Давай так: сегодня ты попробуешь себя в роли официантки и посмотришь, насколько тебе подходит такая работа. А потом все хорошенько обдумаешь и решишь, что делать дальше, – предложила я.

– Отличный план. – Джина сдернула с вешалки фартук и протянула его Натали. – Добро пожаловать в кафе «Черный дрозд». А теперь – за дело! Нас ждут клиенты.

– Спасибо, что дала мне шанс, Анна-Кейт! – Натали повисла у меня на шее.

Вздыхнув, я тоже приобняла ее и отстранилась.

– Пожалуйста.

Посетители в большинстве своем не обращали на нас никакого внимания, но были среди них и те, которые следили за каждым нашим движением. Фейлин даже всплакнула и украдкой вытерла глаза.

От вида ее слез и объятий Натали в груди знакомо заныло. Это ощущение появлялось всякий раз, когда я начинала с кем-то дружить, осознавая, что придется уехать, будь то через несколько месяцев, полгода или даже год. Каждый раз находилась причина, по которой мы с мамой перебирались в другое место, и расставание всегда

сопровождалось болью. Когда я училась в средней школе в маленьком городке в Пенсильвании, я решила больше не заводить друзей, чтобы не было так горько покидать их. Однако стало только хуже: быть отшельницей оказалось еще тяжелее.

В итоге я нашла компромиссный вариант, который неплохо работал на протяжении многих лет: не друзья, а просто приятели. Расставаться с ними все равно было больно, но не до такой степени. Конечно, я чувствовала себя одиноко, и все же это приемлемая цена за душевное спокойствие.

Нельзя слишком привязываться к Уиклоу. Не хочу еще больше усугублять свою тоску, когда настанет пора отправляться в университет.

Глубоко вздохнув, я отогнала невеселые мысли и вернулась к своим обязанностям. Теперь работать стало легче. Натали оказалась отличной официанткой, вежливой, энергичной и расторопной. Разумеется, ее появление в кафе, да еще в качестве сотрудницы, шокировало местных жителей, но Натали, вопреки моим опасениям, не смутилась и спокойно общалась со всеми, при необходимости находчиво отшучиваясь. Особенно посетителей занимало, знает ли Сили, где сейчас ее дочь.

А ведь Лук сам признался: раньше он даже представить не мог, что когда-нибудь увидит Натали в кафе. Это, а также другие сегодняшние события свидетельствовали о том, что Натали, как и мне, появляться «Черном дрозде» не разрешалось.

Натали считает, что настало время перемен, и я не могу с ней не согласиться.

Спустя час после закрытия кафе я отправилась в южный конец Маунтин Лорел Лейн, к мраморному зданию суда. По словам Лука и Джинны, помимо двух залов заседания в нем располагались городская администрация и полиция. А еще библиотека. Она-то и была мне нужна.

Рядом находилась и детская площадка, на которой я вчера встретила Натали. Здесь же построили небольшую сцену под открытым небом, где часто проводились разные концерты и спектакли. Сейчас несколько человек устанавливали там экран для вечернего кинопоказа: жители города собирались смотреть «Питера Пэна».

На широкой деревянной двери висел плакат, рекламирующий предстоящее гулянье в День независимости: музыкальные выступления, ярмарку изделий ручной работы, аттракционы, праздничное угощение и, конечно же, фейерверк. На все это выделил деньги некий комитет по благоустройству. Он же спонсировал и все культурные мероприятия, проводимые у здания суда.

Чуть в стороне виднелся мотель, в котором поселились любители птиц. Красная неоновая надпись на нем возвещала, что свободных номеров нет. На первом этаже того же дома помещались несколько магазинчиков и кафе. Правда, большинство витрин было заколочено. Открытыми оставались только прачечная и итальянский ресторан, по всеобщим уверениям – лучшая в Уиклоу пиццерия. Никто ни разу не упомянул, что других пиццерий в городе попросту нет. Впрочем, неудивительно. Я давно поняла: местные жители не грустят о том, чего не имеют, а предпочитают радоваться тому, что есть.

Повернувшись в противоположную сторону, я увидела универмаг, магазин фермерских товаров, скобяную лавку. Другие витрины также были наглухо заколочены. Большинству зданий явно требовался ремонт, покраска фасада и новая крыша. Заборы покосились, а газоны совсем заросли.

Стоило мне подняться по ступенькам, как деревянная дверь распахнулась и на пороге появился полицейский, высокий и мускулистый. Я отметила его широченные плечи, грудь колесом и кривоватый – видимо, из-за давнишнего перелома – нос. На поясе висел пистолет, а у квадратного подбородка был закреплен микрофон для переговоров по рации. Хотя козырек темной кепки загоразживал поллица, я разглядела, что глаза у полицейского голубые.

Мужчина отступил в сторону, пропуская меня внутрь, и улыбнулся.

– Вы Анна-Кейт, не так ли? – Он протянул мне руку. – Я Джош Колбо, зять Фейлин Уиггинс.

Я могла бы догадаться, кто это, по краткому, но точному описанию, которым Фейлин его охарактеризовала: «такой здоровяк, вылитый медведь». Джош действительно напоминал медведя. Гризли.

– Вы муж Марси, да?

Улыбка не сходила с его губ.

– Да, мэ. Какая у вас хорошая память. Наверное, за последнее время вы с кем только не познакомились. Трудно запомнить столько людей сразу.

Это «мэм» меня просто убивало!

– Дело в том, что Фейлин говорила мне о вас, Марси и Линди-Лу не больше двух часов назад.

А точнее, все уши прожужжала. Когда я отходила к другому посетителю, она ждала, пока я вернусь, и как ни в чем не бывало продолжала свой рассказ с того места, на котором остановилась. Из-за нее придерживаться тактики «приятели-но-не-друзья» было все сложнее.

– Ого! – крикнул Джош. – Тогда вы наверняка знаете обо мне больше, чем я сам.

– Пока нет. Но еще неделя – и я восполню все пробелы.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Джош. – Вам куда? Я объясню, как пройти. Здесь настоящий лабиринт, легко заблудиться.

– Ищу библиотеку.

Он указал пальцем вперед:

– Идите прямо, сверните в первый же коридор направо, потом налево и поднимитесь на второй этаж. Библиотека будет за углом.

– Прямо, направо, вверх, налево, за угол. – Я перешагнула порог. – Ясно.

Джош замотал головой.

– Да нет, сначала налево, а потом вверх!

Он еще раз описал дорогу, подкрепляя свои слова активными жестами, как при игре в шарады.

Надеюсь, я не буду плутать по этажам и коридорам так же, как вчера, разыскивая дом Павежо. Иначе придется вызывать поисковый отряд.

– Поняла, теперь не потеряюсь, – заверила я, стараясь придать голосу уверенности. – Спасибо.

– Не за что. – Он приподнял шляпу. – Хорошего дня, Анна-Кейт.

Дверь захлопнулась. Вдохнув характерный запах старого здания – смесь воска, плесени и пыли, – я пошла по коридору. Звук моих шагов эхом отражался от покрытых резными деревянными панелями стен. Я повернула направо, потом налево, поднялась на второй этаж и быстро отыскала библиотеку. Одна из створок двери была приоткрыта и держалась на пластиковом фиксаторе.

Оказавшись среди высоких шкафов, разноцветных книжных обложек, запыленности и воспоминаний, я сразу же почувствовала себя как дома. В детстве после школы я подолгу засиживалась в библиотеках. Они стали надежным прибежищем, где я коротала время до маминого возвращения.

У входа за столом сидела женщина средних лет. Отдельные пряди ее светлых волос были выкрашены в розовый.

– Вам помочь?

– Здравствуйте. Да, спасибо. У вас сохранились старые газеты?

Женщина свернула какое-то окно на компьютере.

– Смотря что вам нужно. В конце девяностых здесь приключился потоп, и почти все материалы пропали. Мы помаленьку восстанавливаем архив, но дело продвигается медленно.

– Мне нужны газеты двадцатипятилетней давности.

Библиотекарша как-то странно на меня поглядела.

– Часом, не августовские номера?

– Как вы догадались?

– Хотела бы назваться ясновидящей, да только это, увы, не так. Иначе я бы выиграла в лотерею, и меня бы тут уже не было. Хотя я, понятное дело, люблю свою работу, – спохватилась она, словно испугавшись, что где-то поблизости начальник. – Пойдемте.

Я последовала за ней, отметив, что разговаривает она совсем как Фейлин Уиггинс. Может, они родственницы?

– Мы сейчас оцифровываем все тексты, – на ходу сообщила библиотекарша. – Ужас до чего хлопотное занятие, и денег не хватает. Газеты того года хранятся на микрокарте. Умеете ей пользоваться?

– Ну... я однажды видела такую. Это считается?

Она рассмеялась.

– Многие и таким похвастаться не могут. Ничего, быстро научитесь. Это проще простого.

Мы прошли мимо многочисленных стеллажей с книгами, миновали отсек фильмотеки и детский отдел, где группа карапузов зачарованно слушала стихотворение про малышку, потерявшую мишку, в артистичном исполнении их воспитательницы. При виде них я не сдержала улыбки. Даже захотелось к ним присоединиться.

В детстве я на опыте убедилась, что в библиотеках далеко не так тихо, как принято считать. Здесь часто звучат негромкие разговоры библиотекарей, приглушенные шаги по ковру, шелест перелистываемых страниц, гул вентиляционной системы, чье-нибудь покашливание и звонкие голоса детей, еще не усвоивших правила поведения в подобных местах. Все это – музыка для моих ушей. От нее на сердце становится легко и спокойно.

Мы приблизились к череде маленьких читальных залов, которые, как гласила висящая рядом табличка, можно было заранее забронировать и использовать для проведения образовательных семинаров и общественных собраний.

– Придется немного подождать, – предупредила словоохотливая библиотекарша. – Микрокарта пока занята. – Через окошко в стене она указала на женщину, что-то читавшую на компьютере.

Я посмотрела на нее и глазам своим не поверила. Натали!

Словно почувствовав мой взгляд, Натали оторвалась от экрана и, покраснев, скованно помахала мне рукой.

– Вы знакомы? – удивилась библиотекарша.

– Она моя тетя, – как можно более невозмутимо бросила я.

– Натали ваша тетя? – Женщина изумленно приподняла брови. – Вы племянница Мэтта?

– Мэтта?

– Стало быть, нет, – быстро сориентировалась библиотекарьша. – Мэтт – ее муж. Покойный. Земля ему пухом. – Наклонив голову набок, она внимательно пригляделась ко мне. – Но если вы не родня Мэтта, то... О боже мой! Вы Анна-Кейт?

Не перестаю поражаться, как стремительно в маленьких городках разносятся слухи.

– Да. Анна-Кейт Кэллоу.

Библиотекарьша стиснула мою ладонь. Это понравилось мне еще меньше, чем привычка Натали обниматься.

– Я Мэри-Бет Шиэн. Счастлива познакомиться! Зи была прекрасным человеком, земля ей пухом. Часто сюда заходила. Нам ее очень не хватает. Все попросту обомлели, когда обнаружилось, что у нее есть внучка. Мы с твоей матушкой учились в одной школе. Когда Иден уехала, никто не подозревал, что она беременна. – Мэри-Бет прицокнула языком. – Какая трагедия...

Я так и не поняла, что именно библиотекарьша считает трагедией: беременность моей мамы или ее побег из города, а может, мамин преждевременный уход из жизни и смерть бабушки. Скорее всего, все сразу.

Я попыталась высвободить руку из цепкой хватки Мэри-Бет, но безуспешно.

– Вы с мамой дружили?

– Не то чтобы. Иден росла замкнутой. Ни с кем дружбу не водила, кроме разве что Эджея и Обина. Ты уже познакомилась с Обином Павежо? Он мало с кем общается. – Мэри-Бет понизила голос. – Несколько лет назад вся семья Павежо попала в аварию. Жена Обина погибла – земля ей пухом, – а он так и не оправился от горя... Обин с Эджем с детства были неразлейвода, и Иден, когда у нее началась любовь с твоим папой, сразу вошла в их компанию. Кстати, у тебя мамины глаза. Цвет – загляденье! Ой, я безумно рада знакомству!

– Спасибо. – Я наконец-то вызволила свою руку и указала на дверь. – Тогда Натали объяснит мне, как пользоваться микрокартой. Не буду вас больше задерживать, у вас ведь наверняка куча дел. Я к вам подойду, если возникнут вопросы.

– Конечно-конечно! – Мэри-Бет приветливо улыбнулась. – Ты знаешь, где меня найти. Ох, как же хорошо, что ты здесь, в Уиклоу!

Наш город придется тебе по душе, это уж точно. Загляни ко мне на обратном пути, выпишу читательский билет.

Аж приплясывая от возбуждения, она наконец-то удалилась, а я зашла в крошечный читальный зал. Единственный стол с компьютером, а рядом – копировальный аппарат и два стула, на одном из которых сидела Натали.

– Привет! – кривовато улыбнувшись, вежливо поздоровалась она. Я глубоко вздохнула.

– Мэри-Бет – родственница Фейлин, да?

– Да, кузина. Их матери – родные сестры. Правда, мама Фейлин уже давно умерла.

– Земля ей пухом, – хором добавили мы и расхохотались.

Не помню даже, когда я в последний раз смеялась. Приятно иногда повеселиться.

Я придвинула стул и села рядом с Натали. Конечно, не надо соваться не в свое дело, и все-таки я, не удержавшись, произнесла:

– Ты, наверно, слышала, как Мэри-Бет рассказывала о твоём муже... И Фейлин тоже, в кафе... Мне очень жаль.

Ее лицо омрачилось. Руки сжались в кулаки и снова расслабились.

– Спасибо, Анна-Кейт, но я не люблю это обсуждать. И вообще, надеюсь, что земля не стала ему пухом.

Желать кому-то плохого было совершенно ей не свойственно. Я поняла, что Мэттью Уокер чем-то сильно обидел Натали, и тут же всей душой его возненавидела.

– Что ж, в таком случае пусть горит в аду.

Натали повернулась ко мне. На ее губах расцвела улыбка, а глаза наполнились теплом и стали похожи на растаявший шоколад. Напряжение спало.

– Спасибо, это невероятно мило с твоей стороны. Я, конечно, не должна была так говорить. – У нее вырвался нервный смешок. – Когда горюешь по близкому человеку, иногда начинаешь на него сердиться.

– Понимаю. Сама через это прошла. Только мне кажется, у тебя есть и другие причины сердиться на мужа...

Что же я творю? Просто приятели не ведут таких интимных бесед!

Никак не могу отречься от своего предназначения. Я должна хотя бы попытаться облегчить ее боль.

– Если захочешь поделиться переживаниями...

Вот черт. Иногда я жалею, что во мне течет кровь Кэллоу.
Я не обязана все время кому-то помогать. Совсем не обязана.
Дурацкое наследие!

Натали, не подозревающая о моих внутренних метаниях, вытянула длинные, загорелые ноги. Она целую смену носилась по кафе на каблуках, но ни разу не пожаловалась, хотя я заметила у нее около мизинца кровавую мозоль. Может, Натали все-таки немножко робот?

– Спасибо, Анна-Кейт. Только давай не сегодня. И не завтра. И не послезавтра...

– Ну, в конце июля я уезжаю учиться в медицинском, но до этого у нас еще куча времени.

Натали приподняла брови.

– В медицинском? Хочешь стать семейным доктором, да?

Ясно, почему она так решила. Ее отец – потомственный семейный доктор. И мой папа тоже собирался пойти по стопам предков.

– Пожалуй, нет. – Меня совершенно не привлекала такая специализация. Да и, если уж честно, официальная медицина вообще. – Мне больше интересны альтернативные способы лечения, остеопатия или гомеопатия.

Мама этого бы не одобрила, но иначе я вряд ли смогу учиться на врача.

Натали кивнула, слегка нахмурившись.

– Чего ты так на меня смотришь? Не веришь в целительную силу природы?

– Нет-нет! Лично я верю. – Натали прижала руки к груди. Я заметила, что она так делает, когда говорит от чистого сердца.

– Дай угадаю. Твой папа такое не приемлет?

– Ни папа, ни мама. Они считают это шарлатанством.

– Хорошо, что не им решать, на кого мне учиться.

Неожиданно до меня дошло, почему мама была против нетрадиционной медицины. Готова поспорить, папа был согласен на этот счет со своими родителями. Мама отказалась от собственного наследия, поскольку уважала его точку зрения.

Ничего удивительного, что они с бабушкой по этому поводу все время ссорились.

– Правильно, – подтвердила Натали. – Очень важно по жизни поступать так, как считаешь нужным.

Судя по тону, она скорее пыталась внушить это самой себе, а не мне. В голове крутилось множество вопросов: как прошло ее детство, каково это – жить с Линденами, почему она так хорошо знает Лука и Джину и, главное, что за человек был мой папа. «Не лезь в чужие дела, Анна-Кейт», – мысленно велела я себе и сменила тему:

– Не ожидала тебя здесь увидеть.

– Чувствую себя ребенком, которого поймали на воровстве печенья из кухни, – призналась Натали, взглянув на газетную статью на экране.

Заголовок, выделенный большими буквами, гласил: «Лучшие уходят первыми. Автокатастрофа в Уиклоу». Ниже разместилась фотография Эндрю-Джеймса Линдена, скорее всего сделанная, когда он был в выпускном классе. Наклонившись, я всмотрелась в его лицо. Открытая, обаятельная улыбка. Ямочки на щеках. Озорные синие глаза с опущенными вниз уголками и задорные веснушки. Стриженные рыжеватые волосы торчат вверх в стиле панк.

– Не видела раньше этого снимка. – сказала я. – У мамы была всего пара папиных фото.

– Странно, почему так мало? Они ведь долго встречались, да?

– Три года. Со старших классов. – Я продолжала разглядывать юношу на экране, мечтая о несбыточном. – Мама не любила ни фотографировать, ни фотографироваться. А у твоих родителей есть снимки, на которых мои мама и папа вместе?

– Вроде нет.

– Сдается мне, они в любом случае оторвали бы от всех фотографий ту часть, где изображена мама.

– Да, пожалуй, – поразмыслив, кивнула Натали.

Меня приятно удивила ее прямота и искренность.

– А зачем ты читаешь старые статьи?

Натали откинулась на спинку стула.

– Всю жизнь я только и слышала, что Иден убила Эджея и это сошло ей с рук. А вчера стала свидетелем спора: папа доказывал, что это несчастный случай, мама – что убийство. Тогда-то я засомневалась и решила проверить. Я толком не знаю, что произошло в тот день: когда Эджей погиб, я была совсем маленькой. Спрашивать родителей не хотелось, поэтому я и пришла сюда. К сожалению, во всех статьях пишут одно и то же. – И Натали процитировала, пальцами изобразив

кавычки: – Обстоятельства аварии еще не выяснены, идет расследование.

Я пробежала взглядом статью. В солнечный, погожий день автомобиль съехал с проселочной дороги и врезался в дерево. Все свидетельствует о том, что машина двигалась с разрешенной скоростью. Пассажир, Эндрю-Джеймс Линден, погиб на месте. Водитель, Иден Кэллоу, находится в больнице в тяжелом состоянии. По предварительным данным в крови у нее не обнаружено ни алкоголя, ни наркотических веществ.

Я обратила внимание на одну интересную деталь: ехали они на папиной машине, но при этом за рулем почему-то была мама.

– А Иден действительно забыла все события того дня? – спросила Натали. – Моя мама твердит, что Иден просто придумала удобную отговорку.

– Да, забыла. Знала только то, что ей рассказывали другие. Ты не в курсе, почему в тот день она вела машину?

– Не в курсе. Но моя мама убеждена: Иден в припадке ярости намеренно врезалась в дерево, после того как Эджей сообщил, что расстается с ней и идет в колледж. Мол, хотела убить их обоих, но выжила.

Это мне и так известно от Джины.

– Мама предпочла бы в тот день погибнуть вместе с папой. Вполне вероятно, она бы гораздо раньше последовала за ним на тот свет, если бы не я. Мама больше жизни любила папу, а я была его продолжением, поэтому она оставалась со мной, пока я не стала самостоятельной.

Спохватившись, что чересчур разоткровенничалась, я торопливо подыскала себе оправдание: папину сестру эта история тоже касается.

Натали сжала мою руку.

– Она же не... не покончила с собой?

– Нет, но мама не пошла к врачу, несмотря на все признаки приближающегося инфаркта. Мне кажется, она устала жить со своим горем и просто сдалась. Мама уверяла, что никогда бы намеренно не навредила папе. Что они обожали друг друга и собирались пожениться. Она не помнила, как машина оказалась в кювете, однако не сомневалась, что это несчастный случай.

– А почему Иден сбежала из Уиклоу? Моя мама, например, считает, что ей было стыдно смотреть людям в глаза.

Ну и Сили! Раньше я даже вообразить не могла, что можно до такой степени презирать незнакомого человека.

– Она уехала из-за меня. Представь, что бы сделали твои родители, обнаружив, что мама беременна от Эджея?

Натали побледнела.

– Они бы попытались отобрать ребенка.

– Вот именно. У них были деньги, связи, влияние в обществе. На что только не пойдешь с отчаяния.

Натали устало вздохнула.

– Скажи, Анна-Кейт...

Я выжидательно посмотрела на нее.

– Ты тоже хотела почитать старые газеты? Зачем?

Потупившись, я потерла чернильное пятнышко на столе.

– Затем же, что и ты. Мне нужна информация. Каждый раз, когда мама говорила об аварии – а это случалось очень редко, – я...

– Что?

– Я чувствовала, что она рассказывает не все. По-моему, я имею право знать, что же произошло в тот день.

– Конечно, полное право. Итак, что предпримем?

– Может, прочитаем полицейский отчет?

– Давай. Но двадцать пять лет назад в полиции не было электронной базы. Думаешь, в отделении сохранились бумажные отчеты?

Я еще раз взглянула на экран, с которого мне улыбался совсем юный папа, и сердце сжалось от грусти.

– Не знаю. Но выясню.

– Простите, – обратился журналист к официантке, пробежавшей мимо столика.

– Да?

Журналист заметил в ее карих глазах притаившуюся грусть, говорящую о том, что девушка уже успела хлебнуть много горя.

– Я хотел бы задержаться в Уиклоу и посмотреть на черных дроздов. В мотеле свободных мест больше нет. Не подскажете, где еще можно остановиться на ночь?

– Некоторые горожане сдают комнаты, – ответила официантка. – Я сейчас поспрашиваю, сможет ли кто-нибудь из них вас принять, и вернусь.

– Спасибо, жду.

Натали

...шестьдесят шесть, шестьдесят семь. Я уставилась на пачку денег на столе. Сегодня помимо официального заработка в качестве чаевых я получила почти семьдесят долларов!

Неплохо для начала.

Я сунула пять долларов в копилку Олли, еще двадцать – в кошелек, а остальное – в металлическую коробочку, которую опустила в ящик для нижнего белья. Потом, сообразив, что там грабители будут искать в первую очередь, отнесла коробку в ванную и спрятала под раковиной среди шампуней, мыла и игрушек Олли. Так надежнее.

Я уже нашла подходящую съемную квартиру. Но чтобы туда переехать и вырваться из-под маминого неусыпного контроля, я должна как минимум внести четыреста долларов за первый месяц, столько же в качестве гарантийного залога плюс плату за коммунальные услуги. Значит, необходимо устроиться на постоянную работу.

Глубоко вдохнув, чтобы подавить подступающую панику, я сказала себе, что беспокоиться об этом рано. Пока моя задача – накопить побольше денег. Эта мысль так мне понравилась, что я вернула в коробочку двадцать долларов из кошелька, заменив их

десятидолларовой купюрой. Потом еще поразмыслила и остановилась на половине этой суммы.

Олли в наряде феи Динь-Динь, который бабушка купила ей специально для вечернего кинопоказа, сидела на коврике в гостиной и катала туда-сюда игрушечный самосвал, нагруженный кубиками. Несмотря на довольно позднее время, она выглядела свежей и бодрой.

Я наблюдала за игрой дочки и благодарила небеса за то, что с ней сегодня ничего не случилось. По маминым уверениям, в бассейне Олли сразу почувствовала себя как рыба в воде и после окончания занятий еще долго не хотела оттуда вылезать. Все это мама доложила мне с нескрываемым самодовольством. Аж противно. Из последних сил сдержавшись, чтобы не нарушить хрупкого перемирия – а точнее, его видимости, – я коротко поблагодарила маму за то, что та посидела с Олли.

Еще один глубокий вдох помог мне справиться с внезапным приступом тошноты и обуздать гнев. В конце концов, с Олли все хорошо. Она цела и невредима. Продолжает радоваться жизни. Все в порядке.

Но сколько времени еще должно пройти, чтобы я смогла спокойно относиться к ее занятиям плаванием? Чтобы меня перестал охватывать ужас всякий раз, когда Олли приближается к воде? Кажется, и вечности будет мало...

Через окно я увидела, что к нашему домику направляется папа, и внезапно засомневалась, стоит ли мне идти с ними на «Питера Пэна». Гораздо проще остаться дома, чтобы не выслушивать соболезнования и бесконечные расспросы соседей, не терпеть мамину холодность.

Я открыла дверь, не дожидаясь, пока папа постучит. Он зашел, сжимая в руках пластиковый пакет.

– Что это? – Я заглянула внутрь.

– Сигнализация на окна. Я подумал, что тебе так будет спокойнее.

Папа наклонился и распахнул объятия: к нему уже бежала Олли с криком:

– Дека!

Это было сокращение от «дедушки». Как выяснилось, малыши постоянно изобретают собственные слова.

– Ты моя красавица! – Папа расправил ее подол в виде свисающих листьев. – У меня для тебя кое-что есть. Держи!

Он вытащил из кармана и протянул ей старый игрушечный трактор ручной работы. Зеленая краска кое-где потрескалась и облупилась.

Олли просияла.

– Тлактол!

– Мне купили его, когда я был маленьким. Потом я передал его твоему дяде, Эджею. Теперь пришла пора подарить трактор тому, кто будет любить его так же сильно, как мы.

Олли с радостным воодушевлением высыпала из кузова самосвала все кубики и, водрузив на их место трактор, начала возить машинку по полу.

Меня переполняли признательность и умиление. Вот поэтому-то я и приехала в Уиклоу. Чтобы у Олли были бабушка и дедушка. Если бы мы сейчас жили в Монтгомери, старый трактор так и пылился бы на полке в спальне Эджея. Но мы вернулись, и теперь мои отец и брат займут уголок в сердце Олли. Ради этого я готова терпеть мамин произвол и наши вечные размолвки.

– Спасибо, – поблагодарила я, сдерживая дрожь в голосе. – Олли уже его любит. Посмотри.

Папа качнулся с пятки на носок – верный признак, что он хочет, но не решается о чем-то заговорить. Я выжидающе молчала, и он наконец произнес:

– Ходят слухи, ты сегодня немного поработала официанткой?

– Не сказала бы, что немного. В кафе было полно народу. – Чтобы сохранить самообладание, я стала перебирать разложенные на столе образцы тканей. Заранее их вытщила, надеясь смастерить повязку для Линди-Лу, как только уложу Олли. – Значит, мама тоже в курсе?

– Она получила три электронных письма, шесть звонков и букет. И все это еще до одиннадцати утра.

Вот за что я не люблю маленькие города.

– Мне мама ни словом об этом не обмолвилась, когда привела Олли.

– Разве это плохо? – резонно возразил папа. Я промолчала, и он добавил: – Зачем ты пошла в кафе, Натали? Ты же знала, как мама к этому отнесется.

Мне стало жарко.

– Чтобы купить пирог, но его не было. А осталась, потому что мне предложили место официантки. Работа для меня важнее, чем для мамы

– ее гордость.

Прошло то время, когда я действовала наперекор маме, лишь бы ей насолить. Сейчас ради того, чтобы в нашей семье воцарился мир, я готова поступиться многим. Но не всем.

– Если тебе нужны деньги...

– Мне нужно зарабатывать собственные деньги.

– Ясно, – помолчав, вздохнул папа. – А как же быть с Олли?

– Фейлин Уиггинс обещала присматривать за ней несколько раз в неделю. – И я очень ценю ее помощь. Мы долго спорили об оплате: Фейлин упорно от нее отказывалась. В конце концов мне удалось убедить соседку принять небольшое вознаграждение. Правда, она взяла с меня гораздо меньше, чем няни или детские сады, и все-таки я теперь не переживаю, что села ей на голову. – Фейлин в эти же дни присматривает за своей внучкой, так что Олли будет с кем поиграть.

– Ты же понимаешь, что можешь попросить маму приглядеть за Олли?

Я упрямо сложила руки на груди. Да, могу. И, наверное, даже должна. Но не хочу. Очень просто. Или, наоборот, сложно. Не желая обсуждать свое решение с папой, я сменила тему:

– Кому только в голову взбрело отослать маме цветы? Боже мой, какая глупость!

Папа улыбнулся.

– К ним еще была приложена карточка с изъяснениями соблезнования.

– Шутишь?

– К сожалению, нет.

Я залилась хохотом: это был единственный способ не сойти с ума.

– Я действительно не пыталась нарочно обидеть маму. Не вижу ничего плохого в том, чтобы устроиться в кафе или познакомиться с Анной-Кейт поближе. Она – член семьи. Вражда между нами и родом Кэллоу слишком затянулась.

Олли, что-то щебеча, провела трактором по нашим ногам и по кофейному столику, явно не замечая разгорающейся ссоры. Вот бы и мне стать такой же веселой и беззаботной...

В этот раз папа прекратил спор первым.

– Значит, ты собиралась купить пирог? Пирог «Черный дрозд»?

– Да, собиралась, – подтвердила я. Мой голос прозвучал вызывающе. – И незачем раздувать из этого проблему!

– А кто, по-твоему, раздувает проблему? – переняв мой тон, парировал папа.

Олли увлеченно катала трактор по спинке дивана. Я из последних сил сохраняла спокойствие.

Папа снова начал покачиваться с пятки на носок.

– Кстати, я сегодня разговаривал с коллегой из Форт-Пейна. Если хочешь, он примет тебя в четверг. У него как раз есть окошко.

Я насторожилась.

– С каким коллегой?

– Он врач...

– Что за врач?

– Психотерапевт. Поможет тебе справиться с депрессией.

Сложив руки в молитвенном жесте, я попросила Бога послать мне терпения.

– Я уже проходила курс.

– Может, стоит пройти еще раз, – спокойно возразил папа. – Ты сама говоришь, что тебя все еще мучают ночные кошмары. И я слышал, утром у тебя случилась паническая атака.

– Как много ты успел услышать! Кто тебе сказал? – Надеюсь, ему хотя бы не прислали цветы, как маме.

– Какая разница? Правда, что ты сегодня буквально висела на фонарном столбе, белая как мел?

Смутившись, я почувствовала, что краснею.

– Ну, висела – это уж слишком. Я просто к нему прислонилась.

– Когда у тебя возобновились панические атаки?

Я пожала плечами, не желая признаваться, что они и не прекращались.

Папа посмотрел мне в глаза.

– К тому же не надо забывать о вашей с мамой вчерашней ссоре...

– ...которая произошла из-за маминой привычки всеми командовать. Моя депрессия тут ни при чем.

– Ой ли?

– Только я могу решать, заниматься дочке плаванием или нет. Я, и никто другой!

– Согласен, – кивнул папа.

– Тогда почему ты не поддержал меня вчера, когда мы с мамой пререкались?

– Потому что Олли будет лучше, если она научится плавать.

Я в замешательстве уставилась на папу.

– Я совсем запуталась. На чьей ты стороне?

– Я не хочу вставать на чью-то сторону. Просто пытаюсь помочь.

– Но у тебя не получается, – тихо, чтобы не напугать Олли, процедила я.

Однако дочка не чувствовала возникшего между нами напряжения. Она закончила строить башенку из кубиков и сразу же сбила ее трактором.

– Разве не очевидно, Натали? Ты просто боишься сделать правильный выбор, поступить так, как будет лучше для твоей малышки. Ведь ты и сама знаешь, что Олли должна научиться плавать, но страх лишил тебя способности здраво рассуждать.

В глубине души я понимала, что папа прав. Его слова больно ранили меня, будто ржавый зазубренный нож. Я отвернулась и постаралась взять себя в руки. Давно обещала себе больше не плакать. От рыданий только хуже: я начинаю захлебываться и задыхаться, словно тоже тону.

– В той ссоре виноваты не вы с мамой, а несчастный случай, который забрал у тебя любимого человека. Думаю, тебе надо с кем-нибудь об этом поговорить, на этот раз более обстоятельно.

Он протянул визитную карточку. Помедлив, я взяла ее. В глазах все расплывалось от слез.

– Горе порой меняет людей так, что они себя не узнают, становятся сами себе противны. Нельзя, чтобы это случилось с тобой. Или с Олли.

Похоже не только на совет, но и на объяснение. После смерти Эджея мама замкнулась в себе, стала совершенно другим человеком. Она справлялась со своим горем самостоятельно, в одиночку. А вдруг, если бы она обратилась к психотерапевту, жизнь сложилась бы иначе? Или, потеряв ребенка, остаться прежним в любом случае невозможно?

Папа ободряюще сжал мое плечо.

– Нельзя исцелиться с помощью пирога, Натали. Ты сама должна восстановить покой в душе. Пожалуйста, запишись на консультацию.

Я молча кивнула, не в силах заговорить. Обязательно запишусь.

– Мы выходим через пять минут. Натали, ты с нами?

Если отказываться идти с ними в кино, то сейчас самое время. Однако, хотя очень хотелось остаться дома, мудрые папины слова заставили меня задуматься. Как будет лучше для Олли? Я взглянула на свою маленькую фею Динь-Динь, которая крепко сжимала в ручонках старый трактор, как будто это – величайшая на свете драгоценность. Может, так оно и есть.

Я стиснула в кулаке визитку и, прокашлявшись, выдавила:

– Мне надо собрать кое-какие вещи. Буквально пару минут. Вы с мамой пока идите, мы с Олли вас догоним.

– Мы тебя подождем, Натали, – тихо возразил папа, направляясь к двери. – Всегда ждали и всегда будем ждать.

Анна-Кейт

В субботу около полуночи я пила горячий чай и пыталась справиться с беспокойством.

Вчера мистер Бойд упомянул, что весть о черных дроздах разнеслась по всему югу Америки, и теперь многие орнитологи, профессионалы и любители, собираются в Уиклоу, чтобы собственными глазами увидеть этих редких птиц. На всякий случай я испекла побольше пирогов «Черный дрозд» – всего двенадцать штук, с четырьмя видами начинок, и распродала их всех еще до полудня: орнитологи действительно прибыли с утра в город и нагрязнули в кафе.

Все эти пироги были с секретом: в каждый я добавила чайную ложку сиропа из шелковицы. Сам по себе он совершенно отвратительный, но в пироге почти не ощущается. Если не знать, что он там, ни за что не догадаешься. Однако я, в отличие от остальных, чувствую вкус шелковицы так явственно, словно все мои рецепторы настроены исключительно на него.

Надеюсь, ложки сиропа хватит, чтобы черные дрозды запели. Что-то мне подсказывает, что в пирог надо класть полностью созревшие ягоды, хотя я по-прежнему не понимаю, как бабушка умудрялась использовать их круглый год. Но пока придется обойтись без них.

А годится сироп для пирогов или нет, узнаю сегодня в полночь.

Под окнами в напряженном ожидании столпились любители птиц, сосредоточенные и непривычно молчаливые. Похоже, нервничают не

меньше моего.

На месте не сиделось. Руки так и чесались что-нибудь испечь – не важно, что именно. Но я и так уже сделала на завтра двенадцать пирогов с разными начинками: из яблок, персиков, ревеня и ежевики. Они красовались в витрине, радуя глаз аппетитной румяной корочкой. К тому же не хотелось устраивать в кухне беспорядок. Поэтому вместо готовки я вымыла чашку, пропылесосила коврики, в третий раз проверила, вся ли кухонная техника работает, и убедилась, что туалеты сверкают чистотой.

Наконец, когда я совсем измучилась от ожидания, часы пробили полночь. Я погасила свет по всему дому, оставив включенными фонари, тускло освещавшие сад, и раскрыла дверь из проволочной сетки.

В теплом, влажном воздухе ощущалось легкое дуновение ветра. Сверчки, кузнечики и лягушки надрывались, будто соревнуясь, кто кого перекричит, а светлячки мерцали в темноте, словно волшебные звездочки.

Вдруг ветерок стих. Из магического портала среди листьев один за другим вылетели черные дрозды. Сегодня они не торопились рассестись на шелковицах. Птицы парили над садом, кружа в особом, понятном лишь им танце.

Но вот они разместились на ветвях. Все звуки смолкли, сияние светлячков потускнело. Черные дрозды начали петь.

Казалось, время замерло. Нежные, мелодичные трели без слов рассказывали о жизни: о любви и надежде, о печали и радости. Птичьи голоса поднимались и опускались, словно при разговоре, воскрешая во мне воспоминания. О том, как мы с мамой вместе мыли посуду и обсуждали планы на выходные. И о том, как шли с бабушкой, держась за руки, по лесной тропинке, а кругом витал свежий аромат травы и деревьев.

Я слушала неземное пение, и что-то сжималось в груди, а к горлу подступал комок. Впервые за долгое время в моей душе воцарился мир.

Когда черные дрозды замолчали, толпа разразилась громом аплодисментов. Я заперла дверь. Вытирая слезы, поднялась на второй этаж и еще долго не ложилась, надеясь, что те две птицы сегодня снова меня навестят. Но они так и не появились.

Тогда я забралась в постель и закрыла глаза, наслаждаясь чувством спокойствия и умиротворения. Лишь одно меня тревожило: тяжело

будет расстаться с чудесами Уиклоу и уехать...

На следующее утро я собирала в саду урожай. «Вижу, вы меня простили», – обратилась я к растущим у террасы кабачкам. Я сорвала один из плодов и полюбовалась его зеленым цветом, который в утренней туманной дымке казался гораздо более насыщенным, чем при свете дня. «Какой красавец! Ну, как мы тебя приготовим? Пожарим? Или запечем в омлете?» – призадумалась я. Мне нравились все варианты, кроме кабачкового хлеба.

Я больше не обижала кабачки, а, напротив, начала о них заботиться. Результат не заставил себя ждать. Всего за несколько дней растения ожили, утратив болезненный вид. Тут и там ярко выделялись их оранжевые цветки. Плоды были довольно маленькими, но я не сомневалась, что скоро они вырастут и нальются соком.

Я отправила в корзину кабачки, огурцы, макаронную тыкву, фасоль и ревень. До меня долетали голоса собравшихся орнитологов. Многие из них вчера спрашивали, можно ли поставить во дворике палатки и дома на колесах. Первое я разрешила, а второе – нет. Мой двор и без того напоминает табор. Зато Пибблз Лутс предложила любителям птиц всего за двадцать долларов в сутки использовать в качестве стоянки для автодомов ее лужайку, и там уже практически не осталось свободного места.

Я машинально выдернула несколько сорняков, отметив про себя, что нужно будет найти время и прополоть грядки. Зи, без сомнения, приходилось часами работать в саду, чтобы поддерживать в нем образцовый порядок. Потом я проверила, хорошо ли себя чувствуют помидоры и два одиноких ростка кукурузы, и остановилась рядом с тысячелистником.

Док Линден заходил утром в кафе и снова просил меня прийти в гости. Я отказалась. Тогда он обещал вернуться позже и пригласить меня на следующий семейный обед. Что ж, может зазывать хоть до посинения. Все равно не пойду.

Приблизившись к шелковицам, я с радостью отметила, что листья распрямились и позеленели. На некоторых из них еще оставались коричневые пятнышки, но, надеюсь, пение дроздов скоро сделает свое дело и деревья полностью поправятся.

Я сорвала несколько темных ягод для новой порции сиропа и, направившись к дому, увидела, что навстречу мне идет Саммер Павежо с корзинкой в руке.

– Доброе утро, мэ... Анна-Кейт.

– Привет, Саммер. Ты сегодня рано.

Девушка была одета в голубое платье под цвет глаз, оттеняющее ее загар. На длинных осветленных волосах сияли солнечные блики. Саммер подошла и остановилась, переминаясь с ноги на ногу. Казалось, ее так и тянет сбросить кожаные сандалии и побежать босиком.

– Предпочитаю по воскресеньям приходить пораньше, чтобы успеть на церковную службу.

– Разумно. Спасибо, что регулярно оставляешь на террасе яйца. Зайдем в дом, я с тобой расплачусь. Отрезать тебе пирога?

– Вы вернули пирогам их силу? – с надеждой спросила Саммер, следуя за мной в кухню.

– Думаю, да. – Но точно буду знать, только когда придет мистер Лейзенби. Он – мой подопытный. – Черные дрозды вновь начали петь.

Я поставила корзину на стол и проверила, не готова ли еще мазь от мозолей, которую я варила для Натали.

Саммер украдкой вытерла слезы.

– Тогда, мэ, отрежьте, если можно.

Пропустив обращение «мэм» мимо ушей, я оглянулась на витрину с пирогами.

– Смотря сколько кусков тебе надо.

Саммер, рассмеявшись, заозиралась по сторонам.

– А почему здесь пахнет цветами?

– Делаю мазь из календулы. – Я указала на тиховарку. – Это растение – его еще называют «ноготки» – хорошо помогает при повреждениях кожи, быстро залечивает ранки.

Календула вообще имеет много лекарственных свойств. Например, чай из нее очень полезен для пищеварения.

Саммер улыбнулась.

– Круто.

В этот момент взгляд Саммер упал на мою корзину. Девушка прищурилась.

– Вы же знаете, что шелковицы еще кислые? Они пока не созрели.

– Знаю. Я готовлю из них сироп и специально кладу побольше сахара.

– Все равно спелые ягоды подошли бы лучше, – очень вежливо, чтобы не обидеть, попыталась вразумить меня Саммер.

– Они поспеют не раньше, чем через неделю, а сироп нужен уже сейчас. – Надеюсь, что Саммер не спросит зачем (наверное, нельзя рассказывать про секретный ингредиент посторонним), я принялась доставать урожай из корзины.

– Для пирогов, да?

Я чуть не выронила кабачок.

– Как ты догадалась?

Саммер лукаво улыбнулась.

– Во-первых, в пирогах ощущается привкус шелковиц. А во-вторых, последние несколько лет я помогала Зи собирать и перерабатывать ягоды. – Она страдальчески поморщилась. – И вытаскивать плодоножки. Это ужас какой-то!

– Погоди. Перерабатывать?

– Ну да, на пару. У Зи хранится годовой запас шелковиц в баночках. Они очень симпатичные – баночки, я имею в виду, – но возни с ягодами много. Странно, что вы используете не их, а этот ваш сироп. – Последнее слово она произнесла с таким брезгливым выражением, будто речь шла о чем-то гадком и совсем несъедобном.

– Тут нет никаких баночек с шелковицами. Я везде искала. И Лук с Джиной их не видели.

– О господи! Извините, я не подумала... Зи считала, что шелковицы – самое ценное, что есть в кафе, поэтому на всякий случай никому про них не говорила и прятала баночки. Я должна была вам рассказать, раз вы теперь печете пироги. Пойдемте, я покажу, где хранятся шелковицы.

Интересно, почему Зи поделилась этой информацией только с Саммер, а с Джиной и Луком – нет? Ведь другую свою тайну – наличие внучки – она поведала всем троим.

Саммер привела меня в кладовую и плотно закрыла за нами дверь, загадочно пояснив:

– На всякий случай.

Я терялась в догадках. Ведь шелковиц здесь нет, я проверяла.

– Посторонитесь, Анна-Кейт. – Саммер приблизилась к шкафу, украшенному резьбой.

Отступив, я встала у нее за спиной.

– Тут ничего нет, я везде смотре...

Слова замерли у меня на языке. Стоило Саммер нажать на выступающий завиток отделки, как шкаф сдвинулся, открывая проход в еще одно, темное, помещение.

У меня отвисла челюсть.

– Потайная комната?!

– Да, мэ. – Саммер перешагнула порог и, щелкнув выключателем, зажгла люстру. – Я зову ее комнатой Гарри Поттера.

Ясно, почему Саммер так ее называет. Судя по наклонному потолку, мы находимся под лестницей. Именно в таком месте жил Гарри Поттер. Улыбнувшись, я огляделась по сторонам. В углу притулился высоченный, узкий холодильник. Вдоль стен тянулись стеллажи со множеством маленьких баночек. Казалось, их здесь целая тысяча. Или даже больше. Те, которые стояли на самых дальних полках, были пустыми, зато все остальные наполнены чем-то похожим на варенье.

Я взяла одну из баночек и поднесла к свету.

– Зи разминала шелковицу и заливала ее сахарным сиропом, – пояснила Саммер, пока я изучала бабушкин склад. – В каждой банке уместаются по две столовые ложки.

От внезапного осознания, сколько же любви собрано в этой комнате, на глаза навернулись слезы.

– Каждый год Зи заготавливала около пятисот банок, по одной на шесть пирогов. Ваша бабушка добавляла в пирог по чайной ложке. Мне казалось, маловато, но Зи уверяла, что этого более чем достаточно.

Я прижала баночку к груди.

– Саммер, я даже не могу выразить, как много это для меня значит!

– Простите, что не показала вам эту комнату раньше.

– Лучше поздно, чем никогда, – заявила я, ставя баночку на место. – Наверное, нам пора, а то скоро придут Лук и Джина.

Сегодня же вечером я вернусь и наконец-то испеку пироги «Черный дрозд» так же, как бабушка.

Саммер быстро объяснила мне, как открывать и закрывать потайную дверь, и мы заранее договорились, что она за дополнительную плату поможет мне со сбором и переработкой шелковиц.

Я отрезала Саммер кусок пирога, когда в кафе вошли Лук и Джина.

– Саммер! Я тебя уже сто лет не видел. Где ты пропадала? – любопытствовал Лук.

Он сдернул с вешалки фартук и надел его через голову. При этом пряди волос слегка сдвинулись, приоткрыв левое ухо, и я заметила на нем небольшой шрам.

– Нигде я не пропадала, – отворачиваясь, пробормотала девушка.

Я упаковала кусок пирога в коробку, удивляясь странной реакции Саммер.

Джина склонила голову набок.

– Это же не из-за Натали, правда? – Ее мелодичный голос прозвучал еще ласковее и напевнее.

Саммер взглянула на дверь.

– Мне нужно идти...

– Ох, милочка, Натали – это просто Натали. Дай ей шанс.

– Не понимаю... – Я протянула Саммер коробку. – Тебе не нравится Натали?

– Да нет, – ответила Саммер. – Я с ней даже толком не знакома.

– Не одна ты не ладишь с Линденами, Анна-Кейт, – вмешалась

Джина.

Я повернулась к Саммер.

– Они тебя обидели?

– Меня? Нет. Моего папу...

– Сили не нравился Обин, – пояснила Джина.

Я разозлилась.

– Ей вообще хоть кто-нибудь нравится?

– Да, но таких очень мало, – улыбнулась Джина. – Саммер, лапонька, Натали – это совсем не то, что ее мама.

Пожав плечами, Саммер отвела глаза.

– Похоже, многие здесь годами живут с болью в сердце, – вздохнул Лук, включая духовки. – Может, настало время забыть о прошлом и излечиться?

– И то верно, – подхватила Джина.

Я скрестила руки на груди.

– Легко сказать.

Саммер согласно закивала. Джина погладила меня по щеке.

– Пойми, солнышко: с грузом в душе невозможно взлететь.

Я направилась за кошельком, чтобы расплатиться с Саммер за ежевику и яйца. Слова Джины все еще звучали у меня в ушах.

Когда я протянула Саммер деньги, та воспротивилась:

– Тут слишком много, Анна-Кейт.

– Все нет. Ты принесла целую гору ежевики. Да еще и яйца. Так что даже не спорь.

Саммер сжала губы, а затем улыбнулась.

– Спасибо. Отложу их на учебу в колледже.

– В колледже! – ахнула Джина. – Не знала, что ты уезжаешь. Куда направляешься? Когда?

– В Алабаму, – застенчиво откликнулась Саммер. – В августе.

Вскинув кулак, Лук процитировал кричалку фанатов баскетбольной команды Алабамского университета:

– Вперед, «Тайд»!

– Это же замечательно! – Джина сияла. – Ты просто молодец! Папа, наверное, вне себя от счастья!

– Он мной гордится, – призналась Саммер.

– Что будешь изучать? – поинтересовалась Джина.

– Пока не решила. Экологию или лесоводство. Хочу работать на природе. Не представляю, как можно целыми днями томиться в офисе.

Я вспомнила, как выглядела Саммер при нашей первой встрече: запыленные босые ноги, перепачканные ежевичным соком пальцы. Да, работа на природе, несомненно, ей по душе.

– Специализацию надо будет выбирать на втором курсе, так что еще успею определиться, – добавила Саммер.

Лук вытер руки полотенцем.

– Если понадобится помощь при переезде, сразу дай знать.

– Обязательно. Спасибо.

Она попрощалась с нами и направилась было к двери, но вдруг остановилась и повернулась к нам.

– Совсем забыла, Анна-Кейт. Вот, это от папы. – Она протянула мне какой-то конверт, на котором неразборчивым почерком было нацарапано мое имя.

– А что там? – удивилась я.

– Папа не говорил. Только просил вам его передать. Всем до свидания!

Саммер выпорхнула на террасу. Дверь за ней с лязгом захлопнулась.

– Надо починить дверь, чтобы не громыхала, – пробормотал Лук, приближаясь ко мне.

– Вот и почини, – поддакнула Джина, придвигаясь с другой стороны. – Что Обин пишет, Анна-Кейт?

Я рассмеялась. Очевидно, супруги Бартелеми сгорают от любопытства.

– Сейчас узнаем.

Я раскрыла конверт. Внутри оказалась сложенная втрое бумажка. Не представляя, что бы это могло быть, развернула ее и сразу же преисполнилась благодарности к Обину за такой чудесный подарок.

На листке, под надписью «Хочу немножко подсластить твою жизнь, Анна-Кейт. Обин», был тщательно расписан рецепт сладкого ежевичного чая.

Я быстро пробежала его взглядом, внимательно отмечая каждый ингредиент. В это время послышался громкий стук. Я подняла голову и, увидев за окном мистера Лейзенби, глубоко вздохнула.

Джина хихикнула.

– Анна-Кейт, думаю, это к тебе.

Я постаралась определить по выражению лица мистера Лейзенби, получил ли он во сне послание от покойной жены. В его глазах блестели слезы. Сердце упало. Подбежав, я распахнула дверь.

– Ну что?

Мистер Лейзенби опустил голову и вдруг, шагнув вперед, сжал меня в объятиях.

– Все отлично, получил! Спасибо, мисс Анна-Кейт!

И неожиданно для себя я обняла его в ответ.

- Вы живете где-то поблизости?
 - Да, в горах. У меня домик на холме Крик-Хилл.
 - Там, наверное, очень живописно. Самое то для фотографа, – заметил журналист, что-то черкнув в блокноте.
 - Это точно. – Кэм поправил ремень висящей на шее фотокамеры.
 - Вам удалось сделать снимки черных дроздов?
 - Удалось, хотя недостаточно четкие. – Кэм показал журналисту на экране фотоаппарата полученные кадры.
 - Да, изображения темные и расплывчатые, – кивнул тот. – Это потому, что снимали ночью?
- Кэм погасил экран и задумчиво взглянул в окно, на растущие рядом шелковицы.
- Сомневаюсь.

Натали

«Нужно отменить консультацию», – выдохнула я себе под нос, торопясь из гостевого домика к припаркованной у дороги машине.

Ну и денек!

Точнее, даже не денек, а неделька.

Мама дуется на меня, во-первых, из-за того, что я не попросила ее посидеть с Олли, а во-вторых, из-за моей работы в кафе «Черный дрозд», и держится подчеркнуто холодно и отстраненно.

Каждый день кафе посещают все больше клиентов из числа любителей птиц. Я-то думала, интерес к черным дроздам скоро иссякнет, но, похоже, он только возрастает.

Я уже начала нервничать из-за завтрашнего дочкиного занятия в бассейне, тщетно пытаюсь избавиться от всплывающих в воображении жутких картин: Олли уходит под воду и не выныривает.

К тому же меня пугает предстоящая встреча с психотерапевтом в Форт-Пейне. За последние дни я неоднократно порывалась ее отменить и сейчас об этом подумываю. При мысли о том, что придется разговаривать о Мэтте, меня охватывают чувства, которые я пыталась

искоренить, спрятать в глубине души, что очень упростило бы жизнь. На этой неделе мне несколько раз пришлось бороться с паническими атаками, и я была совершенно вымотана.

Если бы не папа, возможно, я уже получила бы ответы на мучающие меня вопросы и наконец успокоилась.

Нельзя исцелиться с помощью пирога, Натали. Ты сама должна восстановить покой в душе.

Я привыкла расстраивать маму, но с папой так поступить не могла. Если психотерапевт поможет мне стать лучшей матерью для Олли, я готова ходить на консультации. Не допущу, чтобы паническая атака однажды случилась на глазах у дочери. Хорошо, что пока удается этого избежать. Как ни грустно признавать, мне действительно нужна помощь специалиста.

Маленькая коричневая птичка, которую я очень часто вижу в последнее время, села на забор и принялась преспокойно чистить перышки под травмированным крылом. Мое присутствие ее нисколько не смущало. Над глазами у нее две темные изогнутые полосы, напоминающие подведенные брови. Я представила, как птица наносит макияж, и мое настроение неожиданно улучшилось.

Вдоль дорожки росли кусты калины, от нежных розовых цветов исходил сладостный аромат – куда приятнее, чем запахи бекона, кофе, печенья и куриного стейка, которые пропитывают одежду и преследуют меня даже дома.

Чтобы избавиться от них, перед поездкой к психотерапевту я потратила несколько драгоценных минут на душ. Времени на укладку не оставалось, поэтому я просто расчесала волосы и переделалась в легкую длинную юбку и блузку без рукавов. Выбрала самые удобные сандалии, которые точно не станут травмировать мозоль. Она еще не успела полностью зажить, хотя мазь Анны-Кейт творит чудеса.

Как я ни торопилась, приводя себя в порядок, все равно уже опаздывала. Поскольку в Уиклоу все находится в пешей доступности, я на месяц забросила свой крошечный белый хетчбэк. Безусловно, это не могло на нем не отразиться. Автомобиль был покрыт слоем грязи и пыльцы. Прошедший недавно дождь перемешал их, превратив в картину в стиле импрессионизма. Глушитель окончательно отвалился. В баке почти не осталось бензина, а из-под бампера капало моторное масло. Нагнувшись, я обнаружила, что кто-то – вероятно, папа –

специально подставил пластиковый контейнер, чтобы масло не растекалось под машиной.

Папа всегда исправлял мои оплошности.

Я решила, что не буду даже пытаться приладить глушитель: некогда возиться. По дороге заеду на АЗС. Заправлюсь и попрошу кого-нибудь залить масло в двигатель.

Все будет в порядке.

В полном порядке.

Волноваться совершенно не о чем.

Закрыв лицо ладонями, я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться, и – боже мой! – опять почувствовала запах копченого бекона.

– Не отменяй встречу, Натали, – раздалось где-то рядом.

Я завертела головой, пристально всматриваясь в те места, где возможно было бы спрятаться. Однако меня окружали только птицы и пчелы.

По коже побежали мурашки. Я вдруг поняла, что именно этот голос разбудил меня на прошлой неделе.

Твой отец умирает.

Я пыталась забыть о тех словах, списав их на кошмарный сон. И вот опять... Что происходит? Может, я перегрелась и вижу галлюцинации? Сейчас и впрямь жарко и душно.

Настороженно обернулась. Никого. А вдруг это заговорила моя совесть? В таком случае непонятно, действительно ли папа болен.

Я устала на дом родителей. В воскресенье во время семейного обеда я не сводила глаз с папы, пытаюсь определить, здоров он или нет. На первый взгляд казался вполне бодрым. Из мелочей я отметила какой-то странный цвет лица. Возможно, папа просто обгорел на солнце, пока играл в гольф. Или есть иная причина?

Внимательно наблюдая за ним, я заметила и другие тревожные симптомы. Папа очень мало ел: клал себе крошечные порции и потом почти к ним не притрагивался. А еще мне почудилось, что он с трудом поднимает Олли на руки, словно ему больно.

На мои расспросы папа ответил, что получил небольшую травму во время гольфа, а аппетит потерял из-за стресса. Может, это связано с приездом Анны-Кейт? Или с чем-то еще?..

– Иди уже! – зазвенело мелодичное сопрано.

На этот раз звук шел со стороны забора. Но там тоже никого не было! Только кусты и эта чистюля-птичка.

– Да иду! – Я раздраженно вытащила ключи от машины. Очень надеюсь, что она заведется.

Похоже, на несколько минут все-таки опоздаю. Ну ничего, так даже лучше. Сегодня с психотерапевтом можно просто познакомиться. Зайду, в двух словах опишу свои проблемы и уеду. В подробности углубляться не стану, не буду беречь старые раны.

Оставив дверцу открытой, чтобы разогнать нагретый, застоявшийся воздух, я уселась за руль. В салоне было так жарко и душно, что захотелось выскочить обратно. Кинув сумочку на соседнее сиденье, я, потянувшись, открыла с другой стороны окно, желая ускорить проветривание. Сейчас я бы обрадовалась даже урагану. Стекло застряло на полпути, но у меня не было времени с ним воевать.

Чувствуя, как на лбу выступают капельки пота, я вставила ключ в замок зажигания. Ну, давай же, заводись! Ну пожалуйста!

Мотор закашлял, словно астматик в парфюмерном отделе, но не заработал. Глубоко вздохнув, я попробовала еще раз, легонько надавив при этом на педаль газа. Вдруг поможет?

К сожалению, ничего не изменилось. Разве что завоняло бензином.

Досчитав до пяти, я снова повернула ключ. Двигатель чихнул и заглох, а к бензину присоединился запах горелого масла. Чертыхаясь, я вытащила ключ. Не хочу, чтобы машина погибла в огне. Она, может, и достойна такой кары, но еще мне нужна.

После смерти Мэтта банк отобрал наши автомобили, куда более дорогие и современные, за долги. Я с трудом насобираала деньги на покупку старенького, подержанного хетчбэка. Это оказалась совсем простая модель, без радио, электрического стеклоподъемника и других наворотов. Рычаг переключения скоростей постоянно застревал, а педаль сцепления ужасно скрипела. Зато машина была моей собственной.

Я открыла капот и пошла выяснять, в чем дело, хотя ничего в этом не смыслю. Мама схватилась бы за сердце, если бы увидела, чем я занимаюсь. Представляю, что бы она сейчас сказала: пытаюсь самостоятельно чинить автомобили, люди отнимают хлеб у автомехаников. Мол, разве ты готова заставить их детишек голодать? И вообще, ты же вся перепачкаешься!

Не знаю, что я ожидала увидеть под капотом, но точно не это: на аккумуляторе лежало наспех свитое гнездо, а в нем – пятнистое яичко, напоминающее небольшой камушек.

Даже если бы мотор завелся, у меня бы рука не поднялась убрать это гнездышко, пока птенец не вылупится и не улетит. Значит, машина никуда не едет. И я, получается, тоже.

Я закрыла глаза в ожидании, что скажет обладательница напевного голоса, раз уж она так раскомандовалась, но вместо этого услышала собачий лай.

Я огляделась. Прямо ко мне, истошно вопя, неся темно-серый кот, а за ним, громко гавкая, гнался – я прищурилась – Ривер, пес Кэма Колбо.

– Ривер! Стой! К ноге! – Я шагнула к нему и попыталась поймать за ошейник, но пес увернулся.

Кот юркнул под бампер и, прижав уши, зашипел. Этого бездомного котяру я тоже узнала. Он уже давно живет в Уиклоу.

Ривер на брюхе пополз за ним, как будто преодолевая полосу препятствий.

– Нет-нет, к ноге! – Я заглянула под машину.

Не переставая орать, пес и кот выбежали с другой стороны и стали носиться вокруг автомобиля. Слава богу, хоть контейнер с маслом не перевернули.

В этой сводящей с ума какофонии я едва различила шуршание шин: на подъездную дорожку к дому зарулил пикап. Оттуда вылез Кэм и кинулся к собаке.

– Ривер! Сидеть!

Взвившись в воздух, кот запрыгнул на водительское кресло. Я торопливо захлопнула за ним дверцу. Ривер оперся передними лапами о машину и начал отчаянно облаивать его через стекло. Почувствовав себя в безопасности, кот самодовольно глядел на Ривера, выставив уши торчком. Я заметила на одном из них рваный шрам. Видимо, коту и раньше приходилось иметь дело с собаками. Склонив голову набок, он принялся преспокойно умываться.

Я схватила Ривера за ошейник, а Кэм пристегнул поводок.

– Сидеть, малыш.

Ривер укоризненно посмотрел на хозяина и очень медленно, нехотя уселся у его ног.

– И что это было? – поинтересовался Кэм.

Ривер, тяжело дыша, высунул язык и завилял хвостом. Кэм повернулся ко мне.

– Мы ехали домой, и Ривер вдруг выскочил из окна пикапа. Не знаю, что на него нашло. Он раньше так не делал.

– На него нашел кот. – Я указала в салон машины. Но виновника произошедшего там уже не было. – Наверное, удрал через окно с другой стороны, – оглядевшись, предположила я.

Почесав бороду, Кэм растерянно произнес:

– Ривер никогда не гонялся за кошками.

Я потрепала пса по голове.

– Уверена, кот сам его спровоцировал. Да, Ривер?

Кэм улыбнулся.

– Не оправдывай его. А то он решит, что кошек можно безнаказанно преследовать.

Я обратила внимание, что и голубая влагоотводящая рубашка Кэма, и его походные штаны были заляпаны грязью.

– Неполадки с машиной? – поинтересовался Кэм.

– Скорее, катастрофа.

Кэм заглянул под капот и присвистнул.

– Кажется, незваная гостья неплохо здесь обустроилась. И это меньшая из проблем.

– Не стоит винить птицу. Я целый месяц не страгивала машину с места.

– Так это твой автомобиль? – растерянно, с долей сочувствия уточнил Кэм.

Я подбоченилась.

– Да. А что?

– Ничего, я просто спросил, – быстро ответил он и вдруг, наклонившись, дотронулся до яйца. – Погоди-ка... так это же камень!

– Что?

– Обычный камень. – Он протянул мне «яйцо».

– Как он оказался в гнезде?

– Понятия не имею, но птичка здорово расстроится, когда птенец так и не вылупится. – Он положил камушек обратно. – В любом случае, если хетчбэк и поедет, то только на буксире.

Я вздохнула.

– Следовало заранее проверить, в каком он состоянии. Просто я раньше никуда не собиралась.

– А сегодня собираешься?

– У меня в Форт-Пейне запланирована встреча... Я и так опаздывала, а теперь, пока буду искать машину, точно никуда не успею.

– Давай я тебя подвезу.

– Что ты, не стоит!

– Почему нет? Не хочешь на встречу?

Пожалуй, он угадал.

– Ведь ты потеряешь весь день.

– Наоборот. У меня есть кое-какие дела в Форт-Пейне, которые я все время откладываю. Как раз за них возьмусь.

Я посмотрела ему в глаза. Хотелось вежливо отказаться, забрать Олли от Фейлин и провести тихий семейный вечер, но я чувствовала, что в моей душе притаилась тревога, готовая в любой момент вырваться наружу. И это заставило меня принять решение.

– Если так, хорошо. – Я подхватила сумочку. – Поеду и помогу тебе с делами.

Кэм рассмеялся. Через несколько минут мы уже были на пути в Форт-Пейн.

Пикап выглядел совсем новеньким и навороченным, особенно по сравнению с моей колымагой. При мысли об этом я улыбнулась.

Ривер сидел между мной и Кэмом, положив голову мне на колени, и пытался лизнуть мою руку. Так и знала, что он учует запах бекона!

– Куда едем? – спросил Кэм.

Я достала из сумки бумажку с адресом и, зачитав его вслух, пояснила:

– Это медицинское учреждение.

Он озабоченно обернулся ко мне:

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Физически – нет...

– Проходишь курс психотерапии?

– Во второй раз. Не хотела, но... – Я пожала плечами, сама удивляясь, почему так разоткровенничалась. Может, потому, что Кэм понимает, какой ужас мне довелось пережить. Другие об этом и не подозревают.

– Хуже в любом случае не будет. А лучше – может. Правильно?

– Ты тоже посещал психотерапевта?

– В армии нас обязывали. А потом сам решил продолжать сеансы.

– В армии?

– Извини, думал, ты в курсе. В городе об этом всем известно, хотя я о себе обычно не рассказываю.

– В маленьких городках быстро расходятся слухи, – с сочувствием вздохнула я.

– Я был бойцом спецназа. – Его глаза потемнели и затуманились. Ривер подвинулся к хозяину и ткнулся носом ему в бедро.

Следовало бы сменить тему, но меня разбирало любопытство. Как получилось, что Кэм из спецназовца переквалифицировался в фотографа?

– Ты долго служил?

– Семь лет. Три года назад уволился, – погладив Ривера, произнес Кэм бесстрастным, ничего не выражающим тоном, от которого у меня заныло в груди.

Не представляю, через что ему пришлось пройти, чтобы выжить и защитить страну.

– Жалеешь, что пошел в армию?

Не отрываясь от дороги, он помолчал, раздумывая над ответом.

– Не жалею, что бился за родину и прикрывал в боях своих товарищей. И все-таки эти годы принесли мне много потерь, включая друзей, которые погибли, и жену.

Я сама пережила горе и по опыту знала: никакие слова сочувствия Кэма не утешат. Впрочем, и не нужно ничего говорить. Достаточно просто быть рядом.

– Тут недалеко есть одна уютная скамеечка, и, если захочешь, я с радостью посижу там с тобой.

– Буду иметь в виду. Спасибо, Натали.

– Всегда пожалуйста, Кэм.

Какое-то время мы ехали молча. Ривер, привлеченный ароматом бекона, снова положил голову мне на колени, и комочки земли с его ушей осыпались мне на юбку.

– Вы с Ривером принимали грязевые ванны?

– Можно сказать и так. С утра отправились на озеро Мартин, чтобы пофотографировать орланов, и, как видишь, с головой ушли в работу. Да, дружок? – обратился он к псу.

При упоминании озера меня прошиб холодный пот. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота, а перед глазами встало распухшее лицо Мэтта. Я зажмурилась.

– Натали! Не задерживай дыхание, будет только хуже!

Я резко вдохнула и почувствовала у себя на спине твердую, сильную руку Кэма. По днищу машины застучали камешки: пикап замедлил ход и, свернув на обочину, остановился. Я услышала жужжание электрического стеклоподъемника. В лицо ударил теплый, влажный воздух.

Ривер, заскулив, легонько ткнул холодным носом в мою ногу.

– Дышим глубоко и спокойно. Медленнее. Вот так, хорошо. Вдох-выдох.

Я послушно засопела и откинулась на спинку кресла. Кэм круговыми движениями поглаживал меня по спине.

– Я когда-нибудь рассказывал, как однажды ночью мы с Джошем сбежали на вечеринку? Мне было шестнадцать, ему пятнадцать, и ребята в школе только и говорили, что о предстоящей гулянке. Туда собирались абсолютно все. Однако мама откуда-то прознала о намечающейся тусовке и запретила нам идти. Мы росли без отца, мама с нами не справлялась и обычно все нам позволяла, а в этот раз почему-то упорно стояла на своем.

Я открыла глаза. Кэм, придвинувшись поближе, озорно на меня поглядывал, продолжая водить рукой по моей спине.

– Мы, конечно же, твердо решили смыться. Мама всегда была ранней пташкой, вставала в пять утра и редко ложилась позже десяти. Спала как убитая, да еще и с берушами. Мы с Джошем были уверены, что дело в шляпе. В полночь за нами заехал приятель. Мы вылезли из окна гостевой спальни и отправились на вечеринку. Набралось уже больше сотни гостей. Но не успели мы пробыть там и пяти минут, как все пошло наперекосяк. Завязалась драка. Кто-то начал бить стекла. Приехала полиция, и все бросились врассыпную. Копы поймали приятеля, который нас подвозил, и нам пришлось улепетывать на своих двоих. После этого мы еще четыре часа пешком добирались домой.

Постепенно меня переставало мутить, и головная боль уменьшалась.

– Больше всего мы хотели нырнуть в постель и забыть о произошедшем, как о кошмарном сне. Черт, с этой вечеринкой было

столько проблем, а мы даже не попробовали пива!

Улыбнувшись, я погладила Ривера. Он расслабился, и уши, стоявшие торчком, опустились.

– Наконец мы подошли к дому. Но ни одно из окон не открывалось. Пока мы из кожи вон лезли, чтобы попасть внутрь, появилась полиция. Ее вызвал кто-то из соседей, увидев нас и посчитав, что мы воры.

Я снова улыбнулась. Кэм меня сильно заинтриговал.

– Я, случайно, тебе еще не рассказывал, чем все закончилось? – прервавшись, лукаво спросил Кэм. Его теплый, ласковый взгляд ободрял и успокаивал, словно крепкие объятия.

Я кашлянула.

– Ты прекрасно помнишь, что нет. Мы же познакомились только на прошлой неделе. Так что не томи.

Кэм пригладил бороду.

– Да, действительно. Просто такое ощущение, что мы знаем друг друга всю жизнь. О чем это я? Ах да. Полицейский не поверил, что мы с Джошем там живем, и стал стучать в дверь. Разумеется, никто не открыл – ведь маму из пушки пали – не разбудишь. Полицейский отвел нас в отделение, посадил в «обезьянник» и не дал даже позвонить. К полудню Джош ревел в три ручья: боялся, мама нас убьет, когда обнаружит, что мы здесь. А я искал путь к побегу.

Кэм убрал руку с моей спины, и мне сразу стало как-то неудобно, но я внушила себе, что это все ерунда. Посмотрев назад, Кэм вырулил на дорогу.

– И? – поторопила я. – Нашел?

– Целых три. Но они негодились, потому что появилась мама. Пока мы ждали освобождения, она не удостоила нас ни единым словом. Но прямо над нашими головами располагалось вентиляционное отверстие – кстати, путь номер один, – и мы прекрасно слышали весь разговор.

– Это она вызвала полицию, – заключила я.

– Эх, а я-то надеялся поразить тебя неожиданной развязкой. Как ты догадалась?

– Потому что, когда я была подростком, моя мама поступила точно так же, – усмехнулась я.

Кэм поднял брови.

– Никогда бы не подумал, что такая, как ты, может убежать из дома.

Вообще-то, выбор был невелик: бежать или задыхаться под маминым гнетом.

– Какая – такая?

Уголки его губ дрогнули.

– Ну, как бы получше выразиться? Вся из себя правильная. Наверняка за столом для каждого блюда используешь подходящую вилку. Скорее всего, состояла в университетском женском клубе – вероятно, в том же, что и твоя мать. У тебя куча шляпок, на одежде вышиты инициалы, и пусть ты не носишь жемчужных бус, готов поспорить, что где-то они у тебя заваялись. Ты послушная и уступчивая. Что называется, хорошая девочка. И когда ты сказала, что сбежала из дома через окно... Это равносильно признанию, что ты марсианка.

К моей досаде, Кэм во многом попал в точку. Даже насчет жемчужных бус он был прав. Я не носила их лишь потому, что не желала ни в чем походить на маму.

– Или я ошибаюсь? – спросил Кэм.

– Что я марсианка? Конечно, ошибаешься. Хотя иногда и впрямь чувствую себя так, словно прилетела с другой планеты. – Вот и сейчас тоже. – Если серьезно, раньше я действительно была хорошей, правильной девочкой. И может, в чем-то остаюсь. Сама толком не понимаю, что я теперь за человек. – Развивать эту тему не хотелось, поэтому я быстро закончила: – Скажем так, когда я была подростком, мы с мамой... не находили общий язык. В тот раз меня не забрали в полицию, но только благодаря папе. Он не позволил полицейским меня увезти, заявив, что я усвоила урок.

После папа обернул против мамы ее же оружие и целую неделю с ней не разговаривал.

– Правда усвоила?

– Нет. А ты?

– Да, мэм. Больше мы с Джошем никогда не убегали без разрешения. Но это еще не все.

– Не все?

– Видишь, ты подумала, что я рассказываю байку из детства, а на самом деле это история любви.

– Интересно! Продолжай.

Кэм заулыбался.

– На следующее утро полицейский явился вновь, чтобы проверить: вдруг мы с братом опять что-нибудь натворили. Стал захаживать к нам каждый день. Потом мама пригласила его на ужин. В конце концов они поженились и уже много лет счастливо живут в городе Ки-Уэст.

Я прижала руки к груди.

– Ах! И как часто ты напоминаешь маме, что если бы вы с Джошем не сбежали в ту ночь, то...

– Постоянно.

– Что ж, пожалуй, это лучшая история из всех, что я когда-либо слышала. Спасибо.

– На здоровье. – Кэм взглянул на меня. – Не хочешь поделиться, почему у тебя случился приступ паники?

Не хочу, но, наверное, должна. После того как Кэм мне помог, я обязана объяснить, что со мной происходит.

Отвернувшись к окну, я призналась:

– В озере Мартин утонул мой муж. В полиции постановили, что это несчастный случай, мол, начался шторм и его лодка перевернулась. Но...

– Но?

– Я в этом не уверена.

– Считаешь, его убили?

Я помолчала. В тишине отчетливо слышалось равномерное сопение уснувшего Ривера.

– Нет. Считаю, что он покончил с собой.

– Почему ты так думаешь?

Хорошо, что Кэм задал конкретный вопрос, а не стал пытаться меня разубедить или утешить. Логически объяснять свою точку зрения куда проще, чем заново переживать те события.

– Пока Мэтт не погиб, я пребывала в блаженном неведении, что мой муж – игрок. Он годами скрывал свое пристрастие, без конца врал. Ему это было несложно: он часто ездил в командировки и отсутствовал дома.

– Он играл в казино?

– В основном да. И в азартные игры в интернете. Завяз по уши. Заложил дом, и его уже собирались конфисковать. Я, конечно, ничего

об этом не знала. Мэтт спустил все наши сбережения, снял деньги с кредитных карточек, влез в долги. За неделю до гибели он потерял работу. Об этом я тоже понятия не имела. После его смерти чуть ли не ежедневно стали всплывать новые подробности. Я такая дура, что позволила Мэтту в одиночку вести все финансовые дела. Но так уж было принято в нашей семье.

И у родителей. И у бабушки с дедушкой. Больно от мысли, что я неосмотрительно переняла их привычки. Как же я это допустила? Ведь вполне могла разобраться с чековой книжкой, но... не удосужилась. С радостью отдала это на откуп мужу, а сама занялась домом и изо всех сил старалась забеременеть.

– Ты не дура, – возразил Кэм.

Я сложила руки на груди.

– Нельзя было полностью доверять Мэтту.

– Любовь без доверия – это не любовь, Натали. Разве у тебя были причины сомневаться в муже?

Едва не задохнувшись от нахлынувших чувств, я покачала головой.

– Он успел застраховать жизнь?

Помолчав, я кивнула.

– Да. Когда мы покупали дом, страховой агент порекомендовал нам оформить полис, и мы последовали его совету.

– Тебе выдали положенную сумму?

– К моему удивлению, да. Только на выплаты всех долгов ее все равно не хватило. Почти сразу после похорон у меня отобрали дом и машины. Я распродала все, что могла. Пришлось признать себя банкротом, чтобы выбраться из этой ямы.

Папа умолял меня вернуться домой, но я отказалась. Не хотела встречаться с мамой. Тогда он нашел для нас маленькую квартирку-студию. Мы с Олли переехали туда, и я принялась подыскивать какое-нибудь место, куда берут без опыта работы. И без диплома: за два года до окончания колледжа я забрала документы, чтобы выйти за Мэтта и заниматься хозяйством. Мама тогда всеми правдами и неправдами старалась не допустить нашей свадьбы. Постоянно твердила, что я совершаю ошибку. Что надо сначала окончить университет. Мол, нужно прежде всего думать о себе, а не о Мэтте. Тем более что мы с ним едва знакомы.

Но я была влюблена, и ничто не могло меня переубедить.

Я сбивчиво продолжила:

– Конечно, я должна принять произошедшее и просто жить своей жи...

– Почему он в тот день отправился на озеро?

Я обернулась на Кэма.

– А ты молодец. Мало кто этим интересуется. Предположительно он поехал на рыбалку.

– А раньше не ездил?

– Ездил, но не в одиночку, а с друзьями.

– Тебе не показалось, что в то утро или за день до этого он вел себя странно?

То утро я вспоминала миллионы раз.

– Была пятница. Только рассвело. Мэтт заявил, что собирается на озеро. Сказал, что любит меня, поцеловал Олли и вышел. – Голос дрогнул. Я прокашлялась. – Меня это удивило: обычно он рыбачил по выходным. Но муж объяснил, что взял отгул... А потом разыгрался шторм и лодка опрокинулась. После этого Мэтта не могли найти еще два дня. Пока его искали, знакомый, у которого Мэтт брал лодку, поведал, что мой муж всю ту неделю с утра приезжал на озеро и в одиночестве ловил рыбу. Об этом я тоже не подозревала. Он все время мне лгал.

– Конечно, азартные игры и долги могут подтолкнуть к самоубийству. Но, возможно, твой муж просто хотел побыть один. Поразмышлять, как тебе сообщить, что его уволили и что вы в долгах как в шелках. Лично мне легче искать решения проблем, когда я на природе. Если бы он во всем признался, что бы ты сделала?

Мы приближались к городу. Пейзаж сменился: теперь вместо деревьев нас окружали офисные здания.

– Я бы очень переживала, но вдвоем мы бы что-нибудь придумали. Я клялась быть с Мэттом в горе и в радости, и это для меня не пустые слова. Теперь я с ума схожу, гадая, самоубийство это или несчастный случай. Если узнаю, из-за чего Мэтт умер, то пойму, как он ко мне относился. Вдруг его заверения в любви были неправдой, раз он постоянно обманывал меня и притворялся, что у нас все в порядке? – Тяжело дыша, я сжала кулаки. – Вдруг весь наш брак был построен на лжи? Не могу отогнать эту мысль и поэтому... ужасно на него злюсь. Понимаю, что это плохо, но ничего не могу с собой поделать.

– Иногда люди лгут, чтобы защитить тех, кого любят, – заметил Кэм, останавливая пикап на светофоре.

– А иногда они лгут, чтобы защитить самих себя! – зло прищурившись, с вызовом бросила я.

Кэм засмеялся.

– Ты чего? Я-то здесь вообще ни при чем...

– Извини. – Я снова откинулась на спинку сиденья. – Как по мне, лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Кэм сжал мою ладонь.

– Я бы хотел помочь тебе отыскать ответы на все эти вопросы, Натали. Но самое главное, скажи: ты его любила?

Я вспомнила, как в первый раз взглянула в синие глаза Мэтта и весь мир словно озарился. А когда муж погиб, все кругом померкло.

– Всей душой.

Кэм заехал на парковку у клиники и, выпустив мою руку, поставил машину на стояночный тормоз.

– Неважно, что произошло на озере. Это все равно ничего не меняет.

– А по-моему, меняет.

– Вовсе нет, – настаивал Кэм. – Ты злишься не из-за сомнений в его любви, а потому что он ушел из жизни, бросив тебя одну. Ты исцелишься, только когда простишь мужа за то, что он оставил вас с Олли.

Кэм явно знал, о чем говорил. Его слова ранили меня в самое сердце. Как больно...

Глубоко вздохнув, я посмотрела на часы в приборной панели и ахнула:

– Надо бежать. Я уже опоздала!

– Я подожду несколько минут. На всякий случай.

Я так резко распахнула дверцу, что Ривер проснулся и поднял голову. Выпрыгнув из пикапа, влетела в здание, разыскала отделение психотерапии и ничуть не удивилась, когда в регистратуре мне объявили, что консультацию придется перенести. Заново записавшись на прием, вышла на улицу. Кэм и Ривер гуляли по газону, разделявшему стоянку на две части.

– Сказали прийти через неделю. – Я помахала выданным талоном.

Кэм приобнял меня за плечи.

– Очень жаль, что ты так и не попала к врачу.

Да, жаль. Зато рядом с Кэмом мне было хорошо и спокойно, и, взглянув на него, я задумалась: возможно, наш разговор по дороге сюда и есть лучший сеанс психотерапии.

К пятнице жизнь вошла в удобную, размеренную колею. По утрам я собирала в саду цветы, травы и овощи, а потом, до прихода Лука и Джины, угощала Гидеона кофе. Большую часть дня занимала работа в кафе: с семи утра до трех пополудни. Натали мне очень помогала. Конечно, ей не хватало опыта, зато она отличалась удивительным трудолюбием. К тому же с ней было на удивление легко и весело. Натали оказалась доброй и милой, чего я никак не ожидала от девушки из рода Линденов. В общем, она мне понравилась. Саммер, как я заметила, тоже подружилась с Натали, после того как Джина дала им обоим задание выдворить из кафе серого кота, который юркнул внутрь, пока Саммер выгружала яйца. Примечательно, что кроме Джины этого кота никто не видел.

Разыскивая самозванца, Натали и Саммер зашли в помещение для стирки и были вынуждены какое-то время провести там вдвоем, потому что за ними случайно захлопнулась дверь. Совпадение? Не думаю.

Когда их наконец выпустили, Саммер с Натали оживленно обсуждали винтажные узоры на фартуках. Джина улыбалась до ушей. Вот хитрюга!

После закрытия кафе я обычно пекла пироги, совершенствовала рецепты блюд и травяного чая, полола огород и болтала с орнитологами.

Поразительно, что сэр Птицелюб все еще оставался в Уиклоу. Он отлучился всего на день и вернулся в доме на колесах, который поставил на лужайке Пebbлз. Можно сказать, он стал кем-то вроде гида: Закарайа Бойд знал все о черных дроздах и для всякого, кто интересовался редкими птицами, проводил небольшую экскурсию. Поскольку поток туристов не иссякал, может, стоило принять мистера Бойда в штат сотрудников.

Теперь черные дрозды пели каждую ночь. Я специально не ложилась, чтобы их послушать. Совсем не высыпалась, но это неважно:

трели дроздов снимают любую усталость. Когда-нибудь я перестану непременно дожидаться их появления, но не сейчас.

Ранним вечером, поставив в духовки четыре пирога, я вышла в сад проведать шелковицы. Ягоды были уже почти черными. Еще несколько дней – и они полностью созреют. Тогда мы с Саммер расстелем под деревьями брезент и потрясем ветки, чтобы плоды осыпались.

Я принялась пропалывать грядку с кабачками, сортируя сорняки: одуванчики пригодятся на кухне, а росичка пусть отправляется в компост. Попутно я поведала кабачкам, что док Линден в который раз пригласил меня на семейный обед. Он завел привычку по утрам покупать у нас кофе на вынос. Глаза грустные, цвет лица нездоровый.

Внезапно сзади послышался шорох. Надеюсь, это не змея. Вообще-то я люблю животных, но не таких. Знаю, что многие из них безобидные, но на всякий случай обхожу змей стороной. За милую, а то и две.

Я обернулась, но, к счастью, никаких пресмыкающихся не обнаружила. В траве сидел темно-серый кот.

– Привет!

Я протянула ему руку, но тот не стал ее обнюхивать. Сейчас, вблизи, я различила у него несколько шрамов на голове и на задней левой лапе.

Кот выглядел вполне сытым, но я все равно предложила:

– Может, хочешь есть? Или пить?

Я встала, чтобы налить ему воды, но кот, дернув ухом, направился в дальний конец сада. Потом остановился и, оглянувшись на меня, сделал еще пару шагов.

Неужели опять хочет куда-то меня отвести? Интересно куда? Не думает же он, что я заблудилась в бабушкином саду?

Он немного прошел вперед и снова посмотрел на меня.

– Ладно, идем. – Я поставила корзину с сорняками на дорожку из гравия и последовала за ним.

Кот миновал шелковицы и, приблизившись к разделявшему бабушкин сад и владения Гидеона металлическому забору, грациозно запрыгнул на него. Подождал, желая убедиться, что я иду за ним, и, подняв хвост трубой, двинулся прямо по перекладине.

Я покосилась на кафе и орнитологов. Похоже, окончательно спятила.

В дальнем углу сада, за которым начинался лес, кот остановился. Нагнав его, я обнаружила калитку. Раньше даже не подозревала о ее существовании. Думала, что Гидеон, когда заходит ко мне, перелезает через забор.

Отодвинув щеколду, я толкнула калитку. Заскрипев, она открылась и с громким лязгом захлопнулась за моей спиной. До меня долетел аромат черемши.

Кот через лес устремился к ухоженной зеленой лужайке, за которой располагался двухэтажный каркасный Дом на холме. Он сразу показался мне очень красивым. Стоило сказать об этом Гидеону, и он прочитал мне целую лекцию о его архитектуре.

Стараясь не отставать от кота, я обогнула застекленную беседку и по дорожке, обсаженной с двух сторон пестрыми клумбами, приблизилась к патио. Навес над каменной плиткой был обвит лианой, над ярко-алыми цветами которой порхали колибри. Где-то рядом подала голос птица – кажется чибис.

– Это незаконное проникновение, – крикнула я коту, ускорив шаг, чтобы за ним поспеть.

– Анна-Кейт?

Я застыла от неожиданности, смутившись, что меня застучали на чужой лужайке.

– Гидеон?

– Я тут, наверху!

Защитив глаза от солнца ладонью, я взглянула вверх. Гидеон стоял у самой кромки крыши. От этого зрелища у меня закружилась голова.

– Отойди, пожалуйста, подальше от края. А то страшно.

– Боишься высоты? – поинтересовался сосед.

– Боюсь, что ты упадешь.

– Тут высоко, правда? – Он отступил на шаг. – Думаю, по меньшей мере футов тридцать^[7]. Я за этот час, пока тут сижу, успел прикинуть расстояние до земли.

– Зачем ты туда забрался?

– Поговорить по душам с белкой. Она пыталась построить гнездо на трубе, но я ее убедил, что ей куда больше подойдет вон та сосна. Там гораздо безопаснее.

Обернувшись, я заметила, что на ветке действительно суетится белка с листьями в зубах.

– А почему не спускаешься? Караулишь трубу на случай, если белка передумает?

Гидеон засмеялся.

– Нет, просто лестница упала. Кстати, ты не могла бы вернуть ее на место? Она там, с другой стороны дома.

Зайдя за угол, я увидела в траве алюминиевую раздвижную лестницу.

– Тяжелая, – предупредил Гидеон.

Я приподняла лестницу, проверяя, смогу ли справиться в одиночку.

– Сойдет.

Приставить лестницу к крыше оказалось непросто, но каким-то чудом у меня получилось. Я даже ничего не разбила: ни окно, ни собственную голову.

Я придержала лестницу, чтобы Гидеон мог спуститься. Перекладины вибрировали под моими ладонями. Гидеон соскочил с третьей снизу ступеньки и вытер руки о джинсы. Его волосы и темная футболка промокли от пота.

– Спасибо. Ты очень вовремя появилась. А то я уже начал гадать, сломаю чего-нибудь или нет, если спрыгну на навес.

– Чего-нибудь – в смысле навес? Или ногу?

– То и другое, – улыбнулся Гидеон.

Я заметила, что лицо у него покраснело.

– Кажется, ты обгорел. У тебя есть алоэ?

– Есть. Мазь.

– А растение?

– Чего нет – того нет.

– В гостиной Зи растет алоэ. Я принесу тебе немного сока.

Гидеон сунул руки в карманы.

– В гостиной Зи? Не в твоей?

Я пожала плечами.

– По-моему, она навсегда останется бабушкиной. Но я не против какое-то время за ней присматривать.

Гидеон положил руку на лестницу.

– Кстати, просто любопытно, что тебя сюда привело?

Помешкав, я призналась:

– Кот.

Который опять куда-то делся.

– Кот?

– Я его уже видела пару раз в саду Зи. Такой большой, серый, с голубыми глазами. Не знаешь, кто его хозяин?

Гидеон улыбнулся.

– Можно считать, его хозяйкой была Зи. Она рассказывала, что однажды, уже давно, кот просто появился в кафе, да так здесь и остался. Он очень независимый и любит гулять сам по себе.

– Наверное, надо купить ему ошейник с биркой? И отвезти к ветеринару? И стерилизовать? Ну, чтобы не плодить бездомных кошек...

– Сколько вопросов! Ты в детстве часто смотрела телевикторины, я угадал?

– В детстве я смотрела все подряд. Телевизор и книги были моими лучшими друзьями. Мама много работала, а я сидела дома одна, – поделилась я воспоминаниями и поморщилась, поняв, что сболтнула лишнего.

– И я. Та же история, – кивнул Гидеон и, убрав лестницу, добавил: – Зи как-то пыталась надеть на кота ошейник с колокольчиком. Это плохо кончилось. Если что, будь осторожна: у зверюги острые когти.

– Зи дала ему имя?

– Она всегда называла его мистер Кот.

Да, подходит. Хотя я уже подумывала, не окрестить ли его Лесси, раз уж он так любит всех спасать. Сначала меня, потом Гидеона...

– Ладно, пусть будет мистер Кот. Начну его подкармливать и попробую заманить к ветеринару. А сейчас пойду, а то у меня пироги в духовке.

Гидеон скрестил руки на груди.

– Анна-Кейт, что ты делаешь вечером?

Я улыбнулась.

– Пеку пироги. И добываю сок алоэ.

– Ты уже ела?

Ладони почему-то вспотели.

– Еще нет.

– Может, сходим на мультфильм и заодно устроим небольшой пикник?

На мгновение меня словно заморозил его взгляд: озорной, но в то же время пристальный и даже страстный. Я сглотнула комок в горле. Судя по всему, моя установка на то, чтобы ни с кем не сближаться, опять дала сбой.

– Не стоит. У здания суда, скорее всего, соберется очень много народу. На нас все будут пялиться...

– Ну да, ты же у нас городская знаменитость. Но чтобы сбить ажиотаж, надо позволить людям удовлетворить их любопытство. Кстати, почти все на этой неделе уже побывали в кафе.

Все, кроме Сили Линден, и я опасалась, что столкнусь с ней на кинопоказе. Ведь Натали упоминала, что ее мама – важная фигура в комитете по благоустройству.

– Как только кино начнется, люди перестанут засыпать тебя вопросами. Это невежливо, а местные скорее согласятся съесть кусок мыла, чем выставить себя грубиянами. К тому же я буду сидеть там и ограждать тебя от слишком назойливых поклонников.

Все его доводы звучали вполне разумно. И все же...

– Сегодня включают «Красавицу и чудовище». Уверен, ты в восторге от того эпизода в библиотеке.

Гидеон попал в точку. Я склонила голову в одну сторону, потом в другую, раздумывая над предложением. Оно казалось все более заманчивым. Наверное, очень приятно провести вечер на улице, в свете звезд, пусть и под пристальным вниманием соседей.

Перед обаянием Гидеона нелегко было устоять. Я взглянула в его глаза цвета меда и увидела в них лишь доброту и капельку страсти. Может, поступиться своими принципами?

– Ладно. С меня угощение для пикника.

– Ну уж нет! Это я возьму на себя. Ведь я сам тебя пригласил. Конечно, если ты не возражаешь против холодных сосисок в тесте, – поддразнил меня Гидеон.

Я улыбнулась.

– Не могу же я прийти с пустыми руками.

– Ладно, тогда ты принеси напитки, – уступил Гидеон.

– Хорошо.

– Значит, идем на сви... – Оборвав себя, он закончил: – Значит, зайду за тобой в шесть сорок пять.

– Договорились.

Я зашагала к дому. Слова Гидеона все еще звенели у меня в ушах: «Идем на сви...»

На свидание. Он хотел сказать «на свидание».

Но осекся. И правильно. «Просто-напросто посмотрим вместе мультфильм, – убеждала я себя, проходя через калитку. – Никакое это не свидание». Вообще, я должна радоваться. Ведь я сама планировала держаться подальше от Гидеона, как, впрочем, и от всех остальных.

И все-таки, проверяя, как поживают пироги в духовке, я чувствовала легкое разочарование.

* * *

– Сюда, сюда! Эй! Анна-Кейт, милочка! – Фейлин Уиггинс издалека отчаянно размахивала руками, словно пыталась подать сигнал самолету.

– По-моему, тебя зовут, – прокомментировал Гидеон, придвинувшись так близко, что меня кинуло в жар.

Я хотела отстраниться, но на лужайке перед сценой яблоку негде было упасть. У прилавков с закусками и передвижных туалетов собрались длинные очереди. Жители города проталкивались сквозь толпу в поисках свободного местечка.

До заката оставался целый час, но солнце уже спускалось за горы, и Уиклоу окутывали ранние сумерки. В воздухе то и дело огоньками мелькали светлячки. Я улыбнулась, вспомнив, как Зи убеждала меня, что они волшебные, потому и светятся.

До сих пор в это верю.

– Тут вам будет очень удобно! – прокричала Фейлин, не прекращая энергично жестикулировать.

Я сделала вид, что вглядываюсь в толпу.

– Никого не вижу...

– Надеюсь, ты не возражаешь против того, чтобы подсесть к Фейлин, – рассмеялся Гидеон и, обняв меня за талию, повел к ней. – Боюсь, она не потерпит, если мы устроимся где-то еще.

– Не возражаю.

Фейлин, невероятно общительная и активная, на первый взгляд могла показаться слишком шумной и бесцеремонной. Такое поведение

привлекало всеобщее внимание... к ней, а не ко мне. По-моему, Фейлин прекрасно знала, что делает, и этим понравилась мне еще больше.

Изо всех сил пытаюсь не замечать руку Гидеона у себя на поясе, я вцепилась в сумку-холодильник, которую нашла в бабушкином шкафу. В ней лежали два термоса со сладким ежевичным чаем. Я приготовила его по рецепту мистера Павежо. Не буду скромничать: чай получился очень вкусным. Обину действительно удалось подсластить мою жизнь.

Когда мы с Гидеоном уселись рядом с Фейлин, она сжала руки в замочек и восторженно улыбнулась, словно мысленно примеряла на нас свадебные наряды.

– Ой, как я рада, что вы пришли вместе! Ужас до чего рада!

– Прекрасный вечер для просмотра кино, не так ли? – вежливо спросил Гидеон.

Я подивилась, как ловко он поменял тему, пропустив мимо ушей прозрачные намеки Фейлин. Впрочем, вряд ли она успокоится, пока не узнает, свидание у нас или нет.

– Ох и повезло тебе... с погодой, – подмигнула она.

И впрямь. Хотя была только середина весны, дни выдались полетному солнечными и жаркими.

Фейлин указала на устроившихся рядом с ней на одеялах женщину с дочкой.

– Анна-Кейт, ты ведь уже знакома с Марси и Линди-Лу?

– Да, знакома.

Они несколько раз заходили в кафе.

– А там, у фотокамеры – братец Джоша, Кэм Колбо. Он фотограф. Живет в горах и снимает природу. Джош побежал за пиццей, скоренько вернется.

Хорошо, что Джош тоже будет на кинопоказе. Я надеялась, что этот дружелюбный медведь-полицейский поможет мне раздобыть старые отчеты. Вернее, один отчет. Об аварии, в которой погиб отец.

Я поздоровалась с Марси и улыбнулась при виде дремлющей у нее под боком Линди-Лу, укрытой легким пледом. Малышка посасывала большой палец. Волосики взлохматились, делая ее похожей на взъерошенного птенца.

– Удивительно, как она умудряется спать при таком шуме!

– Просто у Линди-Лу тяжелая жизнь, – проследив за моим взглядом, усмехнулась Марси.

Забрав у Гидеона одеяло, Фейлин постелила его между собой и растущей рядом магнолией и, нагнувшись, расправила края.

– Давненько тут не было так многолюдно! Это все любители птиц. Видать, им больше нечем заняться до полуночи.

Марси хитро улыбнулась.

– Линди-Лу привыкла не обращать внимания на громкие звуки.

Фейлин растерянно прищурилась, а потом, расхохотавшись, шутливо шлепнула дочь по руке.

– А ну цыц!

– Кто цыц, я – цыц?! – делано возмутилась Марси, что вызвало у Фейлин новый приступ хохота.

Было очевидно, что мать с дочерью обожают друг друга. В их веселой компании я почувствовала себя как дома.

– Ну-ка все сели! – скомандовала Фейлин.

– У нас тут прямо ВИП-места, – заметила я, опускаясь на одеяло под цветущей магнолией, которая рсточала сладостный аромат, заглушавший запах попкорна.

Фейлин с нескрываемым интересом уставилась на корзину в руках Гидеона.

– Что это у вас тут?

– Я обещал Анне-Кейт устроить пикник и, надеюсь, справился с задачей. – Гидеон откинул крышку, демонстрируя припасы. – Хрустящая жареная курочка, салат с макаронами, пирожки из слоеного теста и песочное печенье на десерт.

– Стало быть, ты всерьез обхаживаешь Анну-Кейт, – засмеялась Фейлин. – Всего за две недели сыскал путь к ее сердцу!

Гидеон, залившись краской, достал из корзины тарелки. Так и знала, что Фейлин без боя не сдастся. Он мог легко избавиться от ее поддразниваний, если бы сказал, что у нас вовсе не свидание. Но промолчал.

– Он и меня неплохо обхаживает, – поспешила сгладить неловкость Марси, кивая на корзину.

– И меня! – подхватил Кэм. – Что вы там говорили насчет жареной курочки?

Гидеон передал ему тарелку.

– Угощайтесь, тут на всех хватит!

– Боже мой, Гидеон! Если бы я не была замужем... – восхитилась Марси и взяла куриное бедрышко.

Фейлин выбрала грудку.

– Не волнуйся, я не проболтаюсь Джошу о том, что только что услышала.

– Если и проболтаешься, не страшно, – возразила Марси. – Ты уже пробовала курицу? Да Джош сам в два счета променял бы меня на стряпню Гидеона. Я-то даже покупную консервированную фасоль не могу нормально разогреть.

Кэм потянулся за куриной ножкой и вдруг застыл, увидев что-то у меня за спиной. Я обернулась. Через толпу пробиралась Натали с рюкзаком на плече. На руках она несла Олли, наряженную в желтое платье, как у Белль из мультика.

Я вновь посмотрела на Кэма. Заметив это, он позабыл о куриной ножке и, потупившись, завозился с камерой.

– Ой, гляньте-ка! Натали! – Фейлин замахала рукой с зажатой в ней курицей. – Эй! Мы здесь!

Натали моргнула и, улыбнувшись, направилась к нам.

– Интересно, можно ли страдать от клаустрофобии на улице? – Она сдула с лица выбившуюся прядь.

– В такой-то толпе? Пожалуй, да, – кивнула Марси. – Кэм, вы с Натали знакомы?

Тот поднял голову и расплылся в улыбке.

– Уже давно. Привет, Натали!

– Привет, Кэм. – Натали заозиралась. – А где Ривер?

– Сидит дома и дуется. Сюда с животными нельзя.

– Очень жаль. – Натали поудобнее перехватила дочку. – Никто не против, если я ненадолго присяду?

– Садись, лапонька. Рядом с Кэмом как раз есть местечко, – с готовностью заявила Фейлин, окидывая их обоих пронизательным взглядом.

Рядом со мной, Марси и Гидеоном места тоже было достаточно. Похоже, Фейлин – прирожденная сваха.

Кэм, подвинувшись, надел камеру на шею. Натали опустила Олли на одеяло.

– Пливет-пливет! – Олли помахала в воздухе игрушечным трактором.

– Привет, Олли. – Кэм помахал ей в ответ. – Что это у тебя?

– Тлактол! – Девочка с гордостью показала ему игрушку.

– Не смогла уговорить Олли его не брать. – Натали аккуратно оправила платье и расположилась рядом с Кэмом. – Думаю, теперь вам ясно, кто в доме хозяин.

Кэм протянул руку.

– Олли, можно мне повозить трактор?

Девочка уставилась на него, округлив карие глаза и наконец, словно решив, что Кэму можно доверять, отдала игрушку.

Тот взял трактор и принялся катать его по ногам и по рукам Олли, имитируя рычание мотора. Малышка восторженно повизгивала. Натали смотрела на дочку с такой нежностью и любовью, что сразу захотелось подойти и обнять свою тетю. Не сблизиться с ней становилось все труднее. А крошка Олли при первой же встрече заняла уголок в моем сердце.

В те дни, когда Натали работает, Фейлин приводит Олли прямо в кафе ближе к закрытию, и я поймала себя на том, что с нетерпением жду появления девочки. Вчера их не было, и я скучала. Натали ездила в Форт-Пейн на консультацию с психотерапевтом, но я так закрутилась, что даже не узнала, как все прошло.

– Натали, если ты проголодалась, то налетай, – щедро предложила Фейлин. – Гидеон ради Анны-Кейт закатил пир горой.

Натали посмотрела на меня, безмолвно спрашивая, правда ли между нами что-то есть. Я покачала головой, и она улыбнулась.

– Это жареная курочка? Похоже, он по уши влюблен.

Фейлин кивнула.

– Вот и я говорю. Это ясно как день.

Гидеон красноречиво покосился на Натали.

– А я-то хотел сказать, что рад твоему возвращению в Уиклоу. Теперь в этом не уверен.

Только сейчас до меня дошло: странно, что Гидеон и Натали не столкнулись раньше. Хотя нет. Ведь Натали сторонится людей даже больше, чем я, а Гидеон забегает на кофе очень рано и уходит задолго до начала ее смены.

Натали расхохоталась.

– Какой ты честный, Гидеон! Кстати, честность – это, пожалуй, самое главное качество в мужчине, Анна-Кейт.

Гидеон опустил голову и застонал.

– Буду иметь в виду, – пообещала я, расправляя край одеяла.

– Пливет-пливет! – Олли, подлетев, повисла у меня на шее. Едва не упав от неожиданности, я засмеялась.

– Привет, Олли!

Девочка устроилась у меня на коленях. Я расправила платяице Олли, стараясь впитать как можно больше ее радости и веселья, пока она не убежала обнимать кого-то еще.

– Хорошо, что мы встретились, Фейлин. – Натали расстегнула рюкзак и достала оттуда матерчатый сверток. – Вы мне как раз нужны. Я наконец-то доделала повязки для Линди-Лу. Извините, что провозилась.

– Не переживай, лапонька, я-то ждала их не раньше чем через пару недель. – Фейлин вытерла испачканные руки влажной салфеткой и, раскрыв сверток, ахнула. – Ох, Натали, красота-то какая! Чудо как хорошо!

Действительно, красота. Фейлин держала в руках три яркие, узорчатые детские повязки разной толщины, украшенные крупными цветами. Очевидно, что Натали – настоящая мастерица и обладает прекрасным художественным вкусом.

Повязки были похожи на те, что обычно носила Олли. Впрочем, сегодня девочка пришла с непокрытой головой, и ее распущенные, чуть спутанные волосики пахли солнцем и хлоркой. Спрыгнув с моих колен, Олли забрала у Кэма трактор и стала катать его по голове Гидеона.

– Олли, оставь в покое дядину макушку! – всполошилась Натали.

Девочка послушно переместила трактор на его лицо.

– Ну, хоть не по макушке, – засмеялся Гидеон.

Натали, улыбнувшись, поспешила объяснить Олли, что тракторы ездят по земле. Тем временем Кэм поднялся и начал фотографировать все вокруг: нас, толпу и светлячков. Он то и дело отрывался от фотокамеры и посматривал на Натали, которая тоже кидала на него взгляды. Пожалуй, не даром Фейлин их друг другу сватает.

Марси взяла у матери одну из повязок.

– Натали, они прелестны! Очень искусная работа. Обычно детские повязки не слишком симпатичные и легко рвутся. Может, сошьешь еще несколько? Я бы выставила их на продажу во «Всякой всячине».

– Правда? – обрадовалась Натали. – Было бы отлично!

– Заходи ко мне завтра. Обсудим наше сотрудничество. О боже мой, ты еще и каждый лепесток отдельно проработала?

Натали просияла от похвалы.

– Да, чтобы можно было использовать разные ткани. Мне кажется, так смотрится интереснее.

– Это точно! – Марси обернулась на спящую дочку, словно прикидывая, не примерить ли одну из повязок на нее прямо сейчас, но отказалась от этой мысли. – И сшей, пожалуйста, еще пару повязочек для Линди-Лу. Они просто очаровательные!

Фейлин, откинув голову и расправив плечи, с любовью поглядела на дочку и Натали. Сейчас она напоминала гордую курицу-наседку.

– Кстати, я ведь уже сказала, что Гидеон притащил полно всяких вкусностей, – обратилась Фейлин к Натали.

– Да-да, – подхватил Гидеон. – Угощайся!

Натали неловко заерзала на одеяле.

– Я бы с удовольствием, но мне пора. Скоро придут родители. Мы договорились сегодня посмотреть кино всей семьей.

От мысли о встрече с доком и Сили меня замутило. Захотелось немедленно сбежать. Зря я вообще сюда пришла.

– Ты уже познакомилась с Сили, Анна-Кейт? – поинтересовалась Фейлин.

Я вытерла ладони о шорты.

– Нет.

Даже не знаю, что сделаю, когда ее увижу. Я все время настраиваю себя на то, чтобы держаться холодно и отчужденно, но не уверена, получится ли. Трудно будет стерпеть и не выплеснуть все, что накипело за эти двадцать четыре года.

Фейлин тихо присвистнула и огляделась, словно в поисках путей к отступлению.

– Анна-Кейт, если хочешь, давай уйдем, – предложил Гидеон.

Все уставились на меня в ожидании ответа, только Олли продолжала увлеченно играть с трактором. Во рту пересохло. Так и подмывает встать и вернуться в кафе, чтобы избежать скандала. Но, возможно, будет лучше, если я встречу с бабушкой именно сейчас, когда рядом друзья, готовые меня поддержать.

– Нет, – помолчав, решила я. – Покончим с этим уже сегодня, правильно?

Фейлин закашлялась.

– Это очень смело с твоей стороны, Анна-Кейт.

– Не волнуйся, – утешила меня Марси. – Сили Эрл Линден – южанка до мозга костей. Скорее выроет сама себе могилу и добровольно туда ляжет, чем устроит сцену, особенно при посторонних.

Сили, может, и не устроит, а вот я за себя не ручаюсь.

Я повернулась к Гидеону.

– Наверное, нам все же стоит уйти.

Гидеон немедленно принялся упаковывать вещи. Фейлин и Натали бросились к нему на помощь.

Сердце ускоренно забилося. Я отчаянно задергала одеяло, пытаюсь вытащить его из-под Гидеона.

– Тлактол! – Олли подошла и протянула мне игрушку.

Я присела на корточки.

– Спасибо, Олли, не надо. Это же твоя машинка.

Ее личико сморщилось.

– Тлактол!

– Спасибо. Тр-р! Тр-р! – Я взяла игрушку и повозила по ноге Олли. Малышка весело засмеялась.

На секунду все вернулось на свои места. Рядом с хохочущей Олли мне стало уютно и спокойно. Вот бы это мгновение никогда не заканчивалось...

Вдруг Олли заметила что-то позади меня. Ее глазки широко распахнулись, и девочка крикнула:

– Дека!

– О нет. Опоздали, – прошептала Марси.

Обернувшись, я увидела, как док Линден поднимает на руки Олли. Возле него стояла Сили. Я медленно встала, чтобы с достоинством встретить человека, который превратил жизнь моей матери в ад.

Сили выглядела не так, как я думала. Она представлялась мне кем-то вроде злой королевы из детской сказки: высокая, с выпирающими скулами, острым подбородком, тонкими губами и круглыми черными глазами. Темные волосы непременно забраны в пучок, а длинные ногти выкрашены в кроваво-красный цвет.

В действительности же Сили оказалась совсем другой: примерно моего роста, около пяти фунтов семи дюймов^[8]. Светлые кудри с отдельными каштановыми прядями обрамляют уже немолодое, но

благородное лицо в форме сердечка. При виде меня ее голубые глаза расширились, а потом, наоборот, прищурились: Сили различила трактор у меня в руках. Наши взгляды встретились. Ее рука взметнулась и сжала двойную нитку жемчужных бус.

Сили, не отрываясь, изучала меня. Вдруг она покачнулась, и Док подхватил ее за локоть.

– Она... вылитый Эджей... О господи, – чуть слышно вымолвила Сили.

– Мама? – Натали шагнула ко мне.

Сморгнув непролитые слезы, Сили украдкой осмотрелась и обнаружила, что за ней все наблюдают. Точнее, за нами. Резко развернувшись, она поспешила прочь.

Док передал Олли на руки Натали. Девочка помахала ему.

– Пока-пока!

Я стояла, ошеломленно следя за удаляющейся фигурой. Меня переполняло облегчение, к которому отчего-то примешивалась грусть. Я ожидала увидеть во взоре Сили ненависть и холодный расчет, а вместо этого уловила внезапное горькое раскаяние. Но я не стала злорадствовать. Только что мы с ней обе поняли, как много потеряли. Тяжело это осознавать.

– Поди ж ты! – потрясенно выдохнула Фейлин, приблизившись ко мне и Натали. – Стоило тебе глянуть на Сили – и ты пробила ее стальную броню. Я и не чаяла, что так случится. Видать, у Сили все-таки есть сердце.

– Вы уже пять лет живете по соседству с кафе, но до сих пор не знали, что черные дрозды – исключительно редкие птицы и обычно не встречаются в США?

– Я понимал, что они особенные, – ответил Гидеон. – Бывшая владелица кафе всегда тщательно их оберегала. Я ни разу не видел черного дрозда вблизи.

– Вам не казалось это странным?

– В нашем городе многое кажется странным.

Журналист постучал ручкой по блокноту.

– Давайте я спрошу прямо. Возможно, предыдущей владелице было что скрывать?

Гидеон облокотился на стол.

– Всем нам есть что скрывать, не правда ли?

Натали

В воскресенье, в начале четвертого, пока Олли еще спала, я распахнула дверь.

– Входи, входи. Когда ты позвонила, я заволновалась, не сошла ли ты с ума. Может, стоит обратиться к врачу? Вдруг у тебя аневризма или что-то вроде того?

Анна-Кейт обеими руками вцепилась в блюдо, обернутое фольгой.

– Да, консультация врача не помешала бы. Сама не ведаю, что творю.

Вот и я так же. Когда утром Анна-Кейт по телефону объявила, что все-таки приняла приглашение на воскресный обед, я чуть не упала. Специально предложила ей зайти ко мне, чтобы к родителям отправиться вместе. Надеюсь, так ей будет спокойнее.

– Олли еще не проснулась. Пусть поспит подольше, а то не отдохнет как следует и станет весь вечер капризничать. Только этого нам не хватало.

– Почему бы нет? Может, капризы Олли придется кстати в неловких ситуациях.

– Хорошенькая перспектива! Нет уж, лучше пока Олли не будить.

– Тут очень уютно, – проходя в комнату, заметила Анна-Кейт.

Сегодня на ней были укороченные джинсы, бирюзовая блузка без рукавов, отлично сочетающаяся с цветом глаз, и резиновые шлепанцы. Только бы мама обошлась без замечаний на их счет.

– Это правда. У мамы хороший вкус. И, что особенно приятно, не надо платить аренду. И все же я перееду при первой возможности.

Анна-Кейт нахмурилась. На ее бровях цвета меди заиграли солнечные блики.

– Правда? Куда?

– Подыщу жилье в городе. Если получится, сниму небольшой домик. Неважно где, лишь бы... – Я собиралась сказать «подальше отсюда», но осеклась. – Хочу быть независимой, крепко стоять на ногах. Я тебе по-хорошему завидую, Анна-Кейт. Ты меня вдохновляешь! Приехала и начала управлять кафе, как будто тебе это раз плюнуть. Я бы никогда так не смогла.

– Это далеко не «раз плюнуть», но ты бы смогла без всякого сомнения! Сама видишь, как у тебя спорятся дела в кафе: ты с порога, не моргнув глазом, включилась в работу. К тому же быть независимой вовсе не так приятно, как многие думают. Я с детства мечтаю о нормальной, спокойной жизни. Как у тебя.

– Смотря что считать нормальным. – Я указала на блюдо в руках Анны-Кейт. – Ставь его на стол и присаживайся. Я сейчас быстренько наведу порядок.

До ее прихода я шила разные вещицы – Марси Колбо не терпелось выставить их на продажу во «Всякой всячине», – и теперь весь кофейный столик завален кружевами, ленточками, бисером и пайетками. Наклонившись, я принялась их собирать.

Анна-Кейт, кажется, только сейчас вспомнила о блюде и, засмеявшись, отставила его в сторону.

– По-моему, я слегка нервничаю.

– Я тоже. Не представляю, что ожидать от сегодняшнего вечера.

– И я. – Анна-Кейт уселась прямо на пол перед кофейным столиком. – Как твои родители отреагировали, когда узнали, что я приду?

– Папа улыбнулся, как будто засветился изнутри. Он всегда сияет, когда счастлив. А маму я после вашей встречи еще не видела. Но папа

утверждает, что с ней все в порядке, просто она пытается разобраться в себе.

Неудивительно, что мама, по своему обыкновению, отдалилась от всех, спряталась, как улитка, в свой домик. Только раньше она пряталась в переносном смысле, а теперь – в прямом. Я бы за нее очень волновалась, если бы не заметила, что каждый вечер в ее швейной мастерской горит свет. Если мама шьет, значит, не все потеряно.

Анна-Кейт обхватила колени.

– А вдруг Сили вообще не придет на ужин? Она об этом не говорила?

– Нет. Но придет.

– Почему ты так уверена?

– Я же ее знаю. Мама побоится прослыть негостеприимной, особенно по отношению к родне. А ты – член семьи. По-моему, увидев тебя в пятницу, она сразу это поняла. Правда обрушилась на нее, и мама больше не может отрицать очевидное. Приходится признать собственную неправоту, а для нее это трудная задача. Теперь маме надо многое переосмыслить... Передай, пожалуйста, клеевой пистолет.

Анна-Кейт протянула мне клей и подняла со столика мятый галстучек-бабочку из радужной ткани. Его бы погладить...

– Ух ты! Мистер Лейзенби был бы в восторге!

– Расширяю свой «повязочный» бизнес, – рассмеявшись, пояснила я, кивая на швейную машинку в углу комнаты. – Взясась за детские галстуки, фартучки, бантики, пинетки. Скоро придется либо ограбить мамину мастерскую, либо сгонять за тканями и другими материалами в Форт-Пейн, а то у меня кончаются.

Я склонялась ко второму варианту, раз уж все равно в конце недели еду туда на консультацию. Папа предложил взять его машину, хотя я бы с удовольствием еще раз проехала с Кэмом. Не терпится побольше о нем узнать.

– Сили шьет? – заинтересовалась Анна-Кейт.

Сложно объяснить, что происходит с мамой, когда та принимается за шитье. Она становится другим человеком: счастливым, оживленным, творческим.

– Фейлин как-то назвала маму мастерицей на все руки. Так оно и есть. Мама создает настоящие шедевры. Она начала шить еще в

детстве, а потом научила меня. А я, когда придет время, научу Олли, если она захочет.

Это, наверное, единственный подарок, который мама сделала мне от чистого сердца, а не из желания что-то во мне исправить, вроде набора косметики и лекарств от прыщей на четырнадцатилетие. Она просто поделилась тем, что приносило ей радость, надеясь, что это доставит удовольствие и мне.

Так и случилось. Время, проведенное в маминой швейной мастерской за рукоделием, было в моем детстве самым счастливым. К сожалению, мамины уроки продолжались недолго, и сразу после них она вновь замыкалась в себе. А я могла лишь мечтать о том, чтобы мама стала такой, как при жизни Эджея.

– Хорошо, что ты приняла папино приглашение, Анна-Кейт, хоть я и переживаю, как все пройдет. Но, признаюсь, мне очень любопытно: почему ты согласилась? Я слышала, вначале ты была решительно против совместного обеда с моими родителями.

– Интересно, от кого ты это слышала?

– Местные жители любят посудачить...

– Посплетничать, ты имеешь в виду?

– Это одно и то же. – Я пригладила обрывок ленты. – Странно, что ты до сих пор не в курсе.

– Я и правда была против: боялась, что этим предам свою мать. С детства у меня сложилось определенное представление о Линденах: как они выглядят, где живут, что они вообще за люди. – Анна-Кейт переплела пальцы. – Но, когда приехала в Уиклоу, осознала, что судила только с маминых слов. Многое здесь оказалось не таким, как я воображала. На самом деле не ошиблась я лишь в одном: Сили всей душой ненавидела мою маму.

Возможно, Анна-Кейт употребила чересчур сильное выражение. Я бы высказалась помягче, если бы могла. Хотя, пожалуй, она права: мама действительно всей душой ненавидела Иден Кэллоу. И ненавидит по сей день.

– Значит, ты больше не считаешь свой приход сюда предательством? – осторожно спросила я.

– Может, и считаю. Но в пятницу я увидела в глазах Сили сожаление и боль и решила, что пора составить о ней собственное мнение. Мама всегда учила меня думать своей головой. Я люблю маму

и уверена, что она бы поняла. Наверное. Я надеюсь. – Анна-Кейт поморщилась.

Я рассмеялась.

– В любом случае, я рада, что ты здесь. Иден терпеть не могла моих родителей, но наверняка хотела бы, чтобы ты побольше узнала об отце. Готовься, тебе сегодня о нем все уши прожужжат.

Глаза Анны-Кейт заблестели.

– Было бы отлично!

– Не сомневаюсь. Мама уж точно весь вечер будет о нем говорить.

Анна-Кейт провела пальцем по столу.

– А Сили, она какая? Я имею в виду, настоящая? Мне-то о ней известно только по маминым рассказам...

Я плотно закрыла коробку с бусинами и положила в корзину для белья, где храню швейные принадлежности.

– Спроси кого-нибудь другого.

– Но ты ведь лучше всех знаешь Сили. Разве нет? Ты же ее дочка.

Я постаралась увильнуть от ответа:

– Сложно объяснить...

– Почему?

Я сунула в корзину для белья фестонные ножницы и глубоко вздохнула.

– Жители Уиклоу охарактеризовали бы ее так: добропорядочная и благовоспитанная, целеустремленная и стойкая, отзывчивая и проникательная. Обладает безупречными манерами и прекрасным вкусом.

– Еще про нее говорят, что она делает скоропалительные выводы о людях и умеет испепелять взглядом. Но мне важно, что о ней думаешь ты. Я слышала, вы не очень близки. Из-за чего?

Не хотелось это обсуждать. Тем не менее Анна-Кейт – член семьи, значит, наши семейные дразги ее тоже касаются.

– Мои первые воспоминания о маме – теплые и душевные. Она была любящей и доброй, все время целовала меня, обнимала и тискала. Но когда умер Эджей, все изменилось. Мне было три года, и я многого не понимала. Было ясно лишь, что Эджей пропал, а мама вдруг превратилась в совсем другого человека, холодного и отчужденного. Тогда папа сам начал читать мне на ночь книжки, утром готовить

завтрак, подбирать одежду, утешать, если я падала. Все это хорошо, только мне не доставало прежней мамы.

Анна-Кейт подергала нитку, торчащую из шва на джинсах.

– А она так и не отошла?

Я намотала на пальцы кружево и стянула туго, до боли.

– В моем детстве? Едва ли. Лишь иногда, во время шитья, мама вновь становилась собой. Впрочем, это случалось так редко, что я гадала, не сама ли все придумала. Правда, сейчас, когда она общается с Олли, я вижу ее прежнюю и верю, что в душе она все та же, просто не может справиться с собой. Надеюсь, у нее получится. Однако это уже не восполнит то, что я потеряла.

В голове зазвучали папины слова: «Горе порой меняет людей так, что они себя не узнают, становятся сами себе противны». Я положила кружево в корзину и продолжила:

– Мне очень жаль, но это правда. Конечно, мама страдала, но не обращалась за помощью. Считала, что консультироваться с психологом – стыдно, что главное – не показывать своих чувств. Мол, сор нужно не мести из избы, а прятать под коврик, иначе все будут шушукаться за ее спиной, а этого она не вынесет. Только когда у меня начались панические атаки и я по настоянию папы прошла курс психотерапии, мама изменила свое мнение. Увидев мою боль, она осознала: нет ничего зазорного в том, чтобы лечить душевные раны.

– Похоже, со смертью папы все мы многое потеряли, – мягко промолвила Анна-Кейт.

– Поразительно, правда? Сколько же судеб сломалось в одно мгновение... Жизнь разделилась на «до» и «после»... Извини, что-то меня на философию потянуло.

– Ничего. Я тоже часто об этом размышляю. Как бы все сложилось, если бы не авария? Поженились бы родители или нет? Где бы я выросла, в Уиклоу или в другом городе? И стала бы мама медсестрой или начала работать в кафе? Эти вопросы часто не дают мне уснуть.

– Мне тоже. – Много ночей я пролежала без сна, не только из-за смерти Эджея, но и из-за Мэтта. – Может, если бы брат не погиб, я росла бы счастливой и не старалась бы сейчас всем понравиться. В детстве я из кожи вон лезла, чтобы мама могла мной гордиться. Слушалась ее во всем. Только никакие мои успехи ее не впечатляли. Мама всегда сравнивала меня с Эджеем.

– То есть?

– Ну, например, когда в школе я получала самую высокую оценку, мама заявляла, что Эджей вообще был круглым отличником, причем по всем предметам. Если я говорила, что мой любимый цвет зеленый, мама обязательно упоминала, что сын предпочитал синий. Хуже всего было с едой. Стоило мне сказать, что я люблю морковь, и мама тут же пускалась в воспоминания о том, как Эджей, впервые попробовав морковку, выплюнул ее прямо на папин галстук, так она ему не понравилась... К тому же мама чересчур ревностно меня оберегала. Мне все было запрещено.

– Понимаю почему.

– И я понимаю, но от этого не легче. В подростковые годы до меня наконец дошло: чтобы мама стала относиться ко мне по-другому, я должна делать то, чего брат никогда не делал.

Губы Анны-Кейт изогнулись в усмешке.

– О нет...

– О да! Я решила, что лучше уж скандалы, чем отсутствие маминого внимания, и начала бунтовать – так, по мелочи, просто чтобы позлить ее. Ничего особо серьезного, все-таки я была хорошим ребенком. Слушала музыку, которую мама не одобряла. Покрасила волосы. Пыталась курить, хотя мне от этого было плохо. Больше всего шуму поднималось, если я убегала из дома, пусть и недалеко.

Я едва не рассмеялась при мысли о том, сколько раз бродила по берегу реки Уиллоу-Крик, страдая от комариных укусов, в ожидании, когда же наконец время перевалит за полночь. У меня не было друзей, с которыми можно вместе хулиганить, и уж тем более парня: ни один мальчик в округе не угодил Сили Эрл Линден. Но когда я возвращалась домой или когда родители сами меня находили, я вела себя так, что мама начинала подозревать худшее. В конце концов, для того я и убегала.

Анна-Кейт улыбнулась.

– Могу поспорить, тактика сработала.

– Вообще-то, стало только хуже. Я надеялась, что мама разглядит во мне живого человека, а она вместо этого становилась все более жесткой, все сильнее от меня отдалялась. Я с трудом переносила ее холодность и, окончив школу, сразу уехала в колледж. Там я наконец получила свободу, к которой так стремилась, и тут же совершила

роковую ошибку... так, по крайней мере, посчитала мама. Это уж точно привлекло ко мне ее внимание, но оказалось последней каплей, и мама полностью вычеркнула меня из своей жизни.

– Что ты такого натворила? – Анна-Кейт широко распахнула глаза. – Только не говори, что тебя арестовали.

– Хуже.

Из другой комнаты донесся голосок проснувшейся Олли. Я взглянула на часы. Пора отправляться на семейный обед. Я встала и подняла бельевую корзину.

– Что же может быть хуже? – недоумевала Анна-Кейт.

Я посмотрела на нее в упор.

– Я вышла замуж.

Анна-Кейт

На полпути от гостевого домика к дому родителей Натали остановилась и серьезно заявила:

– Значит, так. Если почувствуешь, что с тебя хватит, мы не задержимся. Встанем и уйдем. Надо придумать какой-нибудь сигнал или что-то вроде того. Как насчет... ну, например... – Она несколько раз щелкнула пальцами, обвела глазами сад и рассмеялась: – Что-то в голову ничего не приходит.

Сидящая у нее на руках сонная Олли встрепенулась и, глядя на маму, тоже зашлась от смеха.

Я слегка расслабила пальцы, сжимавшие блюдо.

– Может, «Суккоташ»?^[9]

Натали захохотала еще громче, и Олли снова к ней присоединилась.

– Сука-таш? Как ругался кот в «Луни Тюнз»?

Я улыбнулась.

– В детстве обожала этот мультфильм, а кот Сильвестр был моим любимым героем.

– Вот же сука-таш! – процитировала Натали. – Давненько я не слышала эту фразочку. Она прекрасно подойдет в качестве сигнала. Ты готова?

– Вроде бы.

Натали энергично кивнула.

– Все будет в порядке. В полном порядке. Волноваться совершенно не о чем.

Уже не в первый раз слышу эти слова от Натали. Наверное, она частенько так сама себя успокаивает.

Мы вошли. Сразу же захотелось вернуться в гостевой домик и продолжить наш разговор. Меня очень заинтриговала история ее замужества, но Натали обещала рассказать ее позже. Как я ни пыталась не сближаться с ней, у меня ничего не вышло. Возможно, потому, что Натали не просто друг, а еще и моя родная тетя. Я знаю точно: только с ней я могу быть так искренна и откровенна. Наша дружба не сойдет на нет, даже если я перееду и мы надолго потеряем связь. Ведь семья дается навсегда, хорошо это или плохо.

В просторной, светлой кухне негромко гудел кондиционер. Свисающие с подвесного стеллажа над столом медные кастрюли блестели на солнце. Каменная столешница гармонировала со шкафчиками из темного дерева и стенами цвета шалфея. На деревянной разделочной доске лежала мялка, перепачканная картофельным пюре, а на металлической подставке стоял противень, уже очищенный от жира. Посуда была аккуратно сложена в раковине, повсюду расставлены вазы с цветами. Пахло ветчиной и розами. Откуда-то долетали негромкие звуки джаза.

Из столовой донесся звон тарелок, и я еще сильнее стиснула блюдо.

– Привет! – крикнула Натали и, поставив Олли на пол, поправила подол ее платья. – Мы уже здесь!

– Пливет-пливет! – подхватила Олли.

В тысячный раз за сегодняшний день я напомнила себе, зачем пришла к доку и Сили. Конечно, куда проще было бы жить своей жизнью, не заботясь о Линденах с их неизбывной горечью и печалью.

Но вчера, когда я, послушав трогательное, волнующее пение черных дроздов, укладывалась спать, мне вспомнились слова Лука: «Похоже, многие здесь годами живут с болью в сердце. Может, настало время забыть о прошлом и излечиться?»

Как сказала Натали, двадцать пять лет назад жизнь разделилась на «до» и «после». Все эти годы мы мучаемся от горя и тоски, от

ненависти и душевных страданий. Пора отпустить прошлое и исцелиться.

Я из рода Кэллоу. Способность дарить утешение у меня в крови. Кроме того, я – связующее звено между этими «до» и «после», значит, мне и воссоединять семью, как бы трудно это ни было. И я готова.

По крайней мере, я сама себя в этом убеждала, чтобы не позволить себе струсить и убежать. Нервы были на пределе.

В дверях появился док. При виде меня он вздохнул, словно у него гора с плеч свалилась, и засиял от радости.

Олли бросилась к нему в объятия. Темные волосики взметнулись, а маленькие, еще неустойчивые ножки так и замелькали. Морщась, как от боли, док поднял ее на руки.

– Папочка, все хорошо? – забеспокоилась Натали.

– Вчера опять играл в гольф, и теперь мышцы ноют. – Док повернулся ко мне и, заметив тревогу в моих глазах, натянуто улыбнулся. – Счастлив вас всех видеть. Спасибо, Анна-Кейт, что приняла мое приглашение. Добро пожаловать. Не стоило ничего приносить...

– Анна-Кейт что-то принесла? – спросила Сили, входя.

Она говорила спокойно, по глазам ничего нельзя было прочесть. От нее не исходило ни угрозы, ни неприязни, только смущение.

Сегодня Сили была одета в свитер с короткими рукавами и льняные брюки. На лице – легкий макияж: немного тонального крема, тушь, блеск для губ и румяна; на босых ногах – бледно-розовый педикюр.

Судорожно сжимая двойные жемчужные бусы, она поцеловала Олли. Поколебавшись, чмокнула в щеку Натали. Шагнула ко мне, намереваясь обнять, но передумала и просто забрала блюдо. Не могу сказать точно, что я почувствовала в этот момент: то ли облегчение, то ли разочарование.

Я заметила, что потрясенная Натали прижимает ладонь к щеке, и задалась вопросом: когда в последний раз ей доставались от мамы поцелуи?

Сили приподняла фольгу и наклонилась к блюду.

– Это печенье? Божественный аромат! Из чего оно, Анна-Кейт? – светским тоном поинтересовалась она, словно я всю свою жизнь приезжала на семейный обед.

Я покосилась на Натали. Она изумленно таращилась на мать. Неожиданно мне почудилось, будто я попала в сериал «Сумеречная зона».

– Кабачки и сыр чеддер.

Сили принюхалась.

– И, кажется, еще тимьян?

– Да, свежий тимьян из сада Зи и острый перец халапеньо.

– Прекрасное сочетание! – воскликнула Сили, и я обратила внимание, что у нас одинаковые улыбки. – Не терпится попробовать.

Она сняла с блюда фольгу, отложила ее на стол и, на секунду замешкавшись, чтобы пощекотать ножку Олли, направилась в столовую.

Натали, разинув рот, повернулась к доку.

– Что это с мамой?

– О чем ты? – Его глаза лукаво блестели.

– Она что, напилась лекарств?

– Вряд ли.

– Тогда, может, просто – напилась?

Он наклонил голову, притворяясь, что размышляет над ее предположением.

– Не думаю.

– Или у нее нервный срыв?

Док расплылся в улыбке.

– Лучше сказать, прорыв.

– Что это все значит? – продолжала недоумевать Натали.

Сили снова появилась на кухне.

– Идемте скорее! Обед остывает.

Док кивнул на дверь, пропуская нас вперед.

– Мама и впрямь босиком? – понизив голос, уточнила Натали. –

Мне не померещилось?

– Босиком, – подтвердила я. – С розовым педикюром.

– Мама, где твои туфли? – поинтересовалась Натали.

Сили посмотрела себе на ноги.

– Ой, ну надо же, совсем про них забыла. Простите мою рассеянность.

Ее взгляд скользнул по моим шлепанцам. Она неодобрительно поджала губы, но промолчала.

Натали округлила глаза и, забрав Олли, последовала за Сили в столовую.

Док остановил меня, ухватив за руку, и тихо попросил:

– Я буду очень благодарен, Анна-Кейт, если ты не станешь упоминать о моей... – он помедлил, – реакции на жару.

Сейчас он выглядел не таким больным, как при нашей первой встрече, на террасе, но цвет лица оставался по-прежнему нездоровым. Неизвестно, что с доком такое, но это явно никак не связано с погодой.

– На жару? – выразительно переспросила я.

– Да, на жару.

Внезапно до меня дошло, почему он так себя ведет.

– Никто не в курсе, да?

Правда отразилась в темных глазах дока. Ни жена, ни дочь понятия не имели о его болезни.

– Не рассказывай им ничего, хорошо?

Конечно, это дело дока, но, думаю, держать Сили и Натали в неведении несправедливо. Я бы на их месте предпочла знать о его недуге.

– Ладно, но только если вы обещаете, что скоро сами им все объясните.

– Обещаю.

– Вы хотя бы у врача были?

– У многих. – Он вздохнул.

– Что у вас?

– Ерунда, не стоит...

– Пойдемте скорее за стол. О чем шепчетесь? – На пороге снова возникла Сили.

– Я говорил Анне-Кейт, что очень рад ее видеть, – заявил док и потянул меня в столовую.

«Не стоит волноваться». Вот что он собирался сказать. Даже не сомневаюсь. И все-таки я волновалась. Я учила в колледже биологию и анатомию и теперь старалась припомнить все болезни, которые вызывают желтоватый оттенок кожи. Первое, что приходит на ум, – гепатит и печеночная недостаточность. Это лечится, хотя иногда приводит к летальному исходу.

– Я тоже рада. – Сили на мгновение встретилась со мной взглядом и тут же потупилась, видимо считая неприличным слишком явно на

меня глазеть. – Надеюсь, во время твоего пребывания в Уиклоу, Анна-Кейт, совместный обед по воскресеньям станет традицией. Наш дом – твой дом.

– Спасибо, – с вымученной улыбкой уклончиво ответила я.

– Куда я попала? Нас что, снимает скрытая камера? – Натали усадила Олли на детское сиденье, прикрепленное к стулу, и начала изучать потолок.

– Не говори глупостей, Натали, – прервала ее Сили. – Лучше давайте обедать. Кому что налить? Есть вино, кока-кола, сладкий чай, кофе...

Натали недоверчиво покачала головой и дала дочке пару стручков фасоли.

Хотя я не большой любитель спиртного, в уме промелькнула сумасбродная мысль: как бы Линдены отреагировали, если бы я отпила вино прямо из бутылки? Чтобы не поддаваться искушению это проверить, на всякий случай выбрала чай.

Не отпускало ощущение нереальности происходящего. Я отметила, что уставленный тарелками деревянный темно-серый стол застелен длинной узкой скатертью-бегунком, расшитой цветами, на которой выстроились три вазочки со свежими букетами из белых роз, рудбекий, ромашек и листьев папоротника. Все это Линдены выращивают в саду.

Док галантно подвинул мне стул.

– Красивые цветы, – похвалила я, садясь.

– Спасибо. – Сили поставила передо мной и Натали высокие стаканы для чая. – Джеймс срезал их сегодня утром.

Джеймс. Док. Мой дедушка. И он тяжело болен.

Стараясь справиться с нахлынувшей грустью, я принялась осматривать комнату. На хлопчатобумажных зеленых салфетках, украшенных причудливым цветочным узором, стоял белый фарфоровый сервиз. Благородно поблескивали на солнце начищенные серебряные блюда. На стенах висели акварельные картины с изображениями зверей: кроликов, белок и барашка. На буфете и на серванте виднелись семейные фотографии. Я бы подошла поближе, чтобы получше их рассмотреть, но боялась показаться невежливой.

– Прежде чем мы приступим к ужину, я хотела бы кое-что сказать... – Сили поднялась и покосилась на дока. Тот ободряюще

кивнул.

По очереди взглянув на меня и Натали, Сили глубоко вздохнула.

– Анна-Кейт, я не знаю, что именно произошло в день гибели твоего отца. Никто не знает. Я поверила в худшее, потому что легче переносить боль, когда находишь виноватого. Не понимать, почему дорогой тебе человек умер, – просто невыносимо... Мне нужно было на кого-то возложить вину.

Я так сильно сжала кулаки, что коротко подстриженные ногти впились в ладони.

– А теперь?

Я старалась не забывать о том, что рассказала Натали: после аварии ее мама полностью изменилась. Слова Сили меня растрогали. По-человечески я ей сочувствовала. Даже представить не могу, как это тяжело – пережить смерть сына. Это не оправдывало, но до определенной степени объясняло поступки Сили. И сейчас, понимая и даже принимая ее поведение, я силилась побороть гнев, но он продолжал закипать во мне и рваться наружу.

«Пора исцелить старые раны», – напомнила я себе.

Сили выдержала мой взгляд.

– До встречи с тобой я не желала признавать, что творю. Потеря ребенка – ужасное, непоправимое горе. Такого и врагу не пожелаешь. Я была не в состоянии смириться с тем, что время Эджея истекло и Господь забрал его. – В ее глазах заблестели слезы. – Поэтому свалила всю вину на твою маму. Не могла иначе.

Олли завозилась на сиденье, и Натали торопливо сунула ей тарелку с картофельным пюре, горсть стручковой фасоли и детский стаканчик с молоком.

– Похоже, вы до сих пор не смирились, – ровным голосом возразила я. – Так вы верите, что это был несчастный случай, или нет?

– Неизвестно, что произошло в тот день, – повторила Сили.

Я плотно сжала губы, чтобы не сорваться.

– Сили! – предупреждающе произнес док.

– Помолчи, Джеймс. Я пытаюсь быть честной. Анна-Кейт, раньше я не допускала даже мысли о том, что это трагическая случайность. Теперь допускаю, но мне надо хорошенько все обдумать, а для этого нужно время. Я должна привыкнуть к тому, что все эти годы могла

ошибаться. Что я, возможно, кому-то навредила, когда искала виноватого.

«Допускаю». «Возможно». Эти слова больно кольнули меня, но не потому, что Сили не приняла невинность моей мамы на веру. Я осознала, что она права: никто не знает причин аварии. И все же не сомневалась: мама бы и мухи не обидела! Она вообще терпеть не могла насилие. Если на кого-то и злилась, то только на Линденов, но даже говоря о них, никогда не повышала голос.

– Мама никому умышленно не причинила бы зла. Если бы вы узнали ее получше, то сами бы поняли.

– Мы и так ее знали, – отмахнулась Сили. – Они с Эджем встречались три года.

Я резко втянула воздух.

– Вы видели в маме не ее саму, а лишь своего врага. Вы ее вообще не знали!

– Не делай из нее невинную овечку! – негодуяще набросилась на меня Сили. – Она нарочно тебя прятала, чтобы нам насолить. Злопамятность – не слишком хорошее качество.

– Ну вот мама и показала себя во всей красе. – Натали откинулась на спинку стула. – А я-то уж боялась, что сошла с ума. – И тихо пробурчала: – Это же надо – выйти босиком...

– Натали... – Док вздохнул.

– Что? – взъерепенилась она. – Босиком! Когда ты в последний раз видел, чтобы мама так расхаживала? Да никогда! Тапочки – и те почти не надевает. Даже дома носит туфли, причем на каблуках.

Сили возвела взор к потолку и, что-то пробормотав, обратилась к Натали:

– Прекратите, юная леди. Это мой дом. Как удобно, так и хожу.

Натали закатила глаза. Похоже, эта привычка осталась у нее с детства.

– Да, мэм.

Сили повернулась ко мне. Ее взгляд стал ледяным. Вот и проявился ее тяжелый характер, о котором предупреждала Натали.

– Если Иден желала нас наказать, спрятав тебя, то у нее получилось. Упущенных лет не вернуть.

– Так мы ни до чего не договоримся, – перебил ее док.

Стало жарко. Не сдержавшись, я вспылила:

– Что посеешь, то и пожнешь! Можете обвинять всех подряд, но это вы довели маму своей подлостью и жестокостью! Вы и сами все понимаете.

Сили сцепила руки и облокотилась на стол.

– Да, понимаю. Я любила сына и хотела для него самого лучшего. Родители всегда хотят лучшего для своих детей. И если для этого приходится проявить волю – что ж, так тому и быть. Иден была своенравной, упрямой, да и ее родители не внушали доверия. Мать – странная особа с замашками хиппи, а отец вообще неясно кто. Иден не нашего круга. Она бы никогда не прижилась в нашей семье. Ведь для этого надо иметь хорошую репутацию и вести себя подобающе. Ты представляешь Иден на собрании Молодежной лиги?

Док сокрушенно качал головой, будто ушам своим не верил, но в разговор больше не вмешивался. Я изумленно уставилась на Сили.

– По-вашему, вы делали маме одолжение, когда ее травили?

– Конечно, нет. Я объясняю, что Иден была словно с другой планеты. Поэтому она – не пара Эджею.

Я расслабила ладони и тут же снова сжала кулаки.

– Это не вам решать. Они с папой любили друг друга.

Сили все еще стискивала руки в замке. Пальцы побелели от напряжения.

– Разве родители не могут ошибаться? Они ведь тоже люди... Впрочем, я до сих пор уверена в собственной правоте насчет Иден. Без нее Эджей бы многого добился. Иден висела у него на шее, как балласт. И вот доказательство: это она вела машину в день аварии. Если бы Эджей не встретился с Иден, он был бы жив, не так ли?

– Это уж одному богу известно, – сквозь зубы процедила я.

– Тебе легко сидеть здесь и упиваться собственной правотой, – чуть мягче ответила Сили, откидываясь на спинку стула. – Ты понятия не имеешь, через что мне пришлось пройти... – Она обратилась к Натали: – И давай обойдемся без шуточек насчет того, что я босиком.

Натали резко закрыла рот.

Сейчас, когда Сили потеряла бдительность, я опять различила на ее лице боль и сожаление. Она продолжала:

– Скажи, Анна-Кейт, правильно ли Иден поступила, отлучив тебя от семьи? Скрыв от тех, кто полюбил бы тебя всем сердцем? Иден-то наверняка полагала, что так будет лучше. А сама ты как считаешь?

Мой взгляд скользнул по всем четверем Линденам и задержался на Олли, которая с аппетитом уплетала картофельное пюре. Ненависть, возникшая между двумя семьями после аварии, все эти годы только крепла, и нет ей ни конца, ни края.

– Я подумала, что, возможно, она совершила ошибку. Потому я и пришла сюда. Надеялась, что мы сможем забыть прошлое и все начать с чистого листа, но теперь вижу: это глупо. Корни нашей вражды слишком глубоки. – Я отодвинула стул и встала.

– Вовсе не глупо. – Док тоже поднялся. – Мы очень этого хотим.

– Мы же семья, Анна-Кейт, – добавила Натали. – В семьях иногда бывают ссоры. В нашей – так вообще постоянно. Мы можем сболтнуть или сделать что-то обидное, когда сердимся, но в глубине души все равно любим друг друга. Пожалуйста, не уходи. В наших силах все исправить.

На ресницах Натали заблестели слезы, и это едва меня не доконало. Тяжело было видеть ее в таком состоянии. Отчетливо вспомнились наставления Зи: «Прежде всего Хранительницы должны беречь любовь. Без нее все будет потеряно».

Наверное, надо бы сейчас прислушаться к ее словам, но я не могла избавиться от ощущения, что зря трачу время.

– А по-моему, нет, – отрезала я. – То, что случилось, невозможно изменить. Мы не сможем просто забыть о прошлом, ведь мы живем, дышим им. Оно перевернуло наши судьбы. Мы до сих пор лелеем гнев и обиду, да еще и подливаем масла в огонь. Ничего уже нельзя исправить.

– Нет, можно, – возразила Натали. – Я не сдамся.

Я бы хотела, чтобы она оказалась права. Ведь мое предназначение – исцелять и утешать. Но нет на свете такого бальзама, мази или настойки, которая уняла бы нашу душевную боль.

Сили тоже встала.

– Я согласна с Анной-Кейт: то, что случилось, невозможно изменить.

– Мама!.. – запротестовала Натали.

Сили жестом остановила ее.

– Прошлое неизменно. А вот люди меняются. Увидев тебя, Анна-Кейт, я осознала, какой же упрямицей была все эти годы. Очевидно, у нас с Иден больше общего, чем я полагала. Может, я заблуждалась на ее

счет. Ведь не встречайся она с Эджем, у нас бы не было тебя. Если бы я могла вернуться в то время, я бы обязательно постаралась узнать твою маму получше. Увы, это невыполнимо. Зато будущее в нашей власти. Я в своей жизни ошибалась, причиняла людям боль и горько об этом сожалею. Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь.

Слушая ее, я отчаянно вцепилась в спинку стула. Разумеется, Сили верила в то, что говорила, но я сомневалась, что у нее получится все наладить. Ей ведь уже за семьдесят. Всю жизнь она так строго придерживалась правил приличия и морали, что даже не позволяла себе ходить босиком по собственному дому. Разве она способна сейчас отказаться от старых, давно укоренившихся привычек?

– Спасибо, я ценю вашу готовность начать все заново. Просто... – Все мои чувства смешались. Я и сама не понимала, что испытываю. – Просто мне нужно время.

– Мы всегда будем тебе рады. И приглашение на семейные воскресные обеды остаются в силе, – добавил док.

Мой взгляд упал на Олли. Девочка приветливо заулыбалась мне и помахала рукой, случайно выронив стручок.

– Анкей! Пливет-пливет!

Она начала звать меня так, потому что еще не выговаривала мое имя. Сердце словно расколосось пополам. Я помахала ей в ответ.

– Привет, Олли.

Наблюдая за тем, как она играет с разложенной на тарелке фасолью, я вдруг осознала: малышка окружена любовью и радостью, получает их в избытке и щедро делится со всеми, даже с посторонними. Олли пока не знает, что такое ненависть, в том числе между членами семьи. И хорошо, если так и не узнает.

Скоро я покину Уиклоу, но необязательно везти с собой обиду на Линденов, как старое лоскутное одеяло. Пора сделать выбор: либо исключить Линденов из своей жизни раз и навсегда, либо исцелить наконец старые раны, как я и планировала.

Сглотнув комок в горле, я пообещала:

– Я вернусь. Когда-нибудь. Мне надо разобраться в себе.

– Мы будем ждать, – серьезно произнес док.

Сили молча кивнула.

Я чуть ли не бегом кинулась к дверям.

Надеюсь, я не напрасно решила продолжить общение с Линденами. В этом я была не слишком уверена, но по дороге домой, греясь в лучах яркого солнца и вдыхая влажный воздух, мельком заметила, что моя походка стала как будто легче.

На следующее утро, закончив рассказывать растущим у гравиевой дорожки кабачкам о моем вчерашнем визите к Линденам, я вместо того, чтобы собирать урожай и полоть грядки, скинула обувь и принялась придиричиво разглядывать свои ноги.

Голубой педикюр слегка облупился. Лодыжки, как обычно, сильно выпирали. Собственные ноги всегда казались мне чересчур тощими, несмотря на мамины уверения, что они абсолютно нормальные. Стопы были перепачканы влажной от росы землей, а сверху белели две незагоревшие полоски кожи в форме галочки – сразу видно, что я предпочитаю носить шлепанцы.

Я опустилась на землю и распрямила колени, прислушиваясь к пению птицы, сидящей на каменной скамейке в центре сада. Кажется, это чибис. Потом, подтянув ноги к себе, соединила ступни и, стараясь побороть нахлынувшее чувство вины, зажмурилась.

– Анна-Кейт? Тебя так утомила прополка или ты медитируешь?

Я подняла голову и увидела склонившегося надо мной Гидеона. Судя по заспанным глазам и взлохмаченной шевелюре, он только что встал. Одет Гидеон был в мятую футболку, шорты и спортивные сандалии. Обычно по будням перед работой он отправлялся на велосипедную прогулку.

– Не слышала, как ты подошел.

– Ну, либо у меня грациозная, летящая походка, либо ты очень глубоко задумалась, – заявил Гидеон, опускаясь рядом. – На спор я бы выбрал второе.

Я отметила, что у него красивые ноги, аккуратно подстриженные, чистые ногти и заживающая царапина у правого колена.

– А ты любитель спорить?

Он внимательно прищурился.

– Сегодня – да. Ты же не медитировала? Если что, могу зайти попозже.

– Я вообще не медитирую. Пробовала однажды, но не получилось. Стоит мне сесть и начать равномерно дышать, и в голову лезет всякая чепуха: как готовить кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы? Почему земля круглая? Из-за чего умер Элвис Пресли? И

прочие глупости. – Я вытянула ноги. – То же самое происходит и во время занятий йогой. Не могу сосредоточиться.

– Если хочешь, давай вместе отправимся на велосипедную прогулку или в поход. Это отличный способ проветрить мозги.

– Может быть.

Мельком взглянув на свой облупившийся педикюр, я посмотрела на шелковицы. Их ветки низко опустились под тяжестью налившихся соком ягод и утренней росы. Вчера я всплакнула, слушая пение черных дроздов. Как жаль, что мне не суждено получать от них послания.

– Анна-Кейт? – Гидеон подтолкнул меня локтем. – У тебя точно все в порядке?

Не знаю, почему он спросил. Вообще-то я умею скрывать свои чувства. Однако его янтарные глаза были полны тревоги и заботы, поэтому я сразу выложила, что меня беспокоило:

– Я люблю ходить босиком.

– Так? – медленно, с вопросительной интонацией протянул Гидеон.

– Ты часто ходишь босиком?

Наклонившись вперед, он облокотился на колени.

– Постоянно. А что?

Я сорвала с некогда хилого побега очередной упругий кабачок. Растение уже давно оправилось, листья выросли величиной с тарелку, и я едва поспевала собирать урожай.

– Есть один человек, который никогда не ходит босиком даже у себя дома, потому что ему с детства внушали правила приличия. – Я снова принялась изучать собственные ноги, но перед глазами стоял розовый педикюр Сили.

– Конечно, это старомодно и немного грустно, но ничего страшного. Не стоит так переживать.

А я переживала. Очень. Хотя изо всех сил пыталась избавиться от этих размышлений и не думать, как же сильно воспитание влияет на человека, если, даже дожив до семидесяти лет, он все равно не смеет ходить босиком, потому что это – недопустимо.

Иначе я была бы вынуждена признать, что люди, с детства привыкшие к строгим правилам и нормам морали, ни за что не снизили бы к тем, кого считают неровней. В том числе – к дочери свободомыслящей владелицы кафе, пусть даже эта девушка встречается с их сыном. Им бы в голову не пришло узнать ее получше. Ну

разумеется, они бы обращались с ней вежливо и любезно, но близко к себе не подпускали. Так уж они воспитаны. Они были бы уверены, что скоро сыну надоест эта девица и он найдет себе более достойную партию из их круга, которая ни за что бы не стала расхаживать босиком.

– Извини, зря я тебя этим нагрузила. Я просто... не выпалась. Мысли какие-то дурацкие лезут... И я еще не успела выпить кофе. Как насчет чашечки? – Я встала и, нацепив шлепанцы, протянула Гидеону руку.

Помедлив, он сжал мою ладонь и легко вскочил на ноги.

– Если тебе надо выговориться, Анна-Кейт...

– Спасибо, Гидеон. – Он не отпускал мою руку, и я осторожно вызволила ее сама. – Может, что-то посущественней?

– Нет, только кофе.

Он поднялся по ступенькам и галантно распахнул передо мной дверь.

Я быстро сполоснула руки, и все пошло своим чередом.

– Какое сегодня блюдо дня? – поинтересовался Гидеон.

На прошлой неделе я начала ежедневно готовить новое угощение: эксперименты с рецептами доставляли мне удовольствие. Я бы с радостью с утра до вечера занималась кулинарией, но три повара на одной кухне – это перебор.

– Омлет «Фриттата» с колбасой и черемшой.

– С черемшой? Ты прямо настоящая южанка!

– Да нет, просто я наткнулась на нее позади бабушкиного сада и решила: не пропадать же добру. Она вкусная. Так что я собираюсь использовать ее почаще, пока на нее сезон. – Я наморщила нос. – Интересно, растет ли черемша в Массачусетсе?

– Ого, такими темпами ты скоро начнешь варить и традиционную южную кашу из кукурузы с листовой капустой.

– Я и так ее иногда варю. Меня мама научила, когда я была маленькой. Можно увезти человека из Уиклоу, но этот город навсегда останется в его сердце.

Особенно это касается женщин из рода Кэллоу.

– А я предупреждал, – кивнул Гидеон. – Уиклоу затягивает и потом не отпускает.

Я сжала ручку кофейника.

– Почему-то в твоих устах это звучит как предостережение, даже когда ты шутишь.

Гидеон отпил кофе и улыбнулся.

– Правда?

– А что, нет?

– Это как посмотреть.

– В смысле? – Я поставила кофейник на электрическую плитку.

– Зависит от того, чего ты сама хочешь.

Через окно я заметила, что орнитологи уже проснулись и теперь прогуливаются по двору. Закарайа Бойд, сэр Птицелюб, собирал в пакет брошенный кем-то мусор. Вероятно, Уиклоу затянул и его.

– Кстати, а ты хочешь?

Я поглядела на него через плечо.

– Что?

– Чтобы тебя затянуло и не отпустило?

В его голосе мне послышались заигрывающие нотки. Я повернулась к Гидеону. Он стоял, скрестив ноги, облокотясь на столешницу, и спокойно попивал кофе. Его выдали глаза: они обдавали жаром, словно раскаленная лава.

В груди разгорелось незнакомое чувство, и я постаралась заглушить его. Лучше с Гидеоном не сближаться.

– Я имею в виду Уиклоу, – тихо добавил Гидеон.

– Уиклоу? – разочарованно переспросила я и принялась рассовывать по отдельным вазочкам пакетики с сахаром. – Придется ему обойтись без меня. В конце июля я уезжаю.

Поставив чашку с кофе на стол, Гидеон насыпал в нее сахара.

– Значит, это предостережение.

– Приму к сведению. – Я тоже отпила кофе. – Извини за пятничную драму. Неудобно получилось.

После той ужасной сцены с Сили мы торопливо собрали вещи, в молчании вернулись в кафе и неловко распрощались. Только позже я осознала, что даже не успела распаковать сладкий ежевичный чай до того, как все пошло наперекосяк. Если бы это было свидание, я бы назвала его провальным.

Мы одновременно схватили один и тот же пакетик с сахаром, и наши пальцы соприкоснулись. Взглянув друг на друга, мы поспешно отдернули руки.

– Ерунда. Без семейных драм было бы скучно.

Семейных...

– Пожалуй, ты прав.

Он посмотрел на надписи под потолком.

– Кстати, насчет семьи. Странно, что Зи никогда о тебе не упоминала.

– Мне она тоже ни про кого из Уиклоу не говорила. А что, у нее были причины рассказать тебе про меня? Помимо вашей дружбы? – У меня создалось впечатление, что были.

– Ну да. Если учесть...

– Что учесть?

Гидеон собирался ответить, но его прервал громкий стук. Я ожидала увидеть за окном мистера Лейзенби. Но это была Пебблз.

– Как много тут гостей с утра пораньше, – рассмеялся Гидеон. – Мне начинает казаться, что город тебя не держит, а сам держится на тебе.

Я улыбнулась.

– Ладно, я пойду. – Гидеон направился к двери из проволочной сетки.

– Может, останешься? Пебблз, наверное, ненадолго.

– Не могу: велосипедная прогулка ждет.

– Ну хорошо.

Гидеон вышел, а я открыла дверь Пебблз.

– Он очень мил, правда? – с хитрой улыбкой заметила старушка.

– Да? – как можно невиннее перепросила я. – Что-то не замечала...

Пебблз усмехнулась. Она явно видела меня насквозь.

– Вы, конечно, удивлены, что я зашла так рано?

– Конечно. Что-то случилось?

Пебблз с подозрением огляделась.

– Хотела попросить вас об одолжении.

Я посторонилась.

– Проходите.

Спустя пару часов я подошла к мистру Лейзенби – подлить кофе. Сегодня на нем была классическая рубашка с короткими рукавами и галстук-бабочка в черно-белый горошек. Как обычно, мистер Лейзенби сидел в дальнем конце общего стола, рядом с Фейлин и напротив Пиблз, и все утро надсадно кашлял.

– Давайте я принесу вам что-нибудь от кашля, мистер Лейзенби? – предложила я, когда он в очередной раз закашлялся, прижимая к губам платок. – От лекарственного чая из корня лакрицы вам сразу станет легче. Он помогает очистить легкие.

– Не надо мне никакого чая, – убрав платок, отказался мистер Лейзенби. – Со мной все в порядке, просто вчера косил газон и надышался пылью, вот сегодня и саднит в горле.

Я заметила, что он не съел ни кусочка пирога «Черный дрозд». Только разломал его, раздавил все ягоды и раскрошил корочку. Зато с яичницей и картофельным пюре мистер Лейзенби расправился быстро, значит, не так уж сильно он болен.

– Вам не понравился пирог?

В его слезящихся глазах отразилось недовольство.

– Да, мэм. В нем голубика.

– Правильно, она поспела на прошлой неделе, и я испекла пирог по новому рецепту, с начинкой из ягодного ассорти: голубики, ежевики и малины.

– Напрасно. От добра добра не ищут! Я терпеть не могу голубику, а Джина сказала, что пироги с нормальной начинкой уже распроданы.

– Ничего, Отис, проживешь денек без пирога, – прервала его Фейлин и повернулась ко мне: – Не обращай на него внимания, лапонька. Не стоит убирать пирог из меню. Всем остальным он пришелся по душе, так? – Она поднялась и громко спросила: – Пирог с ягодным ассорти просто вкуснятина, верно?

Посетители кафе согласно загудели, а Фейлин уселась обратно и, постелив на колени салфетку, взяла чашку с кофе.

– Вот видите!

Я улыбнулась. Фейлин всегда идет напролом.

– Не говори, чего не знаешь. Ты пирог даже не пробовала. С чего ты взяла, что это вкуснятина? – выделив последнее слово, передразнил ее мистер Лейзенби.

– Ну, я пробовала и могу сказать, Анна-Кейт, что пирог получился – пальчики оближешь, – вмешалась Пebbлз. – Никогда ничего вкуснее не ела.

Мистер Лейзенби возмущенно насутился.

– Не надо на меня так смотреть. Небольшие перемены еще никому не помешали, – заявила Пebbлз и поднесла к губам чашку, манерно оттопырив мизинец.

– А мне мешают! – рявкнул мистер Лейзенби.

Пebbлз отодвинула чашку и гневно уставилась на него.

– Держи свое плохое настроение при себе и не смей отыгрываться на Анне-Кейт! Она с ног сбивается, чтобы всех обслужить. Еще не взяла ни одного выходного. Где же твоя благодарность? Если тебе нужен пирог с какой-то конкретной начинкой, почему ты пришел не к открытию, а на два часа позже? Да к этому времени пирогов могло вообще не остаться!

Закончив отчитывать мистера Лейзенби, Пebbлз энергично кивнула головой. Ее высокая прическа «улей» качнулась, и я даже испугалась, что она сейчас развалится, но Пebbлз, видимо, пользовалась каким-то особым лаком для волос.

В ответ на мой выразительный взгляд Пebbлз невинно похлопала ресницами.

Разумеется, она была в курсе, во сколько мистер Лейзенби появился в кафе. Она-то как раз с самого открытия сидела здесь, сжимая чашку кофе, и в ожидании мистера Лейзенби нетерпеливо поглядывала на дверь.

А еще Пebbлз прекрасно знала, куда делись все пироги с другой начинкой: она сама их скупила, чтобы якобы из гостеприимства угостить своих постояльцев-орнитологов. Навешала мне на уши лапшу, мол, она очень ценит дополнительный доход, который от них получает, тем более что скоро пора будет платить налоги, и хочет сделать им приятное. Но теперь-то я понимаю: Пebbлз просто не желала, чтобы пирог достался мистеру Лейзенби. Наверняка ей известно, что он терпеть не может голубику, поэтому она и не стала покупать пироги с ягодным ассорти.

Пebbлз улыбнулась мне и спокойно отпила кофе. Вот хитрюга!

– На два часа позже? – переспросила Фейлин. – Отис, на тебя это не похоже. Ты что, проспал? Или уговорился с кем-то повидаться? Или

потерял кошелек? А может, заплутал и очутился на другом конце города?

– Я заблудился всего однажды, потому что на меня так подействовало новое лекарство от аллергии, – возмутился мистер Лейзенби. – И хватит припоминать мне тот случай.

Прислушиваясь к их разговору, я подлила кофе посетителям за соседним столиком. Мне тоже показалось странным, что мистер Лейзенби, вопреки обыкновению, явился в кафе к десяти, но я так закутилась, что даже не задумалась, почему он припозднился.

– Стало быть, сегодня приключилось что-то другое? – переспросила Фейлин.

Мистер Лейзенби окинул ее уничижительным взглядом, но Фейлин не смутилась.

– Да, – неохотно буркнул он, гоня по тарелке сочные ягоды.

Мне пришлось отойти, чтобы поменять опустевший кофейник на новый, убрать со столика на двоих грязную посуду и протереть его. Я очень торопилась, чтобы не пропустить продолжение беседы.

– Сгораю от любопытства, – заявила Пebbлз. – Что же тебя задержало?

Мистер Лейзенби отложил вилку и вздохнул.

– Вообще-то, вас не касается, ну да ладно. Розмари велела мне не появляться в кафе раньше девяти.

Пebbлз, застонав, откинулась на спинку стула и закатила глаза. Правда, кроме меня, никто этого не заметил.

Фейлин погладила мистера Лейзенби по руке.

– Помоги тебе бог.

Собирая с их столика грязные тарелки, я беспардонно встряла в разговор:

– Розмари?

– Моя жена, – печально пояснил мистер Лейзенби.

Покойная жена.

– Значит, Розмари попросила вас прийти на два часа позже?

– Так и есть. – Старик напрягся. – А что?

– Просто... мне казалось, что послания с того света более... – Я замешкалась, подыскивая нужное слово.

– Задушевные? – подсказала Фейлин.

– Ну да. Я всегда считала, что умершие с помощью черных дроздов выражают близким свою любовь. – Я указала на надпись под потолком. – Под полуночным небом песни черных дроздов нам подарят любовь...

– Что такое любовь? – возразила Фейлин, почти в точности повторяя слова Обина Павежо.

Мы с ним не виделись с тех пор, как я зашла передать пирог для Саммер. За это время я успела пристраститься к ежевичному чаю.

– Как-то раз Гарольд через дроздов напомнил мне заплатить налоги, – поделилась Фейлин. – А когда в машине заклинило двигатель, битый час ворчал, что надо в срок менять масло. Как по мне, его совет пришелся бы кстати до того, как мотор поломался, а не после. Хотя не мне судить, какими должны быть послания с того света. – Она прижала чашку к подбородку и вздохнула. – Гарольд переживал, как бы меня не выселили из дома или машина не взорвалась. Он всегда обо мне заботился. Так он проявлял свою любовь.

– Это, конечно, мило, но я не припомню случая, чтобы вы заказывали пирог «Черный дрозд». Больше не хотите получать послания?

– Я уже давненько отказалась от пирогов. Было бы славно еще раз влюбиться, а если продолжу поддерживать связь с Гарольдом, если не распрощаюсь с ним, ничего не выйдет. Прошое лучше оставить в прошлом, понимаешь?

– Нет! – Мистер Лейзенби стукнул кулаком по столу. – Я не готов ничего оставлять!

Фейлин подтолкнула его локтем.

– Разве тебе неохота снова влюбиться? Найти кого-нибудь, кто скрасит твою старость?

– Уже нашел! Розмари.

Пебблз тихо застонала. Я думала, что кроме меня ее никто не услышал, но тут мистер Лейзенби украдкой покосился на нее, и я задалась вопросом: может, в душе он догадывается о ее чувствах?

– И пусть Розмари любит иногда покомандовать... – продолжал он.

– Не иногда, а постоянно! – перебила Пебблз. Ее голос взлетел на целую октаву. – Она только и делает, что командует! Постригись, прополи клумбы, выброси просроченное печенье, приходи в церковь пораньше, следи за холестерином, ешь больше овощей и меньше

конфет... – Она пальцем смахнула стекающую по чашке каплю кофе. – И Отис всегда ее слушается. Всегда!

Пебблз сжала губы, словно боясь не сдержаться и высказать все, что думает об отношениях супругов Лейзенби. И правильно сделала: мистер Лейзенби до того рассердился, что ему было наплевать на мнение Пебблз.

– Почему бы и нет? Розмари плохого не посоветует! – Старик сунул мне в руки тарелку с пирогом. – Уберите, пожалуйста. Голубика! Ну и гадость!

Фейлин встала.

– Мне пора. Внучка ждет. Выше нос, Отис! Завтра будет новая партия пирогов. – С этими словами она оплатила счет и, помахав нам, исчезла за дверью.

Мистер Лейзенби вновь зашелся в приступе кашля.

– Может, все-таки заварить вам лекарственный чай? – снова предложила я. – Это быстро.

– Не надо. – Он швырнул на стол салфетку и десятидолларовую купюру. – Пойду домой. Буду очень признателен, мисс Анна-Кейт, если вы завтра придержите для меня кусочек яблочного пирога.

Пебблз энергично замотала головой. Ее «улей» опасно закачался.

– Анна-Кейт придерживает пироги только для членов семьи, забыл?

Мы с мистером Лейзенби не были связаны кровными узами, но он успел стать для меня почти родственником. Кем-то вроде ворчливого дедушки.

– Черт побери! – рыкнул мистер Лейзенби.

– Да, но я решила не продавать пироги оптом, – вмешалась я. – Так что приходите завтра в любое время. Выбор будет большой.

Пебблз надулась, а мистер Лейзенби просиял.

– Очень признателен. Увидимся утром.

И он вышел из кафе.

– Если хотите быть с ним, придется подождать, – обратилась я к Пебблз. – Он должен сам принять решение.

Пебблз, потупившись, устала в чашку.

– Уже столько лет прошло, Анна-Кейт. Сколько еще ждать?

К сожалению, этого я не знала.

Журналист наблюдал за пожилой женщиной, сидящей за соседним столиком. Она сжимала шариковую ручку и смотрела в тетрадь в кожаной обложке, но ничего не писала, будто пыталась отыскать подходящие слова. Перед ней стоял нетронутый стакан чая со льдом. Его стенки запотели, и капли воды стекали на подложенную салфетку.

Журналист отметил целеустремленный взгляд, упрямый подбородок, крепко стиснувшие ручку побелевшие пальцы. Похоже, эта женщина привыкла повелевать. Она явно обладала железной волей. Это было видно по ее осанке: голова гордо поднята, плечи расправлены, спина выпрямлена.

Словно что-то почувствовав, женщина обернулась на него и прищурила холодные как лед голубые глаза. На лице промелькнула досада из-за того, что ее оторвали от раздумий.

– Вы тоже пишете статью о черных дроздах? – спросил журналист, стараясь скрыть любопытство.

– Нет, – немного смягчившись, ответила та. – Если уж вам интересно, я пытаюсь переписать собственную жизнь.

Натали

В четверг я бежала по тротуару, и волосы, забранные в хвост, хлестали меня по шее. Подождав, пока прервется поток машин, я оглянулась по сторонам и рванула к поросшей травой разделительной полосе, заставленной палатками, стульями и гамаками.

Джош Колбо строго внушал двум приезжим, что палатку необходимо перенести туда, где безопаснее. Кажется, он еще долго провозится, сгоняя туристов с насиженных мест.

Я помахала ему рукой и, убедившись, что поблизости нет машин, помчалась через дорогу ко «Всякой всячине».

– Переходить надо по зебре, Натали! – прогремел сзади голос Джоша.

– Извини! – обернувшись через плечо, крикнула я и успела заметить, что туристы начали покорно собирать вещи, очевидно не

желая сердить Джоша. Эти любители птиц – не дураки.

Толкнув дверь, я шагнула во «Всякую всячину». Надо мной звякнул колокольчик. От вышитых ароматических подушечек пахло хвоей.

На мгновение я замерла, давая глазам привыкнуть к царящему в магазине полумраку. Однако надо торопиться: перерыв скоро закончится, обидно будет опоздать. Анна-Кейт, конечно, не рассердится, но я ответственно отношусь к работе.

Магазинчик открылся всего пятнадцать минут назад, но уже был набит до отказа. Посетители переговаривались между собой. У кассы выстроилась очередь из трех человек. Не желая отрывать Марси от дел, я жестами показала ей, что оставлю пакет с повязками, галстуками-бабочками и бантами за прилавком. В том же пакете находился и прейскурант, основанный на ценах, по которым Марси продала предыдущую партию товара.

Я собиралась подойти к прилавку, но тут заметила у витрины с гончарными изделиями Кэма и направилась к нему.

Кэм вешал на стену фотографию в рамке. Ривер, лежавший у его ног, узнал меня и забил хвостом по деревянному полу. Я приблизилась, чтобы получше разглядеть снимок.

На залитой лунным светом поляне порхали светлячки. Фотография казалась одновременно и темной, и яркой; и радостной, и печальной. Она завораживала.

– Очень красиво! – похвалила я.

– О господи! – Подскочив от неожиданности, Кэм едва не сшиб меня с ног. Я пошатнулась, и он вынужден был подхватить меня.

– Прости, – выдохнула я, еле удержав равновесие. – Не хотела тебя пугать.

– Нет, нет. – Кэм стиснул мои плечи. – Я сам виноват. Теряю сноровку.

Его глаза затуманились печалью. Я заметила, что он тяжело дышит и слегка дрожит.

Ривер, вскочив, толкнул Кэма лапами и заскулил.

– Сноровку? – недоуменно переспросила я.

– Когда-то меня учили всегда быть начеку, чтобы никто не смог подкрасться незаметно. – Кэм наконец разжал хватку и, словно извиняясь, похлопал меня по плечам.

– Боже мой, Кэм, мне так жаль... Я не подумала... – При мысли о том, что ему пришлось вынести на военной службе, сердце заныло.

– Все в порядке, Натали. Просто сложно избавляться от старых привычек.

– У тебя правда все хорошо?

Глаза Кэма постепенно прояснились, и Ривер снова лег, положив голову на лапы.

– Правда. А у тебя?

– Нормально. Накатывает иногда, но быстро проходит, – честно призналась я.

– Понял. – Кэм вытащил еще одну фотографию в раме. – Подбросить тебя сегодня в Форт-Пейн?

– Спасибо, папа обещал одолжить мне свою машину, – с сожалением отказалась я.

Кэм повесил фотографию на приклеенный к стене крючок.

– Обязательно проверь, нет ли под капотом гнезда.

– Проверю, – улыбнулась я, рассматривая фото.

На нем был запечатлен олень, пьющий воду из озера, куда стекал небольшой водопад. Обычно водоемы меня пугают, но этот снимок, наоборот, действовал умиротворяюще.

– Это где?

– В горах, рядом с моим домом. Вдали от цивилизации.

– Неудивительно, что тебе там нравится. Очень спокойное и уютное место.

– Ты даже не представляешь насколько. Если хочешь, мы с Ривером с удовольствием покажем наши края тебе и Олли, – предложил Кэм. Услышав свое имя, пес завертел хвостом. – Только никому не говори, как туда добраться. Иначе приезжие всем скопом нагрянут к водопаду и заблудятся в лесу.

Неожиданно я ощутила непреодолимое желание побывать в этом уголке, у озера. Почувствовать, каково это – жить там. С другой стороны, идти в поход в горы с маленьким ребенком, должно быть, очень тяжело. К тому же я боюсь воды...

– Возможно, как-нибудь потом. – Я взглянула на часы. – Мне пора. Перерыв вот-вот кончится.

– Рад был тебя видеть, Натали. Может... – Оборвав себя на полуслове, Кэм отвернулся.

– Что?

– Ничего, ерунда.

– Точно?

Кэм кивнул.

– Ну тогда до скорого. Пока, Ривер. – Я потрепала пса по голове, и тот лизнул мою руку. Наверное, снова учуял бекон.

Повернувшись к прилавку, я вдруг заметила двух женщин в дальнем углу магазина и засомневалась, нет ли у меня галлюцинаций. Неужели мама действительно стоит здесь и болтает с Фейлин Уиггинс? Точнее, болтает Фейлин. А мама внимательно слушает.

Я огляделась в поисках Олли, за которой Фейлин обещала сегодня присмотреть, но дочери нигде не было. Забеспокоившись, я поспешила к ним, лавируя между витринами, словно профессиональный барьерист.

– Натали! – Фейлин расплылась в улыбке. – Не ожидала тебя здесь повстречать.

Около нее стояла двухместная коляска, а в ней, держась за ручки, посапывали Олли и Линди-Лу. Я облегченно улыбнулась.

– Правда, они ангелочки? – Фейлин кивнула на девочек.

– Безусловно. – В уголках маминых глаз лучились морщинки. Она осторожно убрала с личика безмятежно спящей Олли прядь волос и повернулась ко мне. – Доброе утро, Натали. А почему ты не на работе?

Кто эта женщина, которая так мило улыбается, и что она сделала с Сили Эрл Линден? Всего неделю назад она вообще со мной не разговаривала из-за того, что я доверила дочку не ей, а Фейлин. А сегодня, столкнувшись с ней лицом к лицу, ведет себя как ни в чем не бывало.

– Решила в перерыве занести во «Всякую всячину» шитье.

– Марси уже распродала все вещицы, которые ты приносила в понедельник. Они вообще не задерживаются на полках. Расходятся как горячие пирожки: раз – и нет! Поди, можно уже добавлять в ассортимент одежду для взрослых и одеяла! – Фейлин рассмеялась. – Да что там, тебе впору открывать собственный магазин. Только Марси – ни слова, что это я посоветовала. Кстати, я видела, как вы с Кэмом беседуете. Оба такие серьезные... Все хорошо?

Уследить за ходом ее мыслей было непросто: Фейлин так шустро перепрыгивала с темы на тему, что у меня голова шла кругом.

– Да, нормально. Я подошла полюбоваться фотографиями.

– Кэм? Тот, который живет в горах? – Мама вытянула шею, пытаюсь получше рассмотреть его.

– Да, мама. У него там домик.

– Вы же с ним не... – Она запнулась.

Фейлин, выгнув бровь, подхватила:

– Я слышала, недавно вы сидели в обнимку на скамейке, а в пятницу так мило ворковали перед кинопоказом...

Мама пораженно уставилась на меня. Я почувствовала, что краснею.

– Мы не сидели в обнимку. У меня случилась паническая атака, и Кэм мне помог.

– Помоги тебе господь! Хорошо, что Кэм оказался рядом. Он славный. Один из лучших! – Фейлин понизила голос. – Его жена сбежала с мастером-телевизионщиком, пока Кэм служил за границей. Разбила ему сердце. Сдается мне, тронулась умом: пусть мужа часто не было дома, от таких, как он, не уходят. Мужчины, как Кэм и Джош, на дороге не валяются. – Она прицокнула языком.

Я с состраданием обернулась на Кэма. В груди заныло. Я слышала, что его брак не удался, но подробностей не знала.

Мама окинула Кэма скептическим взглядом, однако не стала озвучивать своего мнения о нем, за что я ей была благодарна.

– Как по мне, Натали, вы с ним – прекрасная пара, – заявила Фейлин, изучая собственный маникюр. – Ты бы поразмыслила над моими словами... Хорошенько поразмыслила.

– Спасибо, Фейлин, но я пока не готова к новым отношениям, – торопливо ответила я.

Она погладила меня по плечу.

– Понимаю, лапонька. И все-таки любовь может объявиться неожиданно. Так что не пугайся, если она вдруг возьмет да и загорится в твоей душе.

– Любовь? – Мама презрительно фыркнула. – Натали знакома с этим человеком всего неделю.

– Вообще-то три, – поправила я.

– Любовь не приходит по расписанию, – подытожила Фейлин.

– Боже милостивый! – Мама возвела глаза к потолку.

Я ожидала от нее более бурной реакции. Такого, как Кэм, разведенного и бородатого, она бы даже на порог не пустила, не то что

в семью. Однако, к моему удивлению, мама оставила свои соображения на этот счет при себе.

– Дай-ка глянуть, что ты принесла, Натали. – Фейлин указала на мой пакет. – Хочу первая выбрать аксессуарчики для Линди-Лу, да побольше. Могу себе позволить. Я же теперь сдаю комнаты приезжим, и они неплохо платят. А когда уедут, тут же найду новых жильцов. Дай бог здоровья этим туристам!

– Оливия-Ли остается в доме, где полным-полно посторонних? – переспросила мама, вне себя от гнева и возмущения.

– Успокойся, Сили. Я присматриваю за девочками дома у Марси и Джоша. Думала, ты знаешь.

– Впервые слышу. – Мама выразительно приподняла бровь.

Это меня не смутило: я бы ей сказала, если бы она не устроила мне бойкот.

Мама поджала губы.

– Тем не менее, Фейлин, как ты могла пустить к себе незнакомцев?

– Тут нет ничего зазорного. Считаю, я открыла маленькую гостиницу. Собираюсь разместить информацию на сайте для поиска съемного жилья «Эйрбиэнби», чтобы сдавать комнаты, так сказать, официально. – Фейлин пальцами изобразила в воздухе кавычки.

Мама прищурилась, всем своим видом выражая порицание.

– Разве не нужно сначала получить разрешение на сдачу помещений?

Фейлин подбоченилась.

– Нет, мэм, я все разузнала. В Уиклоу по части аренды нет никаких правил, хотя если так и дальше пойдет, скоро появятся. Единственное, что от меня требуется, – платить в срок налоги... Ох, только взгляни, какие пинеточки! Что за прелесть!

– Правда? – обрадовалась я. Чудесный предлог сменить тему! – Я наткнулась на эту винтажную ткань в комиссионном магазине в Монтгомери и сразу же купила.

Мама заглянула в пакет.

– Что это?

– Вещи на продажу. – Я коротко рассказала о своей договоренности с Марси.

Мама достала из пакета детский фартучек, изучающе повертела его в руках и наконец произнесла:

– Изумительная работа, Натали. Замечательно подобран принт: изображение уточек привлекательно и всегда в моде. Очень аккуратные швы. А полосатая окантовка – прекрасное украшение.

Фейлин похлопала маму по спине.

– Ну, Натали ведь училась у лучшей рукодельницы. Да, Натали?

– Так оно и есть.

Мама удивленно взглянула на меня, словно сомневаясь, не ослышалась ли. И готова поклясться, она покраснела.

– Нет, просто у Натали настоящий талант, – возразила мама. – Я понимаю, почему твои изделия так быстро раскупают. И согласна с Фейлин: тебе пора расширять ассортимент. Может, стоит сшить что-нибудь подороже?

Фейлин вытаращилась на маму. Я, наверное, со стороны смотрелась не менее изумленной. Раньше мама полностью приписала бы эту заслугу себе и хранила бы ее, как тайно припрятанную шоколадку.

– Спасибо, мам. Возможно, я когда-нибудь действительно стану мастерить что-то еще.

– Обязательно скажи, если примешься за платья, – попросила Фейлин. – Я первая прибегу за нарядом для Линди-Лу.

Мама покосилась на пакет в моих руках.

– Но, наверно, следует...

Ну вот, она снова превратилась в придирчивого, вечно все критикующего диктатора. Я даже почувствовала что-то вроде облегчения. По крайней мере, теперь я снова понимаю, как с ней себя вести. А до этого терялась в догадках.

– ...выбрать более подходящий способ достав... – Мама вдруг оборвала себя на полуслове и захохотала.

Фейлин, удивленная не меньше моего, поинтересовалась:

– Сили, все в порядке?

– Да-да, в полном. Натали, поступай, как тебе удобно. Не обращай на меня внимания, ладно?

Я кивнула, не веря своим ушам. Хотя до конца перерыва оставалось всего несколько минут, меня так и подмывало выяснить, о чем мама и Фейлин разговаривали. Ведь раньше я крайне редко видела их вместе. Точнее, никогда.

– Кстати, что вы тут делаете?

– Ой, я просто рассказывала об Иден, – отозвалась Фейлин. – Я чуть не упала, когда Сили подошла и начала о ней расспрашивать. Не о ком-нибудь, а об Иден Кэллоу! Кто бы мог подумать? Я – уж точно нет!

Я заметила в маминых глазах смешинки и уверилась, что папа ошибся. Она явно сидит на каких-то лекарствах. Я ни разу в жизни не видела, чтобы ее позабавила болтовня Фейлин.

– Об Иден? – повторила я.

Мама нервно сжала жемчужные бусы.

– Я решила все же выяснить, каким человеком она была.

– Лучше поздно, чем никогда, – кивнула Фейлин.

– А единственный способ это устроить – побеседовать с ее приятелями и знакомыми. – Мама отпустила бусы и добавила: – Но мне не повезло. Похоже, Иден держалась довольно замкнуто.

Фейлин щелкнула пальцами.

– Кстати, моя кузина Мэри-Бет училась с ней в одной школе. Может, она вспомнит про Иден еще что-нибудь.

– Спасибо за помощь, Фейлин.

– Ах да! – спохватилась Фейлин. – Непременно потолкуй о ней с Обином Павежо. Он, верно, знал Иден лучше всех. После Эджея, разумеется.

У мамы вытянулось лицо. Она поджала губы. В детстве Эджей и Обин очень близко дружили – к маминому огромному неудовольствию. Обин, родители которого перебрались в Уиклоу из деревни, был, по ее мнению, совершенно неподходящей компанией для отпрыска Линденов. Однако каким-то непостижимым образом Эджей отвоевал право самому выбирать друзей.

Я ждала маминого ответа, гадая, насколько она готова отойти от своих убеждений и принципов.

– Буду иметь в виду, – сухо промолвила она. – А сейчас пойду в библиотеку и побеседую с Мэри-Бет. – Мама поцеловала Олли и крепко сжала мою руку. – До встречи.

С этими словами она двинулась прочь, обходя витрины. Мы с Фейлин оторопело смотрели ей вслед.

– Сили что, пьет антидепрессанты? – предположила Фейлин. – Я слыхала, они очень помогают. А если судить по твоей матушке, так вообще творят чудеса!

– Папа утверждает, что она ничего такого не пьет – ни лекарств, ни алкоголя. – Поскольку лгать папа не умеет, я заподозрила, что ему просто не все известно. – Он говорил о каком-то прорыве...

– Ума не приложу, что с ней произошло, но должна сказать, милочка, такие перемены мне по вкусу.

Мне тоже. Но в глубине души я не верила, что мама может измениться. И вряд ли когда-нибудь поверю.

Анна-Кейт

Я с жалостью разглядывала собственные пальцы, измазанные соком шелковицы. А вдруг они не отмоются? Мне представилось, что я целиком становлюсь сиреневой, как Виолетта из фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика».

– Можно почистить руки неспелыми шелковицами. Тогда окраска сойдет. – Раздавив одну из зеленовато-розовых ягод, Саммер потерла ладони, сполоснула их и промокнула полотенцем. К моему изумлению, пятна поблекли и стали почти незаметны. – Видите?

Сегодня мы с Саммер собрали первый урожай шелковицы – пять фунтов^[10] ягод, – вымыли их и положили в холодильник в комнате Гарри Поттера. Завтра добавим к ним шелковицы, поспевшие за ночь, и приступим к переработке. На это, наверное, уйдет больше недели.

Я специально надела старые футболку и джинсы. Их было не жалко, в отличие от рук. Последовав совету Саммер, я обнаружила, что ярко-фиолетовый цвет потускнел и сделался бледно-розоватым.

– С ума сойти!

Девушка рассмеялась.

– Это Зи меня научила.

– Что ж, спасибо за подсказку. Я и представить не могла, что шелковица так сильно пачкается.

– Анна-Кейт?

– А?

– Конечно, это не мое дело, но...

– Что? – улыбнулась я.

– Зачем мучиться с заготовкой ягод, если вы скоро уезжаете? Ведь печь пироги все равно будет некому.

Сердце екнуло, я едва не задохнулась. Никак не ожидала, что напоминание об отъезде вызовет у меня такую реакцию. Я старалась не думать о будущем и о том, что может случиться с черными дроздами в отсутствие Хранительницы.

«Вся родня слетится к тебе на помощь», – говорила бабушка.

Надеюсь, это так.

– Если честно, мне и самой неясно зачем. Просто так нужно. Понимаешь?

– Зи была бы рада знать, что ты заботишься о шелковицах. Она их очень любила.

– Это точно, – с печальной улыбкой кивнула я и вытащила кошелек. – Давай я тебе заплачу, пока не забыла. Сколько ты обычно берешь за помощь с заготовкой ягод? Уверена, что слишком мало, так что не скромничай. – Какую бы цену она ни назвала, я собиралась ее удвоить. Без Саммер я бы ни за что не справилась! – В колледже тебе понадобятся деньги.

Она промолчала. Я подняла взгляд на Саммер и, заметив слезы в ее глазах, бросилась к ней.

– Саммер! Что с тобой?

Неожиданно она прижалась ко мне. Застыв на мгновение, я обняла ее в ответ, вдыхая сладкий аромат жимолости.

– Ума не приложу, что делать, Анна-Кейт.

– Что случилось, лапонька?

Лапонька?! Да уж, Уиклоу и правда меня затягивает. Но, пожалуй, это не так уж плохо. Сейчас главное – утешить Саммер...

– С колледжем ничего не выходит. – Всхлипнув, она отстранилась и вытерла лицо. – Вряд ли я смогу там учиться.

– Что? Почему?! Конечно, сможешь! Ты из-за отца?

Саммер очень хотела поступить в колледж, но переживала, что Обин без нее почувствует себя одиноко, хотя тот утверждал, что с ним все будет в порядке.

– Нет, из-за денег. – По ее щеке сползла слезинка. – Я слишком поздно отправила заявление на материальную помощь и теперь не могу собрать нужную сумму.

Я по опыту знала, что заявление на получение финансовой поддержки надо было отправлять еще полгода назад, а то и раньше. Тут ведь как: припозднишься – и стипендии не достанется.

– Мне не хватает восьми тысяч долларов. – Ее подбородок задрожал. Саммер прерывисто вздохнула. – Чтобы оплатить питание и проживание.

Я прислонилась к раковине в поисках какого-нибудь выхода из положения.

– Можно снять жилье не в университетском городке, а подальше и подешевле, и самой себе готовить...

– Нельзя. Все первокурсники обязаны поселиться в студенческом общежитии. Я, как ни старалась, не накопила даже на первый взнос. Я в отчаянии. Так мечтала о колледже, и вот...

– А что говорит отец?

Саммер виновато покраснела.

– Он не в курсе.

– Саммер...

– Не надо его волновать. Боюсь, он наделает глупостей, чтобы мне помочь. Например, продаст дом, который они построили вместе с мамой. Я лучше вообще не поеду в колледж! Может, мне стоит подождать еще годик...

Что же предпринять? Как бы на моем месте поступила Зи? Наверняка она все взяла бы в свои руки и помогла Саммер.

– Не вешай нос. Сколько у тебя есть времени?

– Около месяца. Потом нужно будет оплатить взнос в несколько тысяч...

– Вот и хорошо, – заявила я, стараясь придать голосу уверенности. – Мы как раз что-нибудь придумаем.

– Правда? – В ее синих глазах засветилась надежда.

– Я и сама сталкивалась с такой проблемой, так что у меня есть опыт. Все образуется. Ты уже устроилась на какую-нибудь работу в университетском городке?

Саммер покачала головой, и до меня долетел аромат жимолости.

– Пока нет.

– Тогда считай это своим домашним заданием. Зайди на сайт колледжа и поищи, где требуются новые сотрудники-студенты. А я позабочусь об остальном.

Саммер снова меня обняла.

– Спасибо, Анна-Кейт!

Я погладила ее по спине.

– Пока не за что.

– Неправда, есть за что. – Она быстро собрала свои вещи. – Я пойду, у меня еще дела. До завтра.

И Саммер поспешила прочь. Неужели она всегда передвигается так стремительно, почти бегом?

Я уже нашла два способа раздобыть деньги. Первый опробую завтра утром, а насчет второго не уверена. Сначала нужно поговорить с Обином, иначе ничего не получится.

Я направилась на второй этаж принимать душ, отметив про себя, что моя стратегия «не друзья, а приятели» трещит по швам.

Оказалось, я не могу держать новых знакомых на расстоянии вытянутой руки.

Нет, я поступаю ровно наоборот.

Я с ними обнимаюсь!

Неделя выдалась трудная, и к вечеру четверга я невероятно устала. Пропалывая грядки, я соображала, как бы сделать так, чтобы хоть изредка устраивать себе выходные.

Я с радостью ухватилась за составление графика работы кафе, лишь бы не вспоминать, как омрачилось лицо дока, заглянувшего утром на чашку кофе, когда я сообщила, что не приду в воскресенье на семейный обед.

К моему удивлению, Сили уже несколько раз ненадолго заходила в кафе и заводила со мной короткую светскую беседу. Я чувствовала себя неловко, но не то чтобы совсем ужасно. По словам Натали, Сили пытается разузнать побольше о моей маме, что, по-моему, очень мило с ее стороны.

Конечно, она опоздала почти на четверть века, но я не могла на нее сердиться.

Не желая заикливаться на Линденах, я опять начала прикидывать, какие дни сделать выходными. Не только ради себя, но и ради Лука с Джиной. Не знаю никого, кто бы трудился так много, как они. Надо как-то облегчить им жизнь.

Вдруг до меня дошло, что нам осталось продержаться всего месяц, а потом, двадцать пятого июля, кафе придется закрыть. После этого я еще успею провести уборку и подготовиться к посещению риелторов.

Кстати, надо будет увидеться с Гидеоном и выяснить, сколько примерно времени займет процедура вступления в наследство и продажа кафе.

Неожиданно стало трудно дышать. Может, из-за погоды, а может, из-за мыслей об отъезде. Скорее второе. Я опустилась на колени рядом с кабачками, прижав к себе корзину, куда собирала сорняки. Изо всех сил, до боли в легких, втянула в себя влажный, теплый воздух и постаралась сосредоточиться на прополке. И все-таки, вопреки собственной воле, не могла не думать о том, что же будет с Джиной и Луком, мистером Лейзенби и Пиблз, Саммер и ее чудесными

фермерскими яйцами. А как же мои кабачки? Станет ли кто-нибудь их поливать?

И что случится с черными дроздами?

Я обернулась на шелковицы. Мы едва успевали собирать урожай. Саммер должна была прийти через пару часов, чтобы, как обычно, допоздна помогать мне с заготовкой ягод.

«Портал остается открытым лишь благодаря любви. Без нее волшебные деревья зачахнут», – говорила бабушка.

От нахлынувших чувств вновь перехватило дыхание. Если не будет пирогов «Черный дрозд», шелковицы погибнут.

Нельзя этого допустить! Никак нельзя!

Но ведь я должна выучиться на врача. Я обещала.

Надо ухитриться сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Снова поглядев на шелковицы, я негромко произнесла:

– Может, посоветуете что-нибудь? – В моем голосе прозвучала мольба.

Деревья как ни в чем не бывало безмятежно шелестели на ветру.

Я глубоко вздохнула, не обращая внимания на боль в груди, и поползла на четвереньках вдоль грядки, считая выдернутые сорняки, чтобы не забивать голову тем, что я все равно не в силах изменить.

На сорок третьем сорняке я заметила, что из зарослей мелиссы за мной следят внимательные серо-голубые глаза, и выпрямилась.

– Привет, мистер Кот.

Он неторопливо выбрался из своего укрытия. Я протянула руку, чтобы его погладить. Кот отпрянул.

– Поняла. Ты не приемлешь панибратства. Хорошо, учту. Кстати, ты видел, что я выставила для тебя на террасе угощение и воду? – Я указала на две миски. Правда, Лук предупредил, что я тем самым, можно сказать, приглашала к столу всех енотов и опоссумов в округе, но я боялась, что кот останется без еды и питья, да еще в такую погоду.

Кот, дернув ухом, прошел по направлению к воротам и оглянулся.

– Что, Гидеон опять застрял на крыше?

Кот сделал еще два шага вперед и снова призывно посмотрел на меня.

– Надо закончить прополку...

Кот издал возмущенный вопль – прямо как Олли, когда я не ринулась немедленно выполнять ее просьбу. Я сняла перчатки и

поднялась.

– Ладно. – Раскрыла ворота, ведущие во двор, и, осознав, что делаю, коротко рассмеялась. Интересно, почему я вообще слушаюсь этого кота-диктатора? – Идем, только побыстрее. У меня мало времени.

– Мисс Анна-Кейт, как дела?

– Здравствуйте, мистер Бойд. Все в порядке. А у вас?

В отличие от своих товарищей, которые появлялись и уезжали, сэр Птицелюб обосновался здесь прочно и надолго.

– Хорошо, хорошо. Вы подумали над предложением орнитологического журнала опубликовать статью о черных дроздах?

Недавно звонил журналист-фрилансер, спрашивал разрешения понаблюдать за дроздами и взять парочку интервью. Он уже скоро должен был приехать.

– Стоит ли привлекать столько внимания к дроздам?..

Готова поклясться, что кот, остановившийся за спиной у мистера Бойда, нетерпеливо вздохнул.

– Вы, наверное, не понимаете, что для нас значат черные дрозды, – возразил мистер Бойд с таким жаром, что я невольно улыбнулась. – Я больше чем полжизни изучаю птиц и никогда не видел, чтобы они вот так себя вели. Эти дрозды – особенные.

Он даже не представляет насколько.

Мистер Бойд указал на шелковицы.

– Как это они поют каждую полночь? Вы их дрессировали?

– Я приехала в Уиклоу меньше месяца назад. У меня не было времени заниматься дрессировкой.

– А ваши пироги... – Он умолк, словно решая, стоит ли вообще затрагивать эту тему. Впервые услышав местную легенду, мистер Бойд лишь презрительно фыркнул и тем не менее ежедневно заказывал по куску пирога.

– Вам снилось что-то необычное? – поинтересовалась я.

Нахмурившись, он погладил бороду.

– Любопытно, что вы спросили. В последнее время мне снится мама. Она беспокоится, что мне одиноко, и настаивает, чтобы я завел семью и принялся за книгу, которую давно планировал написать. Мама всегда любила покомандовать.

Смущение Птицелюба меня позабавило, но, различив в его голосе печаль и нежность, я сдержала улыбку.

– А вам одиноко?

Он пожал плечами.

– Я вполне доволен жизнью. У меня много увлечений.

Я широким жестом обвела двор.

– Это точно.

– Странная штука эти сны. У меня никогда раньше таких не было.

Я настолько отчетливо слышу маму, словно она здесь, со мной. – Он умолк и сжал губы. – Она сказала еще кое-что...

Я отогнала от лица муху и вся обратилась в слух. Похоже, мистеру Бойду необходимо было излить душу.

– Мама погибла больше двадцати лет назад. Поскользнулась зимой на льду и ударилась головой. Я со всех ног мчался в больницу, но опоздал: она умерла.

– Мне очень жаль.

Он грустно улыбнулся.

– Я всегда корил себя за то, что не успел с ней проститься. Однако в одном из снов мама просила меня не терзаться чувством вины. Мол, она сама решила, не дожидаясь меня, уйти в мир иной, чтобы я не был свидетелем ее страданий. Хотела, чтобы я запомнил ее такой, какой видел в последний раз. – Его улыбка сделалась светлой и теплой. – Было Рождество, ее любимый праздник. Мама весь день веселилась, отплясывала в колпаке Санта-Клауса и распевала рождественские песенки. – Он глубоко вздохнул и сгорбился, погружившись в воспоминания. Потом моргнул и расправил плечи. – Простите, мисс Анна-Кейт. Я, наверное, надоел вам своими рассказами. Вероятно, я произвожу впечатление сумасшедшего.

– Вовсе нет. Вы производите впечатление человека, который любит свою мать.

Мистер Бойд кивнул.

– Хочется верить, что легенда не врет и эти сны – действительно послания с того света. Очень хочется. Только это же... уму непостижимо!

– Мяу!

– Подожди, – отмахнулась я от пушистого деспота.

Мистер Бойд удивленно огляделся.

– Подождать?

– Это я не вам, а коту.

– Какому еще коту?

– Да вот же... – Только сейчас я обнаружила, что тот исчез, и вздохнула. – Мне пора. А что касается снов, слушайте свое сердце. Вот так все просто, мистер Бойд.

– Похоже, у нас с вами разные представления о том, что такое «просто».

– Уверена, что нет.

С этими словами я двинулась вперед, пытаюсь отыскать кота среди палаток.

– Кис-кис-кис! – звала я, но тот не появлялся.

Выйдя из дворика на тротуар, я посмотрела по сторонам. Кот сидел на тропинке, ведущей к Дому на холме.

– Совершенно необязательно было убегать, – пожурила его я, приблизившись.

Предположив, что Гидеону снова нужна помощь, я свернула к Дому на холме. Вопреки ожиданиям, кот продолжал идти прямо. Пришлось возвращаться и догонять его.

Прохожие не обращали никакого внимания на моего необычного спутника. Некоторые из них здоровались со мной, но я не стала задерживаться, чтобы поболтать.

По пути я отметила, что в витринах магазинчиков появились объявления о приеме на работу и сувениры с главным символом Уиклоу. Во «Всякой всячине», например, продавались плюшевые игрушки-дрозды и посуда с изображением этих птиц, в следующем магазине – картины и панно. А кафе-мороженое «У Адалин», которое недавно снова открылось, предлагало попробовать новинку – «Черный дрозд»: с ежевикой и шоколадной крошкой.

От мысли, что жители Уиклоу одобрили новый бренд и всю его используют, стало тепло на душе. Но вместе с тем я забеспокоилась. Сейчас город процветает в атмосфере счастья и благополучия, жизнь бьет ключом. Будет жаль, если все это закончится. Вдруг шелковицы погибнут? Что тогда станет с черными дроздами? Найдут ли они другой портал или так и останутся на том свете – навечно?

Зи никогда об этом не говорила. И неизвестность очень угнетает.

Только когда кот ступил на узкую асфальтированную дорожку с раскинувшимися по бокам тюльпанными деревьями и аккуратно подстриженным газоном, я сообразила, куда меня ведут. Пройдя под

ржавой металлической аркой, он двинулся вперед через кладбище и вскоре исчез из виду.

Дальше идти не хотелось. На сердце и без того было мутно от необходимости бросить кафе и сад. А вид бабушкиной могилы меня окончательно доконает.

Налетел порыв горячего ветра, и к аромату свежескошенной травы примешался запах надвигающегося дождя. Я прислонилась к одной из каменных колонн, поддерживающих арочный свод. Она так нагрелась на солнце, что жар чувствовался даже через одежду. Колыхались высокие декоративные травы. Повсюду скакали малиновки, выискивая в земле червяков. По шоссе проехали машины с номерами штатов Индианы и Миссури. Следом показался пикап из Флориды с домом-автоприцепом. Видимо, любители птиц направлялись в Уиклоу на выходные.

Кот не возвращался.

Я подождала еще несколько минут и уже было повернула обратно, но тут мое внимание привлекла промелькнувшая птица. Может, померещилось? Я прищурилась. Если зрение не подводит, на ветку растущего на кладбище тюльпанного дерева действительно сел черный дрозд.

Отбросив сомнения, я двинулась туда.

Солнечные блики плясали на трепещущих от ветра листьях, на светлой в крапинку грудке и оранжевом клюве птицы и отражались в ее зеленых глазах – как у мамы. Приезжие орнитологи пока не заметили эту поразительную особенность черных дроздов. А если когда-нибудь и обратят внимание на их диковинное свойство, все равно ничем не смогут его объяснить.

– Что ты тут делаешь?

Птица вспорхнула и полетела над ведущей через кладбище тропинкой. На мгновение замешкавшись, я поспешила за ней.

Проходя мимо свежей могилы Зи, старательно отвела взгляд. Во время похорон меня захлестнуло такое горе, что сердце едва не разорвалось на куски, хотя я знала, что бабушкина душа жива и лишь поменяла оболочку.

Мама взмыла ввысь, но над семейным склепом Линденов резким нырком спустилась ближе к земле. Я секунду помедлила у надгробной плиты, под которой покоился отец. Сюда же четыре года назад Зи тайно

высыпала мамин прах. Мама всегда хотела после смерти воссоединиться с любимым.

Отвернувшись, я поспешила вдогонку за птицей. Достигнув дальнего конца кладбища, мама скрылась среди листьев клена и больше не появлялась. Я перешла на бег.

Задыхаясь из-за жары и физической нагрузки, я наконец добралась до клена и наткнулась на Обина Павежо. Поджав ноги и положив руки на колени, он сидел у одной из могил.

– Советую отдохнуть и перевести дух, – поглядев на меня, хмыкнул Обин. – Хотя если вы решили умереть, лучшего места не найти. Не надо будет тащить гроб.

Мне было не до шуток: легкие словно горели в огне. Отчаянно глотая воздух, я всматривалась в густую листву. Птица пропала. Зато у ствола сидел серый кот и нетерпеливо подергивал хвостом. Видимо, он все это время меня ждал и все больше раздражался. Даже странно, что не затопал лапами от возмущения.

Судя по поведению кота и птицы, я здесь неслучайно. Только вот зачем? Надеюсь, выясню. Утерев пот со лба, я опустилась на траву рядом с Обином. Скорее бы набежали тучи и хлынул дождь.

– Вышли на освежающую пробежку по приятной девяностоградусной^[11] прохладе? – с иронией поинтересовался Обин.

Он был одет так же, как при первой нашей встрече, только на голове красовалась алая бейсболка с символикой Алабамского университета. Рядом в траве валялась трость.

Я приподняла собранные в хвост волосы, чтобы ветер охладил разгоряченную шею. Жжение в легких постепенно стихало, но я бы все отдала за глоток воды.

– Даже не верится, что кто-то бегает для удовольствия. Я гналась за... котом. Серым, – объяснила я, решив не упоминать о появлении черного дрозда.

Обин покраснел и, потупившись, начал срывать травинки.

– За котом. Да что ты говоришь? – напряженно пробормотал он.

– Вы не любите кошек?

– Не очень. Особенно серых.

Обин явно что-то недоговаривает, но не буду на него давить.

Я поискала взглядом кота. Его нигде не было. И как только ему удастся мгновенно исчезать?

Отпустив волосы, я наконец прочла надпись на могильном камне. «Фрэнсис Камилла Павежо, любящая мать и жена». Меня переполнило сострадание. В груди всколыхнулись чувства, которые я предпочла бы не затрагивать. Мне стало неловко. Может, уйти?

– Я, наверное, пойду, – неуверенно произнесла я. – Простите, что помешала.

Обин снова принялся обрывать траву.

– Посидите еще немного, Анна-Кейт. Отдышитесь. Не хочу, чтобы и ваша смерть была на моей совести. С меня и так довольно. – Он кинул травинку на могильную плиту.

Я не нашлась что ответить. Хоть авария, в который погиб отец, была несчастным случаем, мама всю жизнь страдала из-за чувства вины оттого, что в тот день вела машину. Похоже, Обин несет такое же бремя.

Удержавшись от слишком личных и бестактных вопросов, я сменила тему.

– Спасибо за рецепт. Все посетители кафе в восторге от ежевичного чая Обина.

– Что вы, не стоило называть его в мою честь...

– Ну конечно, стоило! Это же вы придумали, как его готовить. Кстати, по этой же причине я посчитала несправедливым присваивать вырученные за чай деньги и начала откладывать их на колледж Саммер. Думаю, к моему отъезду мы как раз насобираем на первый взнос. Но вот все остальное...

Рука Обина с зажатой травинкой зависла в воздухе. Он прищурился.

– На колледж? Саммер сказала, что все оплатит за счет стипендии...

Мимо пролетела пчела и, жужжа, опустилась на одну из ромашек в бронзовой вазе.

– Она решила не нагружать вас своими проблемами. Стипендия оказалась гораздо меньше, чем Саммер рассчитывала. Ваша дочь очень старается накопить на обучение, но ей все равно не хватает.

От налетевшего резкого порыва ветра клен страдальчески застонал. Я задрала голову, но увидела лишь серебристые листья и сгущающиеся тучи. Надвигалась гроза.

Обин, приподняв бейсболку, утер пот со лба.

– Так вот почему она в последнее время суетится и берется за любую работу...

– Говорю же, скоро у меня появятся деньги на первый взнос.

– Сомневаюсь, что на продаже чая можно заработать.

Я улыбнулась.

– Вы, наверное, давно не заходили в кафе, да?

– Уже двадцать пять лет.

Вряд ли это совпадение.

– С тех пор, как умер отец?

Обин глубоко вздохнул и огляделся.

– В детстве мы с Эджеем ночью удирали из дома и шли сюда. Играли в прятки и пугали друг друга до полусмерти. Иногда я сижу здесь, и кажется, что вот-вот услышу его «Ку-ку!» за спиной. С него бы хватило превратиться в привидение, чтобы надо мной так подшутить. Эджей обожал приколы и розыгрыши.

– Правда?

– О да! Помню, он подложил матери в туалетный столик резиновую змею. Сили подскочила до потолка. Я многое бы отдал, чтобы увидеть эту картину. – Обин захохотал, и его грудь заходила ходуном. – После этого Эджея почти на три недели посадили под арест.

– Если бы он подложил змею мне, я бы окочурилась, – призналась я.

– Я тоже, – усмехнулся Обин.

Я с радостью весь день бы слушала истории об отце, но кое-что меня волновало.

– А почему же в прошлый раз вы намекнули, что не особенно дружили с моим папой?

Обин на мгновение сжал кулаки.

– Сложно объяснить...

– А вы постарайтесь.

– Сейчас это не имеет значения, Анна-Кейт. Так уж вышло. Я оказался плохим другом и все испортил. Да что тут говорить... Судьба преподала мне суровый урок. Я изменился и не хочу беречь старую рану. – В его голосе явственно сквозила боль.

– Сдается мне, мистер Павежо, эта рана так и не зажила.

Он помолчал и сорвал еще несколько травинок.

– Все равно я не считаю целесообразным это обсуждать. Лучше скажи, сколько денег нужно Саммер.

Узнать бы, что омрачило их дружбу с отцом. Тем более что Обину наверняка станет легче, если он выговорится. Однако я не стала добиваться ответа на свой вопрос и подробно описала ситуацию. Услышав, какая требуется сумма, Обин присвистнул.

– Саммер всегда меня оберегает. Никто так не волнуется за отца, как она. Ей бы уехать в колледж и стать свободным человеком, а не нянькой для папаши. Только вряд ли мы это потянем...

Я скрестила ноги. Трава слегка колола бедра.

– Я не намерена сдаваться.

Обин печально улыбнулся.

– Вы очень похожи на папу. Он всегда был оптимистом.

– По-вашему, оптимизм – это плохо?

– Надежда не приносит ничего, кроме страданий.

Я смахнула грязь с колена.

– Наверное, грустно жить с таким убеждением.

– Жизнь вообще грустная штука. – На несколько минут повисло молчание. Потом Обин поднял трость, покатал в ладонях и добавил: – Я могу выставить на продажу посохи и всякие мелочи: мед, овощи, мыло... Размещу у дороги палатку и буду торговать. Почему бы не воспользоваться, как все, наплывом туристов?

– Кстати о туристах... Как вы смотрите на то, чтобы взять жильцов?

Для Обина это был бы отличный способ подзаработать.

– Жильцов? В смысле постояльцев? Нет-нет. Не могу впустить в дом посторонних.

– Но они же заплатят! Любителям птиц нужно где-то останавливаться на ночь. В мотеле мест больше нет. Остальные жители города сдают свободные комнаты за сорок, а то и пятьдесят долларов за ночь.

Обин вытаращил глаза и задумчиво потер подбородок.

– Пожалуй, я все-таки смогу потерпеть гостей. Ради Саммер.

– Они надолго не задержатся, – с улыбкой успокоила его я. – Большинство приезжают в Уиклоу лишь на пару дней, чтобы увидеть черных дроздов. Потом на их место прибывают новые. Это неплохой источник дохода.

Обин кивнул.

– Сдавать дом я все же не хочу, зато у меня есть постройка с двумя комнатками, кухонькой и туалетом, где я храню разный инвентарь. В ней свободно разместятся четыре человека. А еще бытовка. Там могут поселиться шестеро. Конечно, не шикарный отель, так что много с постояльцев взять не получится, но переночевать вполне можно.

– Когда вы сможете подготовить помещение? Скоро польет дождь, и туристы будут искать теплый и сухой ночлег.

– Не раньше чем через пару часов. Надо сходить в магазин, постирать белье и сделать уборку.

Я воодушевилась. Кажется, Саммер все-таки поедет в колледж!

– Сейчас вернусь в кафе и всем расскажу, что вы приглашаете постояльцев, а потом приду к вам и помогу. Так работа пойдет быстрее.

– Спасибо, но не стоит утруждаться.

– Мне это только в радость...

– Не нужно, я сам.

Я упрямо выпятила нижнюю челюсть.

– А что бы на это сказал мой папа? Уверена, он бы велел вам не спорить и принять мою помощь.

Обин погрозил пальцем.

– Не примешивай сюда Эджея. Это запрещенный прием.

Я улыбнулась и невинно похлопала ресницами. Обин со стоном поднялся на ноги.

– Ладно. У вас с папой такая обворожительная улыбка, Анна-Кейт, что я не в силах отказать. До скорого.

Торопясь под начавшимся дождем обратно в кафе, я думала о сером коте. И о маме. Сначала я решила, что они привели меня сюда, чтобы я выручила Саммер и ее отца. Но теперь заподозрила, что, возможно, они устроили нашу встречу с Обином не ради него, а ради меня.

– Надо набраться мужества и признать поражение. Я к тому, что если он до сих пор не готов, то, наверное, никогда и не будет. Так?

Журналист недоуменно смотрел на женщину. Чудаковатая прическа: седые волосы забраны наверх и напоминают комок сладкой ваты. Глаза сверкают, румянец горит.

– Мэм, вы, должно быть, не в курсе. Я пишу статью о черных дроздах.

Пебблз Лутс отмахнулась.

– Такое меня не интересует. Лично я предпочитаю любовные романы. Подумаешь, дрозды! – Она пренебрежительно хмыкнула. – Пожалуй, дам ему еще один шанс. Только один, последний! Все-таки у меня тоже есть гордость. Правильно?

– Да, мэм? – переспросил совсем сбитый с толку журналист.

– Вот и я так думаю. А теперь, уж простите, пойду. Что-то неважно себя чувствую. – Пебблз поднялась и похлопала собеседника по щеке. – Вы очень милый молодой человек.

Когда она удалилась, журналист, достав из портфеля влажную салфетку, вытер лицо, стул и даже стол, недоумевая, что за чушь на него только что выплеснули.

Анна-Кейт

Лучи утреннего солнца заглядывали в окна кафе. В траве блестели невысохшие капли дождя. Вчерашний ливень быстро прошел, и это можно считать огромным везением, если учесть, что в бытовке мистера Павежо обнаружилась протечка. Правда, небольшая: ведро подставить, и все дела, но Обин поклялся сегодня же залатать дыру в крыше. Хотя его постояльцы и без того были довольны, что смогли укрыться от непогоды.

Время едва перевалило за восемь, а в кафе уже яблоку негде было упасть. Я направилась к мистериу Лейзенби, чтобы принять заказ, стараясь не обращать внимания на боль в спине и руках после

вчерашнего мытья полов и не грустить о том, что Гидеон сегодня опять не зашел на кофе. Он не заглядывал ко мне уже несколько дней.

Мистер Лейзенби сидел за общим столом на своем обычном месте напротив Пebbлз. Справа от него расположилась Фейлин, а рядом с ней я намеренно усадила мистера Бойда. Тому, кто чувствует себя одиноко, лучшей компании, чем Фейлин, не найти: она даже с незнакомцами держится как с давними друзьями. Когда я приблизилась, они с мистером Бойдом оживленно болтали о птицах. Точнее, болтала Фейлин, а тот успевал кивать всякий раз, когда она делала паузу, чтобы вдохнуть.

– Я очень недоволен, мисс Анна-Кейт. – Мистер Лейзенби скрестил руки на груди и возмущенно запыхтел.

Я обратила внимание на темные круги под глазами и перекосившийся серый в фиолетовую полоску галстук-бабочку.

– В чем дело, мистер Лейзенби?

– Вчерашний пирог не удался.

– Не удался? – Я наклонила голову набок. – Как это?

Сощуриив слезящиеся глаза, он предъявил претензию:

– Я не получил во сне послания.

– Вероятно, Розмари нечего было сказать, – отпив кофе, промолвила Пebbлз. Сегодня она надела блузку в цветочек, повязала на шее бант, а волосы умудрилась забрать еще выше, чем обычно. – Или она устала давать тебе советы и взяла выходной. Наверное, тяжело каждую ночь выходить на связь. Чтобы получить послание, недостаточно просто съесть пирог, Отис.

Мистер Лейзенби нахмурился.

– Не говори ерунды. Тот кусок был испорченный. – Он взглянул на меня. – Я не требую денежной компенсации, но, пожалуйста, сегодня продайте мне нормальный пирог.

Поскольку я точно помнила, что добавляла в начинку сок шелковицы, вывод напрашивался один: Розмари решила, что ее муж в послании не нуждается.

– Пebbлз права, просто съесть пирог недостаточно. Покойные говорят с нами, только когда считают это необходимым.

– Юная леди, я ни за что не поверю, чтобы в прошедшие годы Розмари было что мне сказать, а сейчас нет. Это невозможно. Все дело в пироге. Он не сработал, – настаивал мистер Лейзенби.

– Может, она своим молчанием дает тебе что-то понять? – Пebbлз стерла с кружки отпечаток помады. – Такое тебе в голову не приходило?

– Что, например?

– Например, что пора научиться самостоятельности и жить дальше.

– Куда дальше? – возразил мистер Лейзенби. – Мне уже восемьдесят два.

– Ну и что? Это еще не значит, что жизнь кончена и нельзя найти кого-то, с кем приятно будет провести остаток дней. Может, Розмари это и хотела тебе объяснить.

Мистер Лейзенби фыркнул.

– Если бы хотела, то объяснила бы. Хотя она в любом случае не могла ничего мне передать: пирог-то не работал!

– Опять завел свою шарманку! – простонала Пebbлз. Сняла с колен салфетку, бросила ее на пустую тарелку и, вытащив из кошелька три однодолларовые купюры, положила на стол. – Спасибо. Что-то аппетит пропал.

С этими словами она промаршировала к выходу, шарахнула по двери и была такова.

Мистер Лейзенби поглядел ей вслед и повернулся ко мне.

– Я буду яичницу-болтунью с беконом, батат с жареным мясом и кусок нормального пирога.

– Может, выберете омлет «Фриттата» с кабачками? – предложила я.

– Нет уж, благодарю покорно.

Подавив вздох, я записала заказ.

– Вам не кажется, что вы застряли в колее, мистер Лейзенби?

Он накрыл колени салфеткой.

– В колее нет ничего плохого, мисс Анна-Кейт.

Я его уверенности отнюдь не разделяла. Именно в этот момент я впервые задалась вопросом, не вредно ли для психического здоровья есть пирог «Черный дрозд» каждый день.

Возможно, Фейлин права: порой действительно лучше оставить прошлое в прошлом.

Мистер Лейзенби вообще не мог обойтись без пирога.

– Анна-Кейт, а я, пожалуй, возьму «Фриттату», – вмешалась Фейлин. – В последнее время я подседа на твой омлет. Пальчики

оближешь! А еще мне, пожалуйста, бисквит с колбасной подливкой. Подливки побольше!

– И мне тоже! – подхватил мистер Бойд. – Фейлин, ты уже пробовала кабачки в кляре? Тоже очень вкусно. Кайенский перец придает блюду остроту.

Фейлин кокетливо заправила за ухо прядь темных волос.

– Еще не пробовала, но люблю остренькое. Может, возьмем одну порцию на двоих? И Отис, небось, тоже не откажется.

– Хм... – Мистер Лейзенби снова недовольно скрестил руки на груди.

– Я угощаю, – кивнул мистер Бойд.

– Сердечное вам спасибо, сэр! – Фейлин повернулась ко мне, ее глаза весело блеснули. – Запиши, пожалуйста, наш заказ, Анна-Кейт.

– Ладно. – Я черкнула в блокноте и направилась на кухню.

Джина вышла мне навстречу.

– До сих пор не верится, что Сили Эрл Линден заходит в кафе, как ни в чем не бывало.

Я обернулась и действительно увидела Сили. Она села на освободившееся после Пebbлз место и с отвращением разглядывала скомканную салфетку.

Джина подтолкнула меня.

– Скорее унеси грязную посуду, пока Сили не пожаловалась в санитарную службу на то, что Пebbлз перепачкала все кружки помадой. – И рассмеявшись, она продолжила резать бисквит.

Я приблизилась к столику и улыбнулась.

– Сейчас я быстренько все уберу, Сили, а потом приму ваш заказ.

Мистер Лейзенби нахмурился.

– Пebbлз может вернуться. Нельзя занимать ее стул.

Подхватив тарелку, я поставила на нее кружку и положила приборы.

– Если вернется, я найду куда ее посадить.

– Но она всегда сидит здесь!

– Что-то не так? – забеспокоилась Сили.

– Вовсе нет, – заверила я.

– Вот именно, – одновременно со мной заявил мистер Лейзенби.

Я ткнула в него пальцем.

– Немедленно замолчите, иначе я подложу вам в пирог голубику.

– Только посмейте!

– Еще как посмею.

– Господи! Что за муха вас укусила? – буркнул мистер Лейзенби.

– Сили, обязательно закажи блюдо дня, «Фриттату», – тем временем посоветовала Фейлин. – Анна-Кейт лично придумала рецепт и саму себя превзошла! Цукини, козий сыр, лучок и свежая мята. Обьединение!

– Цукини прямо с грядки, – сообщила я. – Кабачки в саду просто молодцы: новые плоды растут не по дням, а по часам. Только успевай собирать!

– Тогда возьму «Фриттату». Спасибо за рекомендацию, Фейлин. А ты уже знаешь, какое великолепное печенье Анна-Кейт делает из кабачков и сыра чеддер? Это один из лучших десертов, которые я когда-либо пробовала.

Фейлин нацепила очки и уткнулась в меню.

– А где же оно тут?

– Я пока не готовила печенье на продажу, – пояснила я.

– Обязательно приготовь, – посоветовала Сили. – Уверена, все будут в восторге.

– Я-то уж точно! – подтвердила Фейлин.

– И я, – поддакнул мистер Бойд.

– А я нет, – отодвигая тарелку, проворчал мистер Лейзенби.

– Может, завтра испеку, – согласилась я. – На сегодня меню уже составлено.

– Жду с нетерпением! – Фейлин сдвинула очки на лоб. – Мне по душе все твои рецепты до единого, Анна-Кейт. Зи тоже была хорошим поваром, но ты ее переплюнула. Я буду скучать по твоей стряпне, когда ты уедешь.

Под пристальным взглядом Сили я почувствовала, что краснею.

– Спасибо, Фейлин. А я буду скучать по экспериментам с рецептами.

– Вы надолго уезжаете? – спросил мистер Бойд.

– На какое-то время, – ответила я и поспешила на кухню, но успела услышать, как Фейлин объясняет мистеру Бойду, что я собираюсь учиться на врача.

Сгрузив грязную посуду, я вытерла руки.

– Неужели Сили и правда только что улыбнулась? – удивилась Джина.

– Уже несколько раз.

– Черт возьми, да это же чудо!

– Заказ готов! – Лук стукнул по столешнице.

Я ухитрилась собрать разом все тарелки, поставив одну из них себе на локоть, и направилась в зал к посетителям. Вдруг меня окликнула какая-то женщина:

– Извините, что отвлекаю. Просто хотела узнать, не продаете ли вы футболки.

– Нет, – начала было я, но тут у меня мелькнула отличная идея. – Пока нет. Вы еще долго пробудете в городе?

– Несколько дней.

– Тогда подойдите ко мне в следующий раз.

– Хорошо. Спасибо.

Вот еще один способ заработать деньги на обучение Саммер! Только надо выяснить у Обина, хочет ли он этим заниматься.

Продолжая обдумывать свой план, я вернулась к общему столу, по очереди поставила тарелки перед всеми, начиная с мистера Бойда и заканчивая мистером Лейзенби, и приняла заказ у Сили, которую Фейлин уже успела закидать вопросами.

– Кому еще кофе? – Со всех сторон поднялся лес рук, и я засмеялась. – Сейчас я принесу вам пирог, мистер Лейзенби.

– Без голубики!

Я легонько похлопала его по плечу.

– А вы, Сили, как насчет пирога? Есть с начинкой из персиков, из клубники и ревеня, из яблок и из ежевики.

Она помотала головой.

– Нет-нет, мне не надо.

– Чего ты боишься? Калорий или снов? – поддела ее Фейлин.

Прежде чем Сили успела ответить, мистер Бойд подал голос:

– Вы же не считаете, что черные дрозды и в самом деле передают послания с того света, правда? Они просто поют.

– Разумеется, считаем! – возразила Фейлин.

Я прицокнула языком.

– Как бы мама отнеслась к вашим сомнениям, мистер Бойд?

Он покраснел.

– Это были обыкновенные сны.

– Ха! Обыкновенные! – Мистер Лейзенби саркастически усмехнулся. – Как бы не так!

– Анна-Кейт, не давай больше Закарайе пирога, – предложила Фейлин. – Нам больше достанется. Пироги «Черный дрозд» – настоящее сокровище, нельзя их попусту разбазаривать.

– Нет-нет, не надо, – всполошился мистер Бойд. – Мне... нравится пирог.

– Раз так, держи свое мнение при себе, Фома неверующий, особенно в этом кафе. – Фейлин шутливо подтолкнула его локтем. – Разве матушка не велела тебе следить за манерами?

Мистер Бойд насупился.

– Конечно, велела! Не далее как вчера, во сне...

– Видишь! – торжествуя воскликнула Фейлин. – Вот тебе и доказательство, что легенда не врет.

– Скажут тоже, обыкновенные сны... – качая головой, пробурчал мистер Лейзенби.

Мистер Бойд залился краской.

– Извините, Анна-Кейт.

– Ничего страшного, не переживайте.

Фейлин просияла.

– Обожаю мужчин, которые не боятся попросить прощения. А передайте-ка мне, пожалуйста, кабачок в кляре. Я слыхала, это невероятная вкуснятина!

Тем временем Сили рассматривала надпись под потолком. Заметив мой взгляд, она поспешила отвести глаза, но я все равно успела увидеть блеснувшие в них слезы.

Натали

На этой неделе встреча с психотерапевтом была назначена на четверг, и – господи, прости! – я снова опаздывала. В кафе опять случился наплыв посетителей, и я вплоть до закрытия носилась как угорелая, чтобы всех обслужить.

Теперь, если я не выеду через несколько минут, придется снова переносить консультацию.

Несомненно, психотерапевт решит, что я никогда не успеваю к сроку, потому что мне попросту не хочется к нему идти.

И будет абсолютно прав. Не хочется.

Но надо.

А хочется и надо – это две большие разницы.

Я успела посетить врача уже дважды. И пусть занятия с психотерапевтом – не самое приятное времяпрепровождение, зато у меня уже больше недели не было панических атак. В прошлый раз мы беседовали о вранье и, поскольку так и не пришли ни к какому выводу, скорее всего, сегодня продолжим обсуждать эту тему.

Психотерапевт пытался меня убедить, что ложь – это не всегда плохо.

Ну да, как же.

Ему-то легко говорить, у него же не было второй половинки, которая бы скрывала, чем занимается, и покончила жизнь самоубийством, только чтобы не рассказывать правду о себе.

Дыхание перехватило. Я глубоко вдохнула, преодолевая боль в груди и пытаюсь успокоиться. Старательно отводя взгляд от бассейна, взбежала на террасу и заметила под креслом-качалкой какой-то узкий, прямоугольный предмет, обернутый бумагой. На ней значилось мое имя, а внизу было подписано и подчеркнуто: «Хрупкий груз».

Интересно, к чему относится последняя фраза? К содержимому свертка или к грузу, что лежит у меня на душе? Пожалуй, подходит и к тому, и к другому, так что я не стала долго над этим размышлять.

Вытащив ключи, я отперла дверь. Войдя в прохладную кухню, положила свертки на стол, раскрыла и ахнула.

Внутри оказалась та самая фотография оленя, которую я видела во «Всякой всячине». На пол вывалилась записка:

«Натали, я тут подумал: если ты не идешь к водопаду, то водопад придет к тебе. У всех должно быть что-то, что помогает обрести покой и умиротворение. Кэм».

Я сморгнула выступившие слезы. Еще не хватало расплакаться! Но Кэм прислал такой мудрый, щедрый подарок, что я не могла справиться с чувствами.

Нужно позвонить Кэму и сказать спасибо. Да, но у меня нет его номера... Спрошу у Марси.

Я потянулась было за мобильным и тут спохватилась, что надо спешить. Оставалось совсем мало времени, а еще нужно принять душ. Уж без этого я никак не смогу обойтись.

Пятнадцать минут спустя я уже направлялась в двери, как вдруг зазвонил телефон. На экране высветился мамин номер.

Опять эти «до» и «после».

До произошедшей в маме перемены я бы не стала отвечать и ушла. Но теперь, после ее удивительного преобразования, я, не колеблясь, поднесла трубку к уху. Надеюсь только, что все не вернется на круги своя. Такой мама нравится мне гораздо больше.

– Привет, мам. Я как раз собираюсь к психотерапевту.

– Я, в общем, тоже тороплюсь. Сижу на заседании комитета по благоустройству. У нас маленький перерыв, и я решила не терять времени и сообщить тебе о разговоре с Пэтси Дейл Морган.

– Что за разговор? – Я взглянула на электронные часы микроволновки. Синие цифры на табло горели обвиняюще. Я отвернулась.

– Я рассказывала, какие материалы ты используешь для рукоделия, и Пэтси вдруг упомянула, что у нее дома пылится целый сундук с винтажными тканями. Она будет рада тебе его отдать. Разумеется, бесплатно.

– Это как-то неудобно, – запротестовала я. – Лучше все-таки заплачу, сколько смогу...

– Пэтси не возьмет денег, Натали. Она уверяет, что ты сделаешь ей большое одолжение, если заберешь сундук.

Я поняла, что спорить бесполезно.

– Заберу с огромным удовольствием. Это очень мило с ее стороны.

– Я так и передам. Вечером папа заедет к Пэтси за сундуком.

– Я и сама могу заехать.

– Да, но, мне кажется, так будет проще. У тебя много дел, а ты же знаешь Пэтси. По сравнению с ней Фейлин Уиггинс – настоящая молчунья. Ты застрянешь часа на три. А папа спокойно прервет беседу, особенно если дома его будет ждать горячий ужин. Папа ведь обожает вкусно поесть.

Вспомнилось, что в воскресенье он едва притронулся к жареной курице со сладким картофелем, и в груди снова заныло. Пусть папа

сколько угодно убеждает меня, что полностью здоров, просто стареет, но я-то чувствую, что с ним что-то неладно. Сердце не обманешь.

– Спасибо, мама.

– Пожалуйста, Натали. И еще кое-что... Утром я заметила отъезжающий от нашего дома пикап. За рулем был тот рослый мужчина, который живет в горах. Он что, заходил к тебе в гости?

– Его зовут Кэм, мама. И нет, он просто привез и оставил у входа одну из своих фотографий.

Я решила не вдаваться в подробности. Пусть мама считает, что я купила снимок. А иначе невесть что навывдумывает...

– Значит, он сделал тебе подарок?

Тьфу ты!

Я не могла так бессовестно врать, поэтому призналась:

– Да. Я увидела эту фотографию во «Всякой всячине» и пришла в восхищение. Советую тебе тоже обратить внимание на его работы. По моему, тебе понравятся. Ну все, побегу, а то уже опаздываю.

– Тогда не буду задерживать, – после длительной паузы наконец отозвалась мама.

Похоже, она могла бы еще многое мне сказать: я даже на расстоянии ощущала, как мама меня осуждает. Однако надо отдать ей должное: она сдержалась и не озвучила своего мнения о Кэме. И это прогресс. Небольшой, но я и такому рада.

Мы с мамой распрощались. Я посмотрела на часы и, застонав, выбежала за дверь.

Через окно я увидела на лужайке несколько мусорных корзин и табличку с надписью «Правила».

– Мне это кажется или наш двор действительно стал похож на палаточный городок?

– Не кажется, – отозвалась Джина. – Каждый день прибывают новые туристы. Закарайа Бойд изо всех сил пытается сохранить чистоту и порядок.

Лук установил температуру во фритюрнице.

– Образно выражаясь, сюда слетелась уже целая стая туристов.

– О господи, – вздохнула я.

Не переставая месить тесто для бисквита, Джина рассмеялась.

– Можно придумать отличный слоган! Например, «Уиклоу – место слета!». Или: «Летите в Уиклоу, тут офигенно!»

– «Уиклоу – полный улет!» – с воодушевлением подхватила я. – Надо напечатать это на сувенирных футболках.

– Я бы такую с удовольствием носила, – поддержала Джина. – Чем быстрее напечатаем, тем лучше. В следующие выходные День независимости, и здесь наверняка всю неделю будут толпиться туристы. Кстати, многие приезжают не только посмотреть на дроздов, но и чтобы сходить в поход и покататься на велосипедах. Глазом моргнуть не успеешь, как Уиклоу превратится в горный курорт.

Вспомнив, что Гидеон приглашал меня проехаться на велосипедах, я взглянула на Дом на холме. В окнах горел свет.

Мы с Гидеоном давно не общались. Правда, в четверг он забежал на кофе, но пробыл так недолго, что мы лишь успели немного поболтать о кабачках и о предстоящей велосипедной прогулке.

Подозреваю, что он сознательно меня избегает, и отчего-то мысль об этом причиняет боль.

Отчего-то... Я печально усмехнулась. Разумеется, я прекрасно знаю отчего. Гидеон мне нравится. Очень.

Джина подошла и, тоже выглянув в окно, легонько толкнула меня локтем.

– Гидеона высматриваешь? Ты же в курсе, что он на тебя запал?

– Ничего он не запал...

– Запал-запал! И не спорь, милочка. Правда же, Лук?

– Втрескался по уши, – подмигнул Лук, насыпая сахар в тесто для вафель.

– Потому и старается лишний раз с тобой не встречаться. – Джина отправила бисквиты в духовку. – Именно так, мэм!

Повязав фартук, я подняла глаза и заметила на скамейке у двери мистера Лейзенби.

– С чего вы взяли, что он в меня втрескался? – поинтересовалась я и, запрокинув голову, простонала: – Как же глупо звучит!

– По двум причинам. – Темные глаза Джины весело блеснули.

– По каким?

Джина начала загибать пальцы.

– Во-первых, ты скоро уедешь, так что привязаться к тебе было бы с его стороны верхом глупости.

Что ж, это мне знакомо.

– А во-вторых?

Джина загнула второй палец.

– Может, Гидеон решил, что ваши отношения неуместны, раз он был юристом Зи.

Я отнюдь не считала, что они неуместны, но решила не спорить.

– И в-третьих, сдается мне, он что-то от тебя скрывает. Какой-то секрет.

– Уверен, ты права, – подтвердил Лук.

Джина улыбнулась.

– Я всегда права.

– Знаю. – Лук тоже расплылся в улыбке. – И футболка с такой надписью у тебя уже есть.

– Точно! – расхохоталась Джина.

Похоже, сегодня у обоих прекрасное настроение.

– Секрет? – вмешалась я, желая вернуться к теме разговора. – Какой?

Надеюсь, не окажется, что Гидеон женат и «случайно» забыл мне об этом рассказать.

– Понятия не имею, лапонька. Просто вижу: он что-то недоговаривает. Я так долго тут живу, что начала чувствовать такие вещи, – своим мелодичным голосом откликнулась Джина и вздохнула. – Признаюсь, я буду скучать по Уиклоу, хотя с нетерпением жду новых приключений.

– Скучать? Ты уезжаешь?

Джина кивнула.

– Да, мы планируем после продажи кафе отправиться в путешествие. Ну-ну, не надо так на меня смотреть! Не грусти, мы уже давно хотели повидать мир. Мы и в Уиклоу-то оказались проездом. Думали, что не останемся надолго, а в итоге задержались на двадцать с лишним лет. – Джина засмеялась.

Конечно, эти двое имеют полное право поступать так, как считают нужным. И все-таки даже мысль об их отъезде была невыносима.

– По мнению Гидеона, Уиклоу затягивает и не отпускает.

– Угу, вот так прилетишь сюда, и все: попалась птичка, – согласился Лук.

Он подошел к шкафу и, забравшись по невысокой стремянке, достал с верхней полки бумажное полотенце. Сегодня, вопреки обыкновению, Лук надел шорты, открывающие его тощие ножки-палочки, как он сам их называл. Мое внимание привлек неровный шрам на его левой голени. Отчего-то этот шрам показался мне знакомым, хотя раньше я никак не могла его заметить: Лук всегда носил длинные брюки.

– А где вы жили до этого? – полюбопытствовала я.

Лук и Джина были самыми добрыми, чуткими людьми, которых я когда-либо встречала, но о своей жизни они не распространялись.

– То тут, то там, – отозвался Лук. – В душе мы бродяги.

– И все же больше двух десятков лет прожили в одном городке. Почему?

Внезапно засуетившись, Джина начала сосредоточенно тереть влажным полотенцем форму для выпекания кексов.

У Лука дернулась щека.

– Чтобы исправить ошибки, Анна-Кейт. Чтобы исправить ошибки.

– Исправили?

– Пока нет, но мы над этим работаем. – Лук схватил нож и принялся с преувеличенным усердием резать картошку.

– Двадцать с лишним лет?

– Расхлебывать кашу, которую заварил, можно сколько угодно.

Никто не торопит. – Джина обошла стол-остров, протирая его поверхность полотенцем. – Видишь ли, солнышко, иногда, прежде чем ворошить прошлое, приходится ждать, пока страсти улягутся. Со временем люди начинают на многое смотреть совсем по-другому.

– Значит, вы сейчас ворошите прошлое?

– Не покладая рук, – заверила меня Джина.

– А потом уедете? Куда? Что будете делать?

И что я буду делать без них?..

Вот дурочка! Я ведь тоже уезжаю.

– Куда глаза глядят. – Джина загремела кофейниками.

Я смахнула крошки с кухонной столешницы.

– Если честно, я надеялась, что вы останетесь и поможете мне управлять кафе.

– Ты раздумала поступать в медицинский?

– Нет. Я уже подписала договор с колледжем и должна приехать в Массачусетс первого августа, за пару недель до начала занятий, чтобы успеть освоиться. – Я рассеянно уставилась на горб Лука, стараясь подавить дурноту.

– Хм-м. – Джина выразительно подняла тонкие брови.

Я нахмурилась.

– Что?

– Что «что»? – эхом повторила она.

– Давай, Джина, договаривай. Ты же не любишь ходить вокруг да около.

Лук засмеялся.

– Нет, ходить она не любит, предпочитает летать и петь.

– Цыц! – Джина шлепнула мужа по руке. – Просто мне кажется, милая, что твое место здесь. Совершенно очевидно, этот город стал для тебя родным. Сама посуди: ты ввела в меню кафе блюда дня и с радостью их готовишь, составляешь рецепты чая, заботишься о кабачках и даже разговариваешь с ними. По-доброму относишься к мистеру Лейзенби, помогаешь Саммер и успела привязаться к Натали и Олли.

Я закусила губу. Хотела возразить, что это вообще ничего не доказывает, но язык не повернулся.

– Я обещала маме, что выучусь на врача, а Кэллоу обещаний не нарушают. Хорошо бы найти способ не закрывать кафе на время моего отсутствия. В полной мере я, конечно, не смогу вести дела, но буду контролировать ситуацию на расстоянии.

– А как же пироги? – резонно спросила Джина, словно прекрасно знала, что произойдет, если я перестану их печь.

Интересно, насколько она посвящена в тайну черных дроздов и шелковиц? Я вдруг заподозрила, что целиком и полностью.

– Пока не решила. Может, готовить пироги в Массачусетсе и за ночь переправлять в Уиклоу?

Упаковать заготовленные баночки с шелковицами и увезти с собой не составит труда.

Джина цокнула языком.

– Ты же умница и сама догадываешься: ничего не выйдет. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Придется выбирать: либо университет, либо кафе.

– Это не так-то просто.

– Милочка, жизнь вообще штука непростая. – Джина отобрала у меня тряпку. – Ты быпустила Отиса, пока он не выломал дверь.

Взглянув на часы, я спохватилась, что уже больше восьми, и бросилась открывать.

– Доброе у...

– Никакое не доброе, юная леди, – буркнул мистер Лейзенби и, чеканя шаг, направился к своему месту за столом.

Следом за ним вошли остальные посетители, в том числе Фейлин, мистер Бойд и еще несколько местных жителей и приезжих орнитологов, которых я не знала по именам, но запомнила их лица. Они тепло меня приветствовали, отпускали шутки насчет блюд из цукини в меню и черных дроздов, но я не сводила глаз с мистера Лейзенби. Тот сидел мрачнее тучи.

Я подхватила кофейник и подошла к нему. Подняв на меня взгляд, мистер Лейзенби сообщил:

– Пирог опять был порченным.

Я налила ему кофе, оставив место для сливок, как он любит.

– Вы не получили послания?

Он упрямо поджал губы и, помолчав, нехотя ответил:

– Получил, но какую-то бессмыслицу.

– От Розмари?

– Да.

– Что она сказала?

– Что я слепой старый дурак. – Мистер Лейзенби насупился. – Пирог больше не работает, как надо. Розмари никогда меня так не называла!

– Во всяком случае, в глаза, – хихикнула подоспевшая Фейлин, усаживаясь рядом.

– Не знаю, что и думать, – призналась я.

Мистер Лейзенби угрюмо покосился на меня.

– Где Пebbлз?

– Понятия не имею. – Я растерянно пожала плечами.

Ее место за столом пустовало.

– И я не имею, – вмешалась Фейлин, – но слыхала, что она собирается сегодня на кинопоказ. Ты бы позвонил ей, Отис, и спросил, не нужно ли ее проводить. У Пebbлз что-то колени ноют. Артрит, – добавила она для мистера Бойда и продолжила: – Ты же всегда ее опекаешь. – Наклонившись к сэру Птицелюбу, Фейлин пояснила: – Отис частенько подвозит Пebbлз на машине, таскает за нее тяжелые сумки из магазина.

– Не надо делать из меня рыцаря на белом коне, – проворчал мистер Лейзенби. – Я ей помогаю только потому, что Розмари скомандовала.

Фейлин приподняла брови.

– Ты же говорил, что она не командует?

– Хм-м... – Мистер Лейзенби обиженно отвернулся.

Получается, Розмари просит мужа приударить за Пebbлз? Я вдруг заподозрила, что в последнее время жена нарочно передает ему такие послания, чтобы отучить от пирога.

Фейлин, рассмеявшись, похлопала мистера Лейзенби по плечу.

– Запиши, пожалуйста, заказ Отиса на мой счет, Анна-Кейт. Небось, бедному старому дурачку нужно чего-нибудь вкусненькое, чтобы подсластить жизнь.

– Ты забыла добавить «слепому», – встрял мистер Бойд.

– Ах да, точно! Бедному старому слепому дурачку. Он обожает бесплатные завтраки.

– Да, обожаю. Спасибо, – буркнул мистер Лейзенби и, взяв кружку, снова повернулся к столу. Однако к разговору не присоединился и не сводил взгляда со стула Пebbлз.

Принимая заказы, я тоже ненароком поглядывала на пустующее место напротив мистера Лейзенби и думала: вдруг Розмари все это время пыталась свести мужа с Пebbлз?

Натали

Ночью меня мучила бессонница. Я не выспалась и к концу рабочего дня чувствовала себя совершенно разбитой. Планировала вечером заняться шитьем, но теперь решила, что лучше уж прилечь отдохнуть.

– С тобой точно все в порядке, милая? – уже, наверное, в сотый раз спросила Джина.

– Точно, спасибо. Просто устала, и голова немного болит. – Я взяла графин, намереваясь подлить посетителям ежевичного чая.

– Я сама. – Анна-Кейт отобрала графин. – Дай-ка я сделаю тебе целебный отвар из ивовой коры. Или хотя бы отдохни немножко.

– Нет-нет, не надо. – Я вымучила улыбку. – Не люблю сидеть без дела.

Работа помогает отвлечься и не думать о плохом.

Анна-Кейт встревоженно кивнула и понесла две тарелки к столику в углу. Уже через десять минут пора будет закрывать кафе, так что, надеюсь, поздние посетители поторопятся.

На самом деле я не только страдала от головной боли и усталости, но и очень беспокоилась.

Во-первых, из-за Олли и ее сегодняшнего занятия плаванием. Ох, как же я ненавижу эти занятия!

Во-вторых, из-за папы. Вчера, когда я зашла его проведать, он уже был в постели. В восемь вечера! Обычно в это время они с мамой пьют коктейли в патио.

Вдобавок я постоянно вспоминаю смерть Мэтта и нашу совместную жизнь. После сеансов с психотерапевтом я по крупинкам начала перебирать в памяти наши с мужем отношения. Заново

прокручиваю в голове все разговоры, жалею о каждой ссоре. Как бы мне хотелось все изменить! Найти способ. Хоть какой-нибудь.

В ушах, не переставая, словно эхо, звучат слова Кэма о прощении. Может, я и правда должна простить Мэтта. Только не представляю, как заставить себя это сделать.

Психотерапевт советует мне проявить терпение, однако оно быстро иссякает. Я бы желала быть... нормальной, что ли. Что бы это ни значило.

Мысли путаются. Вот бы сейчас лечь, заснуть и ни о чем не думать. Скорее бы оказаться в тишине... В благословенной, блаженной тишине.

Я направилась в кладовку за пакетиками с сахаром. Лук и Джина стояли в дверном проеме, спиной ко мне, и шептались. До меня долетел обрывок фразы: «...тяжелые времена, пора принимать решительные меры».

Тут Джина заметила меня и, ойкнув, схватила упаковку кофейных зерен.

– Не слышала, как ты подошла, Натали. – И, растянув губы в резиновой улыбке, Джина выскочила из кладовки.

Лук начал сосредоточенно переставлять банки на полке.

– Тебе что-то здесь нужно, Натали?

Я так и не поняла, что именно они обсуждали, но, судя по их виновато покрасневшим лицам, лучше и не знать.

– Сахар.

Потянувшись за коробкой сахара, Лук случайно столкнул две, находившиеся рядом, и ловко подхватил их на лету.

– Впечатляет, – похвалила я, забирая у него одну из коробок.

– Кошачьи повадки иногда пригождаются.

Когда я возвращалась в кухню, дверь распахнулась, и в кафе, опираясь на трость, покусывая какую-то палочку, шагнул Обин Павежо. Он был одет в серую футболку с надписью «Вперед, «Тайд»!» и джинсы, а на плече у него висел рюкзак.

Джина присвистнула.

– Гляньте-ка, кто пришел! Долго же ты тянул кота за хвост, прежде чем решиться.

– Не люблю котов. – Сунув палочку в карман, Обин в знак приветствия обнял Джину.

– Ну, о вкусах не спорят, – засмеялась та. – Все еще жуешь веточки ликвидамбара, Обин? Кое-кто совсем не меняется.

– Увы, меняются другие, – грустно улыбнулся тот.

– Это правда, – вздохнула Джина и указала на меня. – Ты же знаком с Натали Уокер? Это младшая сестренка Эджея.

Обин побледнел. Даже показалось, что сейчас он развернется и хлопнет дверью. Ни для кого не секрет, какого мнения он о нашей семье. Удивительно, как мы умудрялись не сталкиваться в таком крошечном городке. Обина я видела крайне редко и только издалека.

Оправившись от замешательства, он протянул руку.

– Сколько лет, сколько зим, Натали. У тебя глаза как у Эджея. Такая же форма, я имею в виду. Цвет другой.

Мы обменялись рукопожатием.

– У нас папины глаза. Ни с кем не спутаешь.

При упоминании о папе во мне опять всколыхнулась тревога.

– Мы тебе очень рады, Обин, – произнесла Джина. – Правда, Лук?

– А то как же! Ужасно рады, – кивнул тот. – Выбирай любой столик.

– Большое спасибо, я ненадолго, – отказался Обин. – Мне надо поговорить кое о чем с Анной-Кейт. Или ей сейчас некогда?

– А где она? – Джина оглянулась. – Убежала куда-то...

– Вышла в сад, – объяснил Лук. – Наверное, собирает кабачки. А вот и она!

И действительно, в кухню входила Анна-Кейт. Положив на столешницу два кабачка и пучок петрушки, она улыбнулась Обину.

– Какой приятный сюрприз! Добро пожаловать, мистер Павежо.

– Я ведь просил называть меня просто Обин.

– Извините, привычка. – Анна-Кейт вытерла руки и приблизилась к гостю. – Что вас привело?

Обин снял с плеча рюкзак.

– Я на той неделе разбираю бытовку и откопал бабулино оборудование для печати на ткани.

– Птичка на хвосте принесла, что твоя бабушка была одной из тех художников, благодаря которым Уиклоу процветал, – промолвил Лук.

– Так и есть. Она делала рисунки и надписи на одежде. Я нашел старые деревянные блоки-штампы и, главное, станок для трафаретной

печати. Почистил его, разобрался, как он работает, и вот... – Обин вытащил из рюкзака сложенную белую футболку и развернул ее.

На ней был нарисован черный дрозд, сидящий на ветке шелковицы. Вокруг картинке вилась надпись: «Кафе «Черный дрозд», Уиклоу, Алабама».

Ахнув, Анна-Кейт прижала ладони к щекам.

– Боже мой, Обин! Это же чудесно! Великолепно!

– Очень красиво! – подтвердила я. – Сами делали?

– Да, мэм. Давно этим не занимался и потерял сноровку, но стоит немного потренироваться – и можно выставлять футболки на продажу.

– И так отлично получилось. – Анна-Кейт провела пальцем по изображению.

– Покажите-ка! – Джина протолкнулась поближе к футболке. – Обин, да ты талант!

В это время Лук поймал мой взгляд и кивнул на две тарелки на столешнице. Подхватив их и заодно графин воды, я поспешила в зал и мимоходом посмотрела на часы. Пора закрываться. Слава богу!

Я подошла к двери, намереваясь ее запереть, но тут заметила, что к кафе приближаются мама и Олли.

Увидев меня, малышка пустилась бегом.

– Мама!

Я взяла дочку на руки и уткнулась носом в ее шейку. От восторженного визга Олли стало спокойно и тепло на душе... Но тут я почувствовала, что ее волосы пахнут хлоркой.

– Как прошел урок плавания? – выдавила я.

Мама улыбнулась.

– Оливия-Ли скоро станет настоящей русалочкой.

Сердце екнуло.

– Вы пришли пообедать? Мы уже закрываемся, но я могу быстренько что-нибудь состряпать.

Мама указала на свою сумку.

– Спасибо, не надо. Я передам Анне-Кейт несколько семейных фотоальбомов, а потом мы с Олли поедим мороженое «У Адалин». Приятно, что в Уиклоу опять закипела жизнь.

Мы прошли в кафе, и я сразу же отметила, что Обин Павежо исчез. Проволочная дверь захлопнулась за его спиной. Я выглянула на террасу.

Обин спускался по ступенькам в сад. Что ж, я его не виню. На его месте я бы тоже избегала мою маму.

– Анкей! Пливет-пливет! – закричала Олли.

Я поставила ее на ножки, и она бросилась к Анне-Кейт. Та, наклонившись, распахнула объятия.

– Привет, Олли! Как вы с бабушкой провели день?

– Плавали!

– Так ты сегодня плавала? – пощекотав Олли, Анна-Кейт втянула щеки и выпятила губы, изображая рыбу. – Ты маленькая рыбка, да?

Дочка, засмеявшись, попыталась скопировать гримасу.

– Лыбка!

– Хочешь сока?

Олли кивнула, и Анна-Кейт направилась к холодильнику.

– Мама, садись, я налью тебе чаю, – предложила я.

Когда последние посетители покинули кафе, я занялась уборкой, радостная Олли увлеченно играла с веником и совком, а мама и Анна-Кейт целиком и полностью погрузились в просмотр семейных фотографий. Если мама и собиралась отправиться с Олли в кафе-мороженое, то напрочь об этом забыла. Судя по внушительной стопке альбомов и маминому виду, она никуда не спешила.

– А вот на этом снимке Эджей лепит для меня куличик на День матери, – рассказывала мама. Они с Анной-Кейт в обнимку склонились над фото. – Ему здесь четыре годика. Гляди, какой чумазый! Помню, как он гордился своим подарком! Улыбался до ушей.

Недолгая жизнь Эджея была, можно сказать, поминутно задокументирована: дома у нас хранилось бесчисленное количество альбомов с его фотографиями. А с моими – всего два. Мне никогда не доставалось от мамы столько любви и внимания, сколько сейчас Анна-Кейт. Если мы и сидели вот так рядышком, то лишь когда мама отчитывала меня в своей тихой, холодной манере.

Джина подтолкнула меня бедром.

– Ты как?

– Да все нормально, – отозвалась я.

Мама продолжала вещать об очередном подвиге Эджея.

– Что-то не верится.

– Ты же знаешь, я никогда не вру.

– Я вижу, что тебе больно. Я ведь не слепая. Меня не проведешь.

Мы с Джиной и Луком подружились весенней ночью четырнадцать лет назад. В тот день мы с мамой сильно повздорили из-за какой-то мелочи. Разозлившись, я сбежала из дома среди ночи и отправилась гулять по лесу на другом берегу реки. Через какое-то время я было собралась повернуть домой, но поняла, что заблудилась. Я бы, наверное, плутала до утра, если бы не отпечатки кошачьих лап, которые я различила в свете фонарика.

Следы привели прямиком к домику Джини и Лука. Казалось, супруги Бартелеми меня ждали. Усадили за стол, налили горячего шоколада, и я долго плакалась им в жилетку, жалуясь на жизненную несправедливость.

С тех пор я часто гостила у них, помогала по хозяйству и слушала рассказы о путешествиях. Я полюбила Лука и Джину, потому что они принимали меня такой, какая есть.

– Да, больно, – призналась я. – Но ничего страшного. Для Анны-Кейт очень важны фотографии Эджея и разговоры о нем. Это же история ее семьи.

– По-моему, тебе плохо не из-за фотографий и разговоров об Эджее. – Похлопав меня по щеке, Джина стала мыть посуду.

Когда же наконец этот ужасный день закончится? Я пропела про себя алфавит, чтобы отделаться от грустных мыслей, и начала демонстративно переворачивать стулья. В этот момент раздался стук. У порога стоял Джош Колбо в полицейской форме. Сердце испуганно замерло. Но он улыбнулся, и у меня отлегло. Значит, Джош пришел не для того, чтобы принести плохие новости о Кэме. Слава богу.

Анна-Кейт открыла дверь.

– Привет, Джош.

– У тебя есть минутка? – Он поманил Анну-Кейт наружу.

– Конечно. – Откликнулась та и вышла из кафе.

– Что происходит? – забеспокоилась мама.

– Понятия не имею. – Я перевернула очередной стул и, водрузив его на стол, оглянулась на Олли – проверить, все ли хорошо.

Дочка по-прежнему забавлялась с веником и совком. И зачем только я покупаю ей игрушки?

Не знаю, о чем Джош говорил с Анной-Кейт, но уже через минуту она, хмурясь, вернулась в зал.

– Что случилось? – поинтересовалась я.

Анна-Кейт опустилась на стул и вздохнула.

– Я просила у Джоша копию полицейского отчета об автокатастрофе, но несколько лет назад отчет был уничтожен во время наводнения.

Мама стала расправлять пластиковую пленку, закрывающую снимки.

– Для тебя так важен этот отчет?

– Да. Я хочу выяснить все об аварии. Полицейский отчет – самый подробный и объективный источник информации.

Мама продолжала тереть пленку.

– У меня где-то лежит его копия. Запрятана подальше, чтобы не потерять.

– Правда? – Анна-Кейт широко распахнула глаза.

Мама кивнула.

– Постараюсь найти ее к воскресному обеду. Если, конечно, ты придешь к нам на этой неделе. Если нет, могу занести сюда. Как тебе удобнее.

– Спасибо, Сили. Я приду.

Мама, просияв, перевернула страницу фотоальбома.

– А вот этот снимок...

Намеренно пропуская ее слова мимо ушей, я попыталась подавить нарастающее чувство горечи. Теперь придется выслушивать не только о жизни Эджея, но и о его смерти.

Внезапно я осознала, что больше не могу этого вынести. Ни минуты.

Подхватив Олли, прошла в кухню, сняла фартук и, помахав Джине и Луку, выбежала в сад. Со стуком захлопнулась дверь из проволочной сетки. Я оглянулась.

Ни Анна-Кейт, ни мама не заметили нашего ухода.

– Красиво у вас тут, – похвалил журналист, следуя за своим арендодателем.

Обин Павежо, прихрамывая, направлялся к небольшой хижине, где журналист планировал провести ночь. Впереди бежала симпатичная собака шоколадного цвета, а из загона позади дома доносилось бляение коз.

– Спасибо. Мы с женой сами построили этот дом после свадьбы.

– Мы с вашей супругой пока не знакомы. – Журналист обошел попавшуюся на пути курицу. – Она часто видит черных дроздов?

– И не познакомитесь. Фрэнси умерла шесть с лишним лет назад. С черными дроздами чаще всего имеет дело моя дочь, Саммер.

– Мне очень жаль. Несчастный случай? – Тотчас пожалев о своем вопросе, журналист поморщился. – Если не хотите – не отвечайте. Напрасно я спросил. Это было бестактно с моей стороны.

– Не переживайте. Фрэнси погибла в аварии. Я скорее склонен расценивать это как карму.

Натали

Вечером в начале восьмого раздался стук в дверь. Я вскочила, пока незваный гость не постучал снова. Мы с родителями намеревались отвести Олли на мультфильм, но, вопреки нашим планам, она уснула. Пришлось уложить ее в постель пораньше, иначе она бы все время капризничала. Ну, ничего. Посмотрим кино в следующий раз.

Я поискала в интернете информацию, как создать онлайн-магазин, и была приятно удивлена, обнаружив, что это вполне осуществимо.

Даже легко осуществимо.

Меня переполняло воодушевление. Почему бы не основать собственный магазинчик?

Пока Фейлин не подала такую идею во «Всякой всячине», подобные мысли мне даже в голову не приходили. А сейчас... Я поняла, что желаю этого всей душой! Заниматься шитьем, изобретать новые наряды, открыть свое дело – это же мечта!

Однако мое настроение померкло, когда я увидела в окно, что перед дверью стоит мама с сумкой на плече и коробкой в руках. Поверх коробки – обернутое фольгой блюдо. Не представляю, как мама изловчилась постучать.

Возведя глаза к небесам, я простонала:

– Seriously? Сейчас?

Однако, поймав себя на том, что в точности повторяю мамин стиль поведения, я немедленно поклялась никогда больше так не делать и нехотя открыла дверь.

– Мама, уже поздно, я плохо себя чувствую и собираюсь скоро лечь...

Та прошла мимо меня, бросив неодобрительный взгляд на мои пижамные шорты и майку.

– Я ненадолго. Твой папа решил вздремнуть перед кинопоказом, и я подумала, что самое время зайти к тебе. – Она огляделась. – Оливия-Ли уже в постели?

Я закрыла дверь.

– Да. Видимо, у нее сейчас идет скачок роста. Она уснула прямо за ужином, так что пришлось уложить ее пораньше.

Мама поставила коробку на кофейный столик и отдала мне блюдо.

– Ты не голодна? Я принесла жареную курицу с картофельным салатом и кусок шоколадного торта.

– Мы с Олли поужинали спагетти. Спасибо большое, – растроганно поблагодарила я. – Завтра с удовольствием поем.

– Тебе уже лучше?

– Гораздо. Уверена, к утру все пройдет. – Если днем боль молотом стучала в висках, то сейчас лишь слегка пульсировала. Я поставила блюдо в холодильник, сходила проверить Олли и, вернувшись, спросила: – Папа нормально себя чувствует? По-моему, он стал очень много спать.

Мама устроилась на диване.

– Говорит, нормально.

– Но?..

Она покрутила пуговицу на рукаве. Мне уже начало казаться, что мама решила проигнорировать мой вопрос, когда она наконец поддала голос:

– Уже несколько месяцев он странно себя ведет. Я все внушаю ему, что надо сходить к врачу, но он уперся как баран. А что ты еще заметила?

– Папа быстро устает. Мало ест. Морщится, как от боли, каждый раз, когда что-то поднимает или нагибается. – Я села в кресло, поджав под себя ноги. – Считаешь, это что-то серьезное?

Мамины светло-голубые глаза потемнели.

– Будем надеяться, что дело в возрасте. Мы ведь не молодеем.

Твой отец умирает.

– Да, будем.

– Я постараюсь все же уговорить его пойти к врачу.

– Я тоже. Авось убедим вместе.

Вдали небо озарилось разноцветными всполохами, послышался грохот фейерверков. Жители Уиклоу начинают отмечать День независимости за неделю до праздника и продолжают веселиться где-то до десятого июля, если не дольше. По-моему, им просто нужен повод позабавляться с пиротехникой.

– Я принесла ткани от Пэтси, – мама кивнула на коробку, – и кое-что еще.

Похоже, у нас разные представления о том, что такое «ненадолго». Судя по всему, она вознамерилась провести тут пару часов. Хотя после ее сегодняшнего визита в кафе я могла бы догадаться, что так и будет.

– Выпьешь что-нибудь? Кофе? Чай? Горячий или со льдом? Кока-колу? У меня целый ассортимент напитков с кофеином.

– А джин есть? Неделька выдалась трудная...

Никак не ожидала такого поворота. У меня вырвался смешок.

– Джина нет. Как насчет вина?

– Белого?

– Сейчас, минутку.

Выйдя в кухню, я вытащила из шкафчика два бокала и, налив в них вина, осторожно понесла в гостиную. Деревянные половицы скрипели под босыми ногами. Если мама и заметила, что я без обуви, то деликатно промолчала. У нее манеры лучше, чем у меня.

– Хорошее вино, – сделав глоток, похвалила она.

– Конечно, папа сам выбирал. Это его подарок на новоселье.

– Наверное, чтобы тебе легче было общаться с мамой.

– Может быть. – Я тоже отпила из бокала.

– Удивительно, что бутылка до сих пор не почата.

Я снова засмеялась. Интересно, когда в последний раз нам было так весело? Пожалуй, никогда.

– Папа подарил две. Первой уже нет.

Мама шутливо покачала головой и, поставив бокал на салфетку, вытащила из сумки солидную канцелярскую папку с тремя крепежными кольцами.

– Я просматривала свои старые модели одежды и подумала, что некоторые из них могут тебе пригодиться. Здесь есть детские платяца и ночные рубашки, футболки и комбинезончики. Если что-то понравится – бери, я буду рада. Тут не только выкройки, но и рисунки того, что должно в итоге получиться. – Мама вручила мне папку.

Я принялась перелистывать страницы, с восхищением разглядывая картинки.

– Потрясающе! А ты вроде бы не шила ничего из этого...

– Большинство моделей я придумала еще до твоего рождения. А после смерти Эджея перестала шить. Спустя несколько лет вернулась к этому занятию, но уже без прежнего энтузиазма. А когда увидела то, что мастеришь ты, во мне вновь проснулась тяга к рукоделию, опять появилось желание создавать новые фасоны. Дело в том, что, потеряв сына, я утратила и частичку себя, – мягко добавила мама. Могла бы не объяснять. Я и так все знаю. Ох, до чего же хорошо знаю... – Я пытаюсь измениться, стать лучше и снова быть собой, Натали.

Не припомню, чтобы мы с мамой сидели вот так и говорили по душам, делясь друг с другом переживаниями и тревогами. И при этом между нами не ощущалось неловкости.

– Мне нравятся такие перемены. Приятно видеть тебя такой, как раньше.

– Жаль, потребовалось слишком много времени, чтобы понять, насколько далеко все зашло. Я это осознала, лишь когда встретила Анну-Кейт.

Что ж, логично. Чтобы возродиться, маме нужен был Эджей, и она обрела его через Анну-Кейт.

– Дай-ка сюда, пожалуйста, – попросила мама.

Я передала ей папку, и мама положила ее на кофейный столик, раскрыв на второй странице.

– Это первое платье, которое я придумала еще задолго до рождения Эджея.

Наклонившись, я принялась изучать нарисованное милое розово-оранжевое платьице с серой отделкой и изящными рукавами-фонариками.

– Всю жизнь я мечтала о большой счастливой семье. Я все распланировала. Не сомневалась, что рожу четырех дочек и четырех сыновей. Что лишний раз доказывает: я не всегда добиваюсь своего.

Я вздрогнула. Господи, она что, действительно шутит? Моя мама? Да, потребуется время, чтобы к ней привыкнуть.

Мама постучала по картинке.

– Это платье я сшила для своей старшей дочери. Была уверена, что первой родится девочка.

Я попыталась представить, что у меня семеро братьев и сестер, и не смогла. Да что там, я не могла вообразить даже одного брата или сестру. Ведь по сути я была единственным ребенком.

– Конечно, этого не случилось, – продолжала мама. – Нам не сразу удалось родить Эджея. Несколько лет мы безуспешно старались завести второго ребенка, пока наконец не оставили бесплодные попытки. Вся любовь, которую я собиралась подарить своим детям, досталась сыну. Ох, как же я его разбаловала... У нас была чудесная маленькая семья, и я радовалась тому, что имею, но мне всегда хотелось еще малыша. А потом родилась ты – идеальный ребенок, самый красивый на свете, с огромными карими глазами и губками бантиком. Мы забирали тебя из родильного отделения, нарядив вот в это платьице.

– Ты хранила его все это время?

– Конечно, – кивнула мама. – В сундуке с приданым. Когда ты появилась, моя мечта исполнилась. Я была счастлива. Но смерть Эджея все разрушила.

– Мама, хватит. Пожалуйста, – взмолилась я, не в силах вынести ее откровений. Ведь невозможно вернуть Эджея или изменить то, как мама обращалась со мной почти всю мою жизнь. – Что сделано – то сделано. Оставим это в прошлом.

– Нет, Натали. – В мамином голосе прозвучали жесткие нотки. – Мне нужно выговориться.

Судя по ее непререкаемому тону, она твердо решила высказать все, что накипело. Что ж, надо выпить побольше. Я долила вина сначала

себе, потом маме и, вздохнув, уселась поудобнее.

– Я всю себя отдавала Эджею. Когда он погиб, казалось, я умерла вместе с ним. И боже мой, как же я боялась потерять тебя тоже! Ведь то, что случилось однажды, вполне могло повториться.

Я отставила бокал на столик и подтянула колени к подбородку.

– Я переживала, что с тобой может произойти что-то ужасное. День и ночь меня одолевал страх. Я очень тебя любила и оберегала как могла. Я мелко-мелко нарезала еду, чтобы ты не подавилась. Следила, чтобы ты чаще мыла руки и, не дай бог, не заболела. Старалась не садиться с тобой за руль. Всюду сопровождала, боясь, как бы ты не попала под машину и не споткнулась о трещину в асфальте. Мне не нравилось, когда ты рисовала пальцами, потому что краска бывает ядовитой, и когда возилась в саду, потому что в почве много бактерий. Я не пускала тебя в толпу, не давала дружить с неблагонадежными детьми. Представляла, что они потом научатся водить машину и съедут вместе с тобой в кювет...

В груди отчаянно заныло.

– Я всегда знала, из-за чего ты так себя ведешь. Но никак не могла взять в толк, почему ты выбрала властность и деспотизм, а не ласку и нежность. Всю жизнь я желала только одного: чтобы вернулась прежняя мама, любящая и веселая, с играми и песенками, поцелуями и объятиями.

Мамин подбородок задрожал. Она крепко сжала губы и, справившись с собой, произнесла:

– Боль от потери Эджея изменила меня, Натали. Я не осознавала, что моя доходящая до безумия материнская любовь калечит тебя, твою судьбу, наносит тебе вред. Джеймс много раз на это указывал, но меня ослепил страх. – Мамин взгляд наполнился раскаянием. – Я отчаянно пыталась защитить тебя и удержать рядом с собой. Тем больнее понимать, что сама же тебя и оттолкнула. Теперь я вижу, почему ты бунтовала и все делала мне наперекор. Прости меня, Натали.

Сердце сжалось.

– Я с тобой, мама. Я вернулась.

– Да, и это главное. Все остальное не имеет значения. Как я уже сказала Анне-Кейт, прошлое неизменно, а люди меняются. Мне было трудно, но давно пора извлечь из прошлого уроки и жить дальше.

Обещаю стать для тебя лучшей матерью, Натали. Только дай мне немного времени.

После невероятно тяжелого дня от таких признаний во мне поднялась волна паники. Силясь справиться с нахлынувшими чувствами, я посмотрела на висящую на стене фотографию с водопадом и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Боль меняет людей. Кому, как не мне, известно, что невозможно вернуться к тому, что было раньше. Никогда.

– Не нужно никакого времени. У тебя уже получается.

В воскресенье к обеду Олли совсем сморило. Натали не стала усаживать сонную дочку на стульчик и держала ее на руках.

– Может, тебе лучше еще полежать? – предложила я, садясь за стол.

Вчера она отпросилась с работы из-за мигрени, да и сейчас, судя по всему, чувствовала себя неважно. Я переживала за Натали, особенно после того, как в пятницу она ушла не попрощавшись.

– Я в порядке, – заверила Натали. – Олли последние два дня все время смотрит мультики. Это, конечно, не делает мне чести как матери, зато я смогла отдохнуть с влажным полотенцем на лбу.

– В порядке? В полном порядке? Волноваться совершенно не о чем?

– Именно, – улыбнулась та, и я немного успокоилась.

Джина утверждает, что в пятницу Натали стало плохо, поэтому она так быстро убежала, но сдается мне, дело не только в этом.

Она явно огорчилась из-за Сили и фотоальбомов.

Я слышала, что у Натали было непростое детство, и, вероятно, ей тяжело видеть, как Сили носится с фотографиями. Жаль, что я не сразу поняла. Слишком увлеклась разглядыванием снимков. Я снова ощутила укор совести.

Док, морщась от боли, опустил на стол наполненный чаем графин.

– Папочка, ты как? – занервничала Натали.

– Как огурчик, – отозвался док, направляясь на кухню.

– Никогда не понимала, откуда взялось это выражение, – покачала головой Натали.

Сегодня цвет лица у дока еще более болезненный, а под глазами залегли тени. Похоже, он похудел фунтов на пять^[12]: щеки впали, шея стала совсем тощей, а живот, напротив, раздулся. Странно, что ни Сили, ни Натали ничего не замечают.

Док все еще не рассказал им о своем недуге. Видимо, Линдены относятся к обещаниям менее щепетильно, чем Кэллоу. Поговору с

ним, как только появится возможность уединиться, потому что время не на его стороне. Здоровье дока стремительно ухудшается.

Сили вошла с тарелкой моркови, приготовленной на пару, и, убедившись, что у каждого есть напитки, вилки и салфетки, села за стол.

– Натали, давай посадим Олли на стульчик?

Олли. Сили назвала сокращенное имя внучки. Я покосилась на Натали. Заметила ли она?

Та растроганно улыбнулась, ее взгляд потеплел.

Заметила.

– Лучше я ее подержу, – отказалась она, укачивая дочь. – Олли все еще дремлет, а ты же знаешь, какая она капризуля, когда не выспится.

Док внес корзину с хлебом. Сили озабоченно наблюдала, как он занимает место за столом. Возможно, от нее не укрылся желтоватый оттенок его кожи.

– Дяло, – сонно прохныкала Олли.

Натали вытащила из стоящего рядом рюкзака лоскутное одеяльце и укутала дочку.

– Тише, тише. Вот твое одеяло.

– Да ведь это же... – вытаращившись на него, ахнула я.

– Это ее любимое одеяльце – подарок на первый день рождения. Она плохо без него засыпает, – пояснила Натали. – Мама смастерила его из кусочков, вырезанных из Оллиной одежды, которая стала уже мала.

Я в изумлении повернулась к Сили.

– Что такое, Анна-Кейт? – удивилась та.

– У меня с самого детства есть такое же одеяло. Правда, лоскутки другие... И я тоже не могу без него уснуть.

– Ну и ну! – только и вымолвил док.

Сили, ахнув, прижала ладони к щекам.

– Должно быть, одеяло Эджея! Оно исчезло в день автокатастрофы. Сын накрыл им корзину с продуктами: собирался устроить пикник. Только после аварии одеяло словно испарилось. Мы так и не выяснили, куда оно делось. В больнице у Иден его тоже не было, я проверяла. Как оно попало к тебе?

– Даже не представляю. Я всегда знала, что это папино одеяло, но понятия не имела, что его сшили вы.

– Твой папа был бы рад, что оно оказалось у тебя, – кивнула Сили. – И я тоже.

Взяв из корзины булочку, Натали отломала кусочек для Олли, однако малышка отказалась от угощения и уткнулась маме в шею.

– Ты любишь морковь на пару, Анна-Кейт? – поинтересовался док. Сили придвинулась ко мне.

– Эджей ее терпеть не мог. Когда мы в первый раз дали ему морковку...

Слушая ее вполуха, я припомнила наш разговор с Натали: «Хуже всего было с едой. Стоило мне сказать, что я люблю морковь, и мама тут же пускалась в воспоминания о том, как Эджей, впервые попробовав морковку, выплюнул ее прямо на папин галстук».

Хотелось как можно больше узнать об отце, но я боялась ранить чувства Натали. Меня и так мучила вина за то, как мы с ней поступили в пятницу. Если раньше я не была уверена, что рассказы Сили причиняют Натали боль, то теперь прекрасно это видела по ее глазам. Главное – смотреть внимательнее.

Я взяла у дока тарелку и, быстро положив себе моркови, поспешила сменить тему.

– Сили, как вы считаете, на ярмарке хватит места еще для одной палатки?

– Конечно. А что?

– Мы с Обином Павежо хотели бы продать несколько сувенирных футболок.

– С изображением черных дроздов и названием кафе? – уточнила Натали. – У Обина настоящий талант.

– Да, эти, и с другими принтами тоже.

Сили поджала губы.

– Футболки?

Я объяснила, как появился такой проект и какие подписи и картинки мы печатаем на ткани.

– Улет? Офигенно? – Сили нервно стиснула жемчужные бусы. – Тебе не кажется, что эти слова не совсем приемлемы? Полагаю, их не следует помещать на футболки.

– По-моему, это забавно. Я бы с удовольствием такие носила, – заявила Натали.

– Не вздумайте, юная леди! – сорвалась ее мать. – Это безвкусно!

Время от времени Сили теряла контроль над собой. Однако Натали, судя по улыбке, не восприняла тираду матери всерьез.

– Попробуйте оценить ситуацию в целом, – возразила я. – Хотя мы продаем футболки, чтобы выручить деньги на колледж Саммер, такой маркетинговый прием не останется без внимания. Комитету по благоустройству стоит взять его на заметку. Мы привлечем в Уиклоу туристов. А приехав в город, они, вполне вероятно, тут задержатся. Полюбуются на черных дроздов, покатаются на велосипедах, отправятся в небольшой поход по окрестностям...

– ...потратят деньги, – подсказала Натали.

– Именно!

Сили поджала губы еще сильнее.

– И все-таки это офигенно безвкусно.

Натали от хохота поперхнулась чаем, а Сили, невинно похлопав ресницами, потянулась за булочкой.

Док поковырял вилкой картофельное пюре.

– Если кафе через несколько недель прекратит работу, имеет ли смысл делать футболки? Как по мне, это напрасная трата сил и времени.

Мы все повернулись к нему.

– Что? – не понял он.

– Анна-Кейт ведь объяснила, что собирает средства на обучение Саммер, – произнесла Сили.

– Да? Наверно, я прослушал. – Док отпил еще чая.

Натали, озабоченно хмурясь, взглянула на Сили.

Я едва сдержалась, чтобы не отчитать дока прямо здесь и сейчас. Он должен признаться жене и дочери, что болен. Несправедливо утаивать это от них.

– Я уже искала способы не закрывать кафе на время своего отсутствия. Может, найму штат сотрудников, которые подменят меня на пару лет. Я бы могла печь пироги в Массачусетсе и отправлять их в Уиклоу. Джина считает, что ничего не выйдет, а по-моему, все можно устроить.

– Ты ведь здесь счастлива, Анна-Кейт. Ты тут ожила, это видно невооруженным глазом. Перенеси отъезд на следующий год, – посоветовала Сили. – Поживешь пока в Уиклоу, уладишь все дела в кафе...

– Отличная мысль! – подхватила Натали и, заметив, что Олли вытащила руку из-под одеяла и тянется к ее булочке, отдала ей оставшийся кусочек. – Куда тебе торопиться?

– Ни в коем случае, – запротестовал док. – Не подавайте Анна-Кейт дурацких идей просто потому, что не желаете с ней расставаться. Если она начнет откладывать учебу, то привыкнет к Уиклоу, обустроится и в итоге вообще никуда не уедет.

Сили смерила его ледяным взглядом.

– Анна-Кейт сама должна сделать выбор. Очевидно, что у нее не лежит душа продавать кафе. Мы предлагаем ей варианты.

– Она уже выбрала. В августе у нее начинаются занятия, разве не так?

– Обстоятельства изменились, – сквозь зубы процедила Сили. – Анна-Кейт вполне может отказаться от этой затеи.

Док, побледнев, упрямо выпятил подбородок.

– Нет, она должна как можно скорее отучиться в медицинском, чтобы я передал ей своих пациентов.

Я замерла.

– Секундочку! С чего вы это взяли? Я на ваших пациентов не претендую.

– Предполагалось, что после меня мое место займет Эджей. А раз его нет, оно твое.

Я судорожно смяла в руках салфетку, стараясь подавить приступ дурноты. Получается, вот к чему он стремился все это время?

– То есть вы вешали мне лапшу на уши, что хотите общаться со своей внучкой, что пора оставить прошлое и жить дальше... ради этого?

Я так и знала, что он манипулятор! Только не понимала, до какой степени.

– Суккоташ! – завопила Натали. – Суккоташ!

– Какой еще суккоташ? – уставилась на нее Сили.

Натали подхватила рюкзак.

– Анна-Кейт, нам пора.

– Ты сама говоришь: Иден настаивала, чтобы ты пошла по стопам отца. – В голосе дока зазвенел металл. – А значит – на мою работу!

– Господи помилуй, – прошептала Натали.

– Помилуй! – из-под одеяла повторила Олли.

Я задыхалась от гнева.

– Да, по стопам отца, но необязательно на вашу работу! Это моя жизнь! Почему-то никого не волнует, чего хочу я. Вы однажды задали вопрос, жалею ли я о чем-нибудь, и я ответила, что да. Так вот, я жалею, что обещала маме выучиться на врача! Чтобы ее не расстраивать, я дала слово, а слово – не воробей. Я закончу медицинский, но на этом – все. Дальше я буду принимать решения самостоятельно.

– Ты же в курсе, что я думаю о сожалениях. – Док поднялся на ноги.

Я вдруг вспомнила, что он сказал при нашей первой встрече: «Мне кажется, сожаления похожи на рак: он точно так же уничтожает человека, медленно, исподтишка».

Моя злость мгновенно испарилась. Может, док с самого начала признался, чем болеет? Неужели у него рак?

О боже...

– Мне нужно на воздух, – промолвил док. – Вернемся к этому разговору позже.

– Папочка? Все хорошо? – всполошилась Натали.

– Джеймс? – Сили вскочила со стула.

Док покачнулся, и я успела подхватить его прежде, чем он упал.

Натали

– Он меня обманывал. – Казалось, сердце сейчас разорвется. – То есть не говорил всей правды, но это то же, что ложь! Я напрямую спросила, хорошо ли он себя чувствует, и он ушел от ответа.

– Наверное, не хотел тебя волновать, – предположила Анна-Кейт, глядя на меня красными, воспаленными глазами.

– Да, но от этого не менее больно. Папа мне врал!

Анна-Кейт сжала мою ладонь.

В ушах вдруг зазвучали слова Кэма: «Иногда люди лгут, чтобы защитить тех, кого любят».

Мы уже несколько часов сидели в больнице, в ожидании, когда выпустят папу. Фейлин Уиггинс, дай бог ей здоровья, зашла за Олли и

отвела ее к Марси. Пусть дочка поиграет с Линди-Лу, а потом я ее заберу.

Вопреки рекомендациям врачей папа отказался от госпитализации, заявив, что дома ему и стены помогают, и никто не смог его переубедить.

Папу отправляли домой, прописав паллиативное лечение.

Рак.

У него рак. Он сжирает папины легкие, мешает работе печени. Метастазы распространились в поджелудочную железу, в желудок.

Папа выяснил это почти полгода назад и ни с кем не поделился. Нет ни малейшей надежды на выздоровление. Папе осталось жить от силы несколько месяцев, и то если повезет. Его уже не спасти.

Голова шла кругом, и ярко окрашенные стены давили на меня со всех сторон. По всему телу разливалась боль. Хотелось только одного: вернуться домой и внушить себе, что все случившееся – кошмарный сон и я проснусь с минуты на минуту.

– Я знала, что он болен, – надломлено произнесла Анна-Кейт. – Но не думала, что смертельно.

Я была настолько поглощена своим горем, что до меня не сразу дошло, о чем она говорит. Я повернулась к ней.

– Ты знала? Откуда?!

– Поняла по его виду. Нездоровый цвет лица, желтоватые белки глаз... Он упомянул, что часто ходит к врачу.

Словно обжегшись, я выдернула ладонь из рук Анны-Кейт.

– И давно ты это поняла?

Она поморщилась.

– При первой встрече.

– Почему ты нам ничего не сказала?! – резко выкрикнула я, мельком заметив, что говорю совсем как мама – до того, как она решила измениться. Ну и плевать.

В зеленых глазах Анны-Кейт отразилась боль.

– Я не подозревала, что все так серьезно. К тому же сначала это было не мое дело, а потом док попросил меня молчать, и я пообещала...

– Некоторые обещания не просто можно, а нужно нарушать, Анна-Кейт. Поверить не могу, что ты скрыла это от нас.

– Он дал слово, что сам во всем признается.

– В каком-то смысле так и получилось, правда? Ты должна была рассказать о его болезни, Анна-Кейт. Должна была.

Ложь, ложь, кругом сплошная ложь!

Внезапно в моей голове зазвенел мелодичный голос: «Твой отец умирает», и сердце сжалось.

Я и сама знала. Кто-то меня предупредил.

Только я не придавала этому значения.

Как я могла?!

К горлу подкатила тошнота. Если я немедленно отсюда не выберусь, меня вырвет. Вскочив на ноги, я поспешила к выходу, надеясь, что на улице станет легче.

Однако стоило выйти и глотнуть свежего воздуха, как я поняла: легче уже не станет. По щекам потекли горячие слезы, и чем больше я старалась их унять, тем сильнее меня душили рыдания.

Папа умирает...

Журналист совсем недавно приехал в город, но и до него уже дошли слухи о диагнозе доктора Линдена. В кафе только и разговоров было, что о его болезни.

– Доктор Линден, спасибо, что согласились уделить мне время.

– Пожалуйста, зовите меня просто док. – Линден обхватил ладонями картонный стаканчик с кофе. – Не уверен, что обладаю информацией, необходимой для вашей статьи. Конечно, я слышал о черных дроздах, но никакого отношения к ним не имею.

– А что вам о них известно?

Док задумчиво уставился в свой стакан.

– Лишь одно: черные дрозды появились в Уиклоу задолго до моего рождения и останутся здесь еще на много лет после того, как меня уже не будет.

Анна-Кейт

«Куда пропал мистер Лейзенби?»

Я подскочила на кровати и, протерев глаза, огляделась. Я могла поклясться: секунду назад женский голос спрашивал меня о мистере Лейзенби. Однако в комнате никого не было. Только у раскрытого окна, на внешнем подоконнике, нахохлившись, примостилась птичка. В утреннем свете я различила неестественно вывернутое крыло. Видимо, это тот самый чибис, что живет неподалеку. К счастью, птица, кажется, не собирается залетать внутрь.

В любом случае я не в настроении гоняться за ней по дому.

Я снова откинулась на подушки. Может, этот вопрос мне просто почудился? Тем более что вчера я засыпала с мыслями о мистере Лейзенби. Около недели назад, когда Пибблз не появилась в кафе, он ушел обиженный и огорченный. С тех пор мы с ним не виделись.

Я перекатилась на бок и слегка взбила подушку, чтобы устроиться поудобнее. Обычно в это время я заставляю себя встать и пойти в душ, но сегодня мне хотелось только одного: накрыться с головой и проспать до самого вечера.

Я бездумно наблюдала за ползущим по стене солнечным лучом. Похоже, я плакала во сне. Весть о том, что док больше нескольких месяцев не протянет, прожгла мою душу насквозь.

С тех пор как мы узнали о диагнозе, прошло два дня. Док пока отдыхает дома под пристальным надзором Сили, а Натали не ходит на работу. Пропустила уже две смены.

Она злится. Очень злится. Не понимает, что док врал не только ей, но и мне. Всем нам.

К тому же на меня сердиться проще, чем на дока.

Когда Натали услышала, что я знала о болезни, ее лицо исказила гримаса ужаса и отвращения. Я вижу ее взгляд в ночных кошмарах. Она смотрела на меня как на предателя, и от этого было особенно больно. Но почему же я ей ничего не говорила?

Впрочем, что тут думать? Не говорила, потому что обещала.

«Некоторые обещания не просто можно, а нужно нарушать, Анна-Кейт». Эти слова резали по сердцу будто нож. Я не могла отделаться от мысли, что поступила неправильно. Вот и еще одно сожаление добавилось в мой список, который в последние дни стремительно увеличивается.

Во-первых, я зря не рассказала Натали о состоянии здоровья дока. А во-вторых, я вообще напрасно сюда приехала. Ведь мама предупреждала, чтобы я держалась от Уиклоу подальше. Если бы я серьезнее отнеслась к ее предостережениям, то жила бы сейчас в Массачусетсе, в счастливом неведении о том, что происходит в этом очаровательном городке.

Точнее, просто в неведении.

Ведь справедливости ради надо признать: там, на севере, я не была счастлива. Только в Уиклоу я наконец обрела счастье. Я полюбила и кафе, и бабушкин сад, и соседей...

О господи, соседи!

Фейлин, Саммер, Джина, Лук...

Перевернувшись на другой бок, я еще раз стукнула по подушке и, надеясь снова заснуть, мысленно запела «Шестипенсовую песню»: «Две дюжины дроздов сидели в пироге...» Однако сон не приходил. В конце концов я откинула одеяло.

Пора вставать. Приводить себя в порядок и браться за дела. Их много накопилось.

Например, проведать мистера Лейзенби.

* * *

Ближе к полудню, оставив кафе на попечение Лука и Джинны, я отправилась к мистеру Лейзенби. После этого планировала навестить дока и поговорить с Натали. Я переживала из-за нашего раздора и надеялась с ней помириться. Найти способ. Хоть какой-нибудь.

Выйдя на узкую улочку, я тут же заметила одноэтажный дом мистера Лейзенби, обшитый досками и выкрашенный свеженькой голубой краской. Газон был аккуратно подстрижен, а вдоль ведущей к входу тропинки пестрели яркие цветы. Сразу видно, что за домом заботливо ухаживают.

Миновав деревянную арку, я подошла к двери и позвонила. Внутри прозвучали мелодичная трель, шаги и затем неприветливый голос:

– Уходите!

– Это я, Анна-Кейт.

– Уходите, – сварливо повторил голос. – Оставьте меня в покое!

– Я принесла гостинцы из кафе: яичницу-болтунью, батат с жареным мясом, бекон... – Дверь открылась, и с порога на меня сердито уставился мистер Лейзенби. Я улыбнулась. – Пибблз болеет, и я беспокоилась, не заразились ли вы от нее. Я по вам скучала.

– Пибблз болеет? – встрепнулся он, принимая у меня из рук коробку с угощением. – Чем?

Приглашать меня в дом хозяин явно не собирался.

– Что-то вирусное. Кашель, температура. По словам Фейлин, это началось на прошлой неделе, а сейчас Пибблз надо немножко полежать – и все пройдет.

Мистер Лейзенби потер заросший седой щетиной подбородок.

– Вот, значит, почему она не пришла в пятницу.

Интересно, что он до сих пор не выкинул из головы отсутствие Пибблз в кафе.

– Похоже на то. Она уже несколько дней не заходит.

– Наверное, я должен ее навестить. – Мистер Лейзенби нахмурился, у глаз собрались морщинки. – Она же не будет против, как вы считаете?

Я сдержала улыбку.

– Ну конечно, не будет.

Мистер Лейзенби кивнул.

– Ладно, посмотрим. Спасибо за гостинцы, мисс Анна-Кейт. – С этими словами он захлопнул перед моим носом дверь.

Я обратила внимание, что он не спросил, положила ли я в коробку пирог. Похоже, теперь его волнует другое.

Слепой старый дурачок наконец-то прозрел.

Я быстро добралась до дома Линденов. При виде меня Сили улыбнулась.

– Чувствую, придется накачать Джеймса седативными лекарствами, чтобы удержать в постели, – вместо приветствия пожаловалась она, неловко меня приобнимая.

Сили до сих пор стеснялась проявить свою любовь и нежность – по всей вероятности, догадываясь, что я не знаю, как на это отвечать. Мы медленно устанавливали более теплые, доверительные отношения, ограничиваясь пока короткими объятиями при встрече.

– Он вознамерился поиграть в гольф! – Сили явно не выспалась. Глаза покраснели, а под ними появились синяки. – Господи, дай мне сил! Натали и Олли на втором этаже, пытаются его накормить.

– Кажется, весь город уже в курсе?.. – отметив, что коридор заполнен разнообразными букетами и корзинами с цветами, догадалась я.

– В холодильнике скопилась дюжина кастрюль с угощениями от соседей, а в шкафчике – столько же булок с корицей, если не больше. Пекарная бригада поработала на славу.

Я улыбнулась. Пекарная бригада – удивительно подходящее название!

– К сожалению, Джеймс от всего воротит нос. Может, ты сама ему что-то приготовишь? Думаю, твою стряпню он съест, чтобы тебя не обидеть. Видишь, иногда я способна на хитрость, Анна-Кейт.

– Ладно, – пообещала я. А еще заварю для него лекарственного чая. Хуже точно не будет. – Как сегодня Натали?

– Мила с Джеймсом, но со мной – вспыльчива и раздражительна. Ей очень больно.

Как и всем нам. Я кивнула.

– Ты пока иди к нему. А я пристрою в холодильник еще пару кастрюль и присоединюсь к вам.

Я поднялась по устланной ковром лестнице на второй этаж. Уже в коридоре до меня долетел голосок Олли: судя по всему, малышка играла с трактором.

– Боже мой, Натали Джейн, сейчас я задам тебе хорошую взбучку! И не посмотрию, что ты уже взрослая! – донеслись из комнаты слова дока.

– Ничего, я потерплю. Главное – чтобы ты поел, – отозвалась Натали. – Давай, это же твое любимое!

Я заглянула в спальню. Док сидел в кровати с балдахинном, по изножью которой Олли возила трактор. Рядом с постелью на стуле устроилась Натали с тарелкой красной фасоли и риса.

Заметив меня, док предупредил:

– Только не говори, что тоже что-то принесла. Если притащила сюда еду, то уходи и возвращайся без нее.

– Никакой еды. – Я продемонстрировала раскрытые ладони. – Видишь?

– Пливет-пливет! Анкей! – Олли уже научилась помахивать ладошкой, а не всей ручкой, от плеча, и я скучала по ее прежней манере здороваться.

Я тоже ей помахала.

– Привет, Олли.

Натали отложила тарелку на прикроватную тумбочку и встала.

– Пойдем, Олли. Нам пора.

От ее чужого, отстраненного взгляда заныло сердце.

– Натали, не надо...

– Уже уходишь, дочка? – Сили вошла в комнату и остановилась рядом со мной. – Ты ведь только пришла.

– Мы позже зайдем, – сквозь зубы процедила Натали и, подхватив дочку, вылетела за дверь.

Я села на освободившийся стул, размышляя, как сгладить неловкость.

– Она сердится, – подал голос док.

– Вижу.

– На меня. А вымещает злость на вас.

– Да.

Он рассмеялся.

– Ничего, скоро образумится.

Я его уверенности не разделяла.

– Давай договоримся. Ты должен поесть. Тебе надо хорошо питаться.

– Анна-Кейт, полгода назад я не просто так отказался от облучения и химиотерапии. Мое решение не было скоропалительным. Я все взвесил и понял, что не готов остаток жизни мотаться по больницам и терпеть процедуры, которые скорее не лечат, а калечат. Не надо проявлять чрезмерную заботу, насильно меня кормить и удерживать в постели. Я хочу жить нормально. Так что, пожалуйста, перестань.

Я погрозила ему пальцем.

– А мы хотим, чтобы ты оставался с нами как можно дольше. У тебя было несколько месяцев, чтобы свыкнуться с диагнозом, а мы еще не отошли от шока. Подожди, пока страсти улягутся. Только не делай вид, что все в порядке. Хватит притворяться. И хватит упрямиться. Сам посуди: что будет, если ты перестанешь есть и пить?

Док тяжело вздохнул.

– Ладно. Давай сюда тарелку. Только не надо поднимать из-за меня такой переполох.

– Ничего не знаю. Главное – чтобы ты поел.

Док начал вяло ковыряться в рисе вилкой.

– Я очень плохо повел себя на семейном обеде. Прости.

– Не извиняйся. Что было – то было. Мы должны смотреть в будущее, а не заикливаться на прошлом, помнишь?

– Помню... В воскресенье я погорячился. Последнее время приводил дела в порядок, и мне было больно от необходимости передать свое место, своих пациентов – словом, свое наследие, постороннему человеку. Поэтому, когда ты появилась и сказала, что хочешь стать врачом... Я совсем размечтался. – Он отставил тарелку и поправил одеяло. – Конечно, я был не прав. Поступил нечестно.

Я потерла пальцем обивку стула.

– Я тут подумала, что, возможно, принять твое наследие и стать семейным врачом – не такой уж плохой вариант.

Его карие глаза наполнились сочувствием.

– Я сейчас мало сплю ночами, лежу в темноте наедине со своими мыслями. И вот что осознал. Я ошибался, когда считал свою должность

наследием. Это всего лишь работа. Мелочь. А настоящее наследие – моя семья. Я умру, но частица моей души еще долго будет жить в тебе, в Натали и Олли, в Сили. Я навсегда останусь в ваших сердцах, а вы – в моем. По-моему, это чертовски хорошее наследие. Согласна?

Семья...

Я сжала его руку и сморгнула слезы.

– Согласна, док. Согласна.

Натали

– Ну-ка стойте, юная леди. – Мамин ледяной голос заставил меня застыть на пороге.

Я опустила Олли на пол и обернулась.

– Мам, давай не сейчас.

– Нет, сейчас. Я понимаю, тебе больно, но срывать злость на Анна-Кейт – не выход.

– Значит, ты на ее стороне?

– Я ни на чьей стороне. Здесь не может быть сторон.

Сердце бешено колотилось.

– Она скрыла от нас, что папа болен!

– Не Анна-Кейт должна была об этом рассказать, а он сам. Если на кого и сердиться, то только на Джеймса.

– Как ты можешь так говорить! Папа при смерти!

– Это не снимает ответственности за его поступки. Он сделал свой выбор еще полгода назад. Анна-Кейт тут ни при чем.

Моя душа разрывалась.

– Почему он ничего не сказал?

Мама протянула ко мне руки, но я отшатнулась. Если она сейчас меня обнимет, я не выдержу, расплачусь и сойду с ума от горя.

– Анна-Кейт ни в чем не виновата. Никто не виноват. Ты не находишь, что в точности повторяешь мои ошибки, Натали? Ты обращаешься с Анной-Кейт так же, как когда-то я – с Иден Кэллоу. Сваливаешь на нее всю вину, чтобы тебе стало чуть легче. Но я знаю по опыту: это не выход. Тебе больно, потому что ты любишь папу. И единственный способ умерить боль – любить его и дальше. Даже когда его не станет.

Захотелось зажать уши и во все горло запеть «ля-ля-ля!». Надо выбраться отсюда. Кислорода не хватает. Я задыхаюсь. Тону.

– Мне пора, – выдавила я и, схватив дочку на руки, выбежала из дома.

– Пока! – закричала Олли.

Вместе с жарким ветерком до меня долетел мамин голос:

– Бежать бесполезно, Натали. Это еще никому не помогало. И не поможет.

Я ошупью добралась до летнего домика. Куда пойти? Где укрыться? Мне нужен воздух. Нужен простор...

Я уже поднималась на крыльцо, когда меня кто-то окликнул:

– Натали?

– Пливет-пливет! – немедленно отозвалась Олли.

– Привет, солнышко!

Я сморгнула слезы, пытаюсь собраться с мыслями.

– Кэм? Что ты тут делаешь?

– Услышал о болезни дока и решил тебя проведать. У тебя все хорошо?

Хорошо? Я сдержала истерический смех, боясь, что он перейдет в рыдания, и только шепнула, силясь унять дрожь в голосе:

– Нет.

Кэм взял меня за плечи.

– Я могу чем-то помочь? Чего тебе хочется?

Хочется... мира и спокойствия.

Я взглянула ему в глаза.

– Твое предложение отвезти нас с Олли к водопаду еще в силе?

– Конечно. Когда?

– Прямо сейчас.

Кэм нахмурился.

– Уверена?

– Абсолютно. Подожди секунду, я возьму кое-какие вещи.

Прежде чем он успел меня отговорить, я метнулась в дом, торопливо кинула в рюкзак небольшой перекус для дочки и ее одеяло, поскольку приближалось время дневного сна, и надела походные ботинки.

Через минуту я уже перекладывала детское сиденье Олли из своего хетчбэка в пикап Кэма, притворяясь, что не замечаю, как мама

наблюдает за мной из окна. И старалась не подать вида, что ее слова ранили меня сильнее, чем наше горе.

Нарезая мяту, я никак не могла сосредоточиться. Ее свежий аромат совершенно не успокаивал. Я переживала за дока, за Натали и за себя.

Размышляя над значимостью передачи и принятия наследия, я посмотрела через окно на шелковицы. Мгновенно вспыхнувшая в пальце боль вывела меня из задумчивости. Я выронила нож. Ну вот, порезалась.

Ранка кровоточила. Я поморщилась. Мне становится дурно от вида крови, и это еще одна причина, почему я недолюбливаю традиционную медицину.

Я оторвала кусок бумажного полотенца, намочила и прижала к порезу. Наверное, в таком состоянии лучше не работать с острыми кухонными принадлежностями, но мне необходимо сварить для дока снадобье, которое поможет ему заснуть. К сожалению, ингредиенты закончились, и пришлось сегодня заняться заготовкой нужных трав.

С подноса на столешнице на меня глядели веселые, задорные головки ромашек, словно уверяя, что все будет хорошо.

– Что-то сомневаюсь, – ответила я им вслух.

Я убрала бумажное полотенце и убедилась, что ранка неглубокая. Вымыла руки и испачканный в крови нож, нанесла мазь из календулы и забинтовала палец. Дорезала мяту и, положив ее к ромашкам, сунула поднос в дегидратор.

В этот момент послышались шаги. Я подняла глаза и увидела на террасе Саммер с картонной коробкой в руках вместо привычной корзины.

Проволочная дверь распахнулась, и Саммер вошла в кухню.

– Что стряпаете? Подождите, сама угадаю. – Она принюхалась. – Пахнет мятой и... яблоками?

– Это не яблоки, а ромашка, – пояснила я. – Ее аромат поначалу действительно напоминает яблочный.

– Опять готовите чай? – улыбнулась Саммер.

– Не смогла удержаться.

Рассмеявшись, она поставила коробку на стол.

– Мама всегда говорила, что, если у тебя есть дар, надо употреблять его во благо.

Давным-давно жила-была кельтская семья. Все женщины в ней обладали добротой, сочувствием и даром врачевания. Они знали оживительной силе Земли и использовали ее богатство, чтобы исцелять, утешать, успокаивать.

Дегидратор зажужжал, словно в знак согласия.

– Мудрая у тебя мама, – помедлив, отозвалась я. – Это чай для дока. Хочу сделать для него все, что в моих силах.

Глаза Саммер затуманились.

– Надеюсь, от чая ему будет полегче.

Какая же она все-таки милая и отзывчивая. Саммер искренне пытается простить Линденов (а точнее – Сили) за то, как они обращались с ее отцом, но обида пока не проходит.

«Нужно время», – напомнила я себе. Еще немного времени.

Мысли с Сили перекинулись на полицейский отчет. Я ведь так и не забрала у Линденов копию. Каждый раз меня что-то отвлекает.

– Вот, новую партию футболок принесла. – Саммер кивнула на коробку.

Я открыла ее и полюбовалась фирменным знаком кафе на ткани.

– Твой папа превзошел сам себя. Он успевает хоть немного поспать или печатание на одежде и обязанности арендодателя отнимают у него все время?

– Папа взял в помощники одного мастера: своего двоюродного брата, который раньше работал в Форт-Пейне. Вместе они придумали еще несколько дизайнов для футболок и уже отдают их на реализацию в магазины по всему городу.

Я постаралась скрыть улыбку. По всему городу – громко сказано: в действительности все магазинчики скучились на главной улице. Хотя благодаря бурлящему в них оживлению казалось, что весь город встрепенулся и расправил крылья.

– Кстати, папа очень доволен, что мы теперь живем не одни. Каждое утро готовит постояльцам завтрак. Говорит, что ему нравится изобретать новые блюда и опробовать их на арендаторах, у которых нет другого выбора. Приятно видеть его таким... счастливым. Он с

удовольствием принимает новых жильцов и даже собирается после моего отъезда официально открыть дома гостиницу.

– Правда?

– Истинная правда! Анна-Кейт, мы уже собрали достаточно денег, чтобы оплатить первый взнос, а если и дальше так пойдет, то скоро нам с лихвой хватит на обучение в колледже! А еще я устроилась на работу в университетской библиотеке.

– Саммер! Это чудесные новости! Мои поздравления!

– Даже не знаю, как вас благодарить, Анна-Кейт. Без вас мы бы ни за что не справились.

– Что ты, Саммер, это не моя заслуга.

– А чья же? Если бы не ваша помощь, то... – Она состроила гримасу.

Я засмеялась.

– Я считаю, это заслуга Зи. Именно бабушка сделала так, чтобы я приехала в Уиклоу и стала работать в кафе. Если бы ты не пришла сюда продавать яйца, мы бы, возможно, не познакомились. А если бы мы не познакомились, то я, скорее всего, не обнаружила бы комнату Гарри Поттера. Так или иначе бабушка заранее все спланировала, – пошутила я, и в ту же секунду по спине пробежали мурашки. А вдруг так оно и было?

– Мне нравится ваше предположение, – улыбнулась Саммер и крикнула: – Спасибо, Зи!

Надеюсь, бабушка в это время находилась где-то в саду, рядом с шелковицами, и услышала Саммер.

– Пусть вы работаете в кафе только из-за завещания, я признательна за то, что вы задержались в Уиклоу. Когда Зи умерла, я думала, что навсегда лишилась пирога «Черный дрозд», но за последние несколько недель получила еще много посланий во сне. Я это очень ценю. Конечно, грустно, что вы скоро уедете и пирогов больше не будет, но я уже усвоила жизненный урок.

– Какой? – Мне было по-настоящему любопытно.

– Те, кого ты любишь, никогда не уходят бесследно. Они остаются с тобой. В воспоминаниях... или в снах...

Или в сердце.

Я навсегда останусь в ваших сердцах, а вы – в моем. По-моему, это чертовски хорошее наследие.

– А возможность учиться в колледже – лучший на свете подарок, – добавила Саммер.

Натали

Несколько часов спустя мы с Кэмом уже сидели, подстелив плед, на берегу озера, у подножия водопада. Олли, безмятежная и умиротворенная, спала между мной и Кэмом, закинув ручки вверх. Лоскутное одеяло служило ей подушкой. Рядом посапывал Ривер, положив морду ей на ноги.

– Тебе лучше? – спросил Кэм.

Глубоко вздохнув, я подняла сосновую иголку и отбросила ее в сторону.

– Мне крайне неловко.

– Почему?

– Вела себя как дура.

В ушах звучали мамины слова, перекликаясь с моими самыми сильными опасениями: «Ты обращаешься с Анной-Кейт так же, как я когда-то – с Иден Кэллоу. Сваливаешь на нее всю вину, чтобы тебе стало чуть легче».

Так оно и есть.

Я обвинила Анну-Кейт в том, что случилось с папой.

Обвинила Мэтта в его гибели.

Потому что мне больно.

Господи, как же больно...

Я не умею противостоять ударам судьбы и каждый раз пытаюсь спастись бегством. Однако сейчас это невозможно.

От смерти не убежать, не спрятаться.

– Надо извиниться перед Анной-Кейт и перед мамой... и, наверное, перед сотрудниками больницы.

– Все настолько плохо?

– Что бы ты ни имел в виду под «настолько», умножай это на десять.

– Они наверняка все понимают. – Кэм отклонился назад и вытянул ноги. – Каждый справляется с обрушившимся на него горем по-своему, Натали.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к успокаивающему шуму водопада и тихому плеску мелких озерных волн, набегающих на берег.

– Я вела себя ужасно. Вымещала на них свой гнев...

Если бы не мамино суровое внушение и порицание, я бы, наверное, еще долго не пришла в себя. Иногда бывает тяжело выслушать правду. Тяжелее, чем ее принять.

– Уверен, никто тебя не осуждает.

– Я сама себя осуждаю.

– Заканчивай с этим.

– Как? Подскажи, пожалуйста. И заодно объясни, как надо прощать? Я теряюсь в догадках.

Кэм скрестил ноги.

– По-моему, прежде всего надо понять, почему тот, на кого ты в обиде, так поступил. Я постарался взглянуть на семейные отношения глазами бывшей жены. Она по девять, а то и по десять месяцев в году жила одна, пока я болтался по всему свету. Вероятно, ей было одиноко.

– Ты тоже все это время жил один. Разве ты ушел к другой?

– Нет, – покачал головой Кэм. – Но речь сейчас о ней, а не обо мне. Чтобы ты сделала на месте отца?

– Даже не представляю, – задумалась я.

Папа говорит, что никому не рассказал о своей болезни, потому что хотел нормальной жизни, без сочувственных взглядов и еженедельных посылок с банановым хлебом. В этом я с ним солидарна: тоже ненавижу сочувственные взгляды. Не выношу, когда меня жалеют. Однако я вряд ли сумела бы утаить свой диагноз и в одиночку нести этот груз.

Впрочем, сейчас речь не обо мне, а о папе.

Он – самый сильный, мужественный человек из всех, кого я знаю. После смерти Эджея все держалось на папе, в том числе и я.

– Я могу понять, почему он принял такое решение. – Подобрал еще одну сосновую иглолку, я согнула ее пальцами. – Как ни трудно в этом признаваться.

– Почему трудно?

– Потому что это его оправдывает. А я все еще сержусь и не в силах смириться с его поступком.

Кэм отпил воды из фляги.

– Сердишься потому, что он умолчал о своей болезни, или из-за того, что он умирает?

Я встала и, отряхнув руки, подошла ближе к воде. Кэм не боится называть вещи своими именами. Каким-то образом он ухитряется видеть меня насквозь. Сзади послышались шаги: Кэм приблизился ко мне.

– Это несправедливо, – добавила я.

– Да, несправедливо, – согласился Кэм. – По отношению ко всем вам.

Обернувшись, я посмотрела на спящую дочку. Сердце заныло.

Ей неизвестно, как много она потеряет. И сколько уже потеряла. Неясно, хорошо это или плохо. Раньше я считала, что хорошо, но теперь сомневаюсь. Олли никогда не узнает, как отец смеялся и покрывал ее личико поцелуями. Не вспомнит, как дедушка читал ей книжки, усадив к себе на колени, и как уютно и спокойно ей было в его теплых, любящих объятиях.

Брызги водопада разлетались и оседали на моих ногах.

– А как тебе удалось простить жену?

Кэм поднял камешек и швырнул в озеро. Тот задорно запрыгал по воде.

– Умение прощать – не наука, а скорее искусство. Здесь не может быть точных рецептов. В сущности, я всегда желал счастья жене, а со мной она не была счастлива. Я достаточно сильно ее любил, чтобы отпустить.

Я опять оглянулась на Олли. Та не шевелилась.

– И ты не злился?

Кэм снова бросил камень и, усмехнувшись, признал:

– Было дело.

Я полюбовалась поблескивающими на дне прозрачного, неглубокого озера камешками.

– Как ты пережил расставание?

– У меня был выбор: либо заикнуться на том, что случилось, и посвятить жизнь страданиям и сожалениям, либо извлечь из произошедшего ценный, хотя и болезненный урок и жить дальше. И, возможно, найти и полюбить кого-то, кто ответит мне взаимностью. Разумеется, я предпочел второй вариант. Стал фотографом, перебрался в Уиклоу, и вот я здесь...

И вот он здесь.

– Ты ее все еще любишь? – Я запретила себе задаваться вопросом, почему мне так тяжело об этом спрашивать.

– Нет. Когда выясняется, что твоя жена сбежала с телевизионщиком, любовь удивительно быстро проходит.

– Мне очень жаль.

– Не стоит жалеть. Ведь иначе я бы так и не приехал в Уиклоу... – Он посмотрел на меня и улыбнулся. – И мы бы не встретились.

Я улыбнулась в ответ.

– И почему мне вдруг захотелось отправить твоей бывшей записку с благодарностями?

Кэм расхохотался.

Внезапно за спиной раздался лай Ривера и звонкий голосок Олли:

– Пливет-пливет!

Я обернулась, но было поздно: проشمыгнув мимо меня, дочка с восторженным взвизгом прыгнула в озеро. Я ринулась вперед, чтобы поймать ее, и упала в воду, сильно стукнувшись коленями о каменистое дно. Тучи брызг ударили в лицо. Дочка выскользнула из моих рук. Нет!!! Я вслепую отчаянно забарахталась, пытаюсь нашарить Олли.

Неожиданно широкие ладони сомкнулись на моих запястьях, заставляя остановиться. Сквозь пелену затуманившего разум ужаса до меня донесся смех Кэма.

– Успокойся, Натали. С Олли все в порядке.

Слава богу... Слава богу! Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я села на камни, по грудь в воде. Протерла глаза и сразу поняла, что так развеселило Кэма.

Олли дрейфовала на спине рядом со мной, втягивая щеки и выпячивая губы.

– Лыбка!

Мокрые волосики ореолом колыхались вокруг головы.

Кэм помог мне подняться.

– Не знал, что Олли умеет плавать.

Восстановив равновесие, я выхватила дочку из воды и крепко-крепко прижала к груди. Больше никогда ее не отпущу!

– Лыбка! – Олли извивалась, вырываясь из моих объятий. – Пусти!

Она еще не накупалась. Я подумала о маме. О том, как та показала: нельзя все время чего-то бояться. Это не жизнь.

Судьба ставила меня перед выбором, и я вдруг отчетливо осознала, что правильно будет позволить Олли жить, а не просто существовать. Иначе своими тревогами и чрезмерной заботой я перекрою дочери кислород, совсем как мама. Из-за меня Олли утонет, даже не приближаясь к воде.

Обуздав терзавшие меня страхи, я медленно опустила дочку обратно в озеро. Та нырнула с головой, и мое сердце оборвалось, но тут Олли перевернулась на спину и, раскинув ручки, радостно засмеялась.

– Плавать она не умеет. – Я улыбалась так широко, что заболели скулы. – Но, похоже, держится на воде прекрасно.

Все благодаря тому, что мама настояла на занятиях в бассейне.

Мама была права. Целиком и полностью права.

И не только насчет плавания.

– Пливет-пливет!

Журналист помахал малышке рукой.

– У вас очень милая дочурка.

Натали Уокер пальцами слегка расчесала дочкины волосы, заправила пряди за бирюзово-зеленую повязку.

– Спасибо. Я тоже так думаю.

– Надеюсь, вы поможете мне восстановить картину событий. Когда начался такой ажиотаж? – Он указал на «палаточный лагерь» во дворике кафе. – Почему все вдруг стали носиться с черными дроздами? По всему городу продают футболки с их изображением, мягкие игрушки...

Уголки губ Натали слегка приподнялись.

– Все благодаря Анне-Кейт. Это она подарила нам черных дроздов.

Журналист взглянул на смеющуюся девушку, которая в кухне укладывала на блюдо кусок пирога.

– Она ведь приехала в Уиклоу только полтора месяца назад? Почему ее так долго не было? Разве кафе – не семейный бизнес Кэллоу?

Натали обняла дочку.

– Спросите лучше у нее. Но я полагаю, что она вернулась по зову крови. По-моему, все девушки из Уиклоу рано или поздно возвращаются к родным пенатам и к своим матерям.

– Мне говорили, ее мать умерла...

Натали посмотрела ему в глаза.

– Если вы считаете, что это имеет хоть какое-то значение, то вы просто слепой.

Анна-Кейт

Ранним утром на террасу поднялся Гидеон, одетый в спортивные шорты и влагоотводящую футболку для велосипедной прогулки.

– Ну, привет, незнакомец, – поздоровалась я, открывая проволочную дверь.

Гидеон вошел и виновато улыбнулся.

– Я должен попросить прощения.

– За что?

– За то, что давно не заходил.

– Не извиняйся. Уверена, у тебя были на то веские причины.

– Да, но...

Резкий, требовательный стук не дал ему договорить.

Обернувшись, я увидела через окно мистера Лейзенби.

– Он сегодня рано, – прокомментировал Гидеон.

Старик продолжал неистово барабанить в дверь. Вспомнились мои первые дни в Уиклоу, когда он, отчаянно желая получить весточку от любимой супруги, будил меня ни свет ни заря, чтобы узнать, будет ли в кафе продаваться пирог «Черный дрозд».

Пройдя через кухню и обеденный зал, я впустила гостя.

– Мистер Лейзенби, все в порядке? – спросила я и тут же по его встревоженному виду поняла, что нет.

– Мисс Анна-Кейт, простите, что беспокою спозаранку, но мне очень нужна ваша помощь.

– Пирог?

Он помотал головой.

– Нет, лекарственный чай. Помните, вы предлагали мне настой от кашля? Он у вас еще остался? Пибблз совсем плохо, а врачи говорят, что ничего делать не надо, организм сам справится с болезнью. У нее не получается заснуть из-за сухого кашля. А если не спишь, так и не выздоровеешь. Вы же ей поможете, правда?

– Заходите. Сейчас принесу заварку. Это, конечно, не панацея, но Пибблз сможет временно унять кашель и отдохнуть.

– Уже хорошо. Спасибо, – поблагодарил мистер Лейзенби.

Гидеон завел с ним светскую беседу, а я направилась в кладовку. Взяла с полки пакетик с сушеными травами, набор ситечек, две банки – одну пустую, другую с лакричным корнем – и вернулась в кухню.

– Чай сам по себе очень сладкий, так что сахар класть не нужно. Сюда еще входит корица, она должна повысить иммунитет.

Быстро отмерив необходимое количество сушеных трав и корицы, я положила полученную смесь в банку, черкнула записку, как правильно заваривать чай в ситечках, и сунула все это в бумажный пакет с символом кафе. Добавила туда коробку с кабачковым печеньем

– в Уиклоу пошла мода на выпечку, и я, конечно, не смогла остаться в стороне – и протянула мистери Лейзенби.

– Пибблз от меня привет.

Взгляд мистера Лейзенби потеплел.

– Не знаю, как вас и благодарить, Анна-Кейт.

– Считайте, уже отблагодарили тем, что ко мне обратились. Ну, идите скорее к Пибблз.

Мистера Лейзенби не надо было долго упрашивать: он выскочил за дверь и чуть ли не бегом ринулся по улице.

Гидеон передал мне кружку кофе.

– Значит, мистер Лейзенби и Пибблз?..

– К этому давно все шло.

– Кстати, насчет «давно шло». Я сегодня начну заниматься документами Зи. Завещание скоро вступит в силу. Конечно, у нас есть еще в запасе две недели, но дальше тянуть не имеет смысла. Когда придет время, тебе останется только поставить подписи.

Он продолжал посвящать меня в юридические тонкости завещания, но я пропускала его слова мимо ушей. Мое внимание привлекла банка с лакрицей. Точнее, этикетка с надписью «Лакричный корень».

Хранительница всегда возвращается, как бы далеко ей ни пришлось уехать, ибо лишь там, где ее корни, рядом с двумя деревьями, в душе воцаряется мир.

Бабушкины корни находятся в Уиклоу. И мамины. И мои...

– Анна-Кейт? Ты меня слушаешь?

Я поглядела на Гидеона.

– Извини, отвлеклась. Что ты говорил?

– Что я в полной растерянности, Анна-Кейт. Не знаю, что делать.

– Ты о чем?

– Однажды я увидел сон...

Я выдвинула из-под столешницы табурет и села.

– Сон? Ты же не имеешь в виду послание с того света?

Гидеон опустил на другой табурет.

– Пора открыть карты: я живу в Уиклоу исключительно из-за посланий с того света и пирога «Черный дрозд». Несколько лет назад, когда только приехал в Уиклоу, я зашел в это кафе перекусить. И в ту же ночь мне приснился дедушка. Сказал, что я должен остаться здесь и

открыть частную юридическую практику. Тогда я не придавал этому значения. Просто был рад снова услышать его голос.

Я облокотилась на стол и подперла подбородок рукой. Обожаю истории о пироге.

– На следующий день все повторилось. Я съел в кафе кусок пирога, кажется, с голубикой, и снова увидел во сне дедушку. Тот велел мне купить Дом на холме и принимать там клиентов. – Он приподнял брови. – Дед никогда не деликатничал.

– Значит, сам он не был юристом.

– Нет, – засмеялся Гидеон. – Он работал инспектором по надзору за строительством.

Улыбнувшись, я отпила кофе.

– Потом до меня дошли слухи о пироге «Черный дрозд», и я заподозрил, что это отнюдь не выдумки. В ту пору я уже два года как закончил юридический и не мог решить, какое направление выбрать. После университета устроился в крупную фирму в Хантсвилле, но мне там не понравилось. Дедушкино пожелание было как нельзя кстати. Впервые за долгое время я почувствовал воодушевление. Но когда навел справки, выяснилось, что Дом на холме не продается.

– Вот как?

– Да, вот так. Пришлось отыскивать владельца, точнее, владелицу и умолять ее уступить мне Дом на холме. Ею оказалась Зи. К концу нашей беседы создалось впечатление, что она меня давно поджидает.

По телу побежали мурашки.

– Владелицей была Зи?

– Ага. А здесь раньше располагался каретник.

Я знала, что здание кафе когда-то служило каретником, но не могла даже предположить, что Дом на холме изначально принадлежал Зи.

– Мы с Зи подружились, – продолжал Гидеон. – Она стала для меня как бабушка.

– А дед тебе еще снился?

– Недолго. Последний раз я получил от него послание, когда переехал. – Обхватив руками кружку, Гидеон поднес ее к губам. – Дед заявил, что у Дома на холме и бывшего каретника должен быть один хозяин и что я обязан это в конце концов уладить.

– Ничего себе!

– Я уговаривал Зи продать и кафе, но она сказала, что решать не ей, а тебе, и посоветовала поговорить с тобой.

Я провела пальцем по каемке кружки, размышляя над рассказом Гидеона. Это еще невероятнее, чем сны Фейлин, в которых муж напоминал ей об оплате налогов. Я-то думала, черные дрозды передают послания любви...

– Я избегал тебя, Анна-Кейт, потому что боялся: вдруг, когда я наконец наберусь храбрости и признаюсь, что хочу приобрести кафе, ты решишь, что я тебя использовал? Клянусь, я не пытался втереться в доверие, чтобы завладеть домом. Просто... мне приятно с тобой общаться.

Я улыбнулась, чувствуя, что краснею.

– Тогда, надеюсь, ты станешь заходить почаще. Я по тебе скучала. Гидеон расплылся в улыбке.

– Поосторожнее с такими просьбами. Ты же потом от меня не отделаешься.

Я пожала плечами.

– Это меня не пугает.

Гидеон покатал кружку между ладонями.

– Теперь я сомневаюсь, правильно ли истолковал дедушкины слова.

– По-моему, он ясно выразил свою мысль.

– Раньше и я так думал. Но, может, наоборот, это я должен продать тебе дом? Зи оставила большое наследство, денег у тебя точно хватит.

Я опустила кружку на стол.

– Нет, спасибо. Я, честно, не знаю, что имел в виду твой дедушка, но ничего покупать не собираюсь. Пойми меня правильно: Дом на холме уютный, красивый и... твой. А я меньше чем через месяц еду в Массачусетс.

– Анна-Кейт...

Я жестом остановила его.

– И не надо меня переубеждать. Не трать время напрасно. Не желаю ничего слушать.

Потому что в действительности мне хочется остаться.

Хочется отчаянно, больше всего на свете.

Джина сказала, что мое место в Уиклоу. Так оно и есть. Я выросла в этот город корнями, как шелковицы – в землю.

Но я дала слово выучиться на врача и сдержу его, хотя меня так и подмывает никуда не ехать. Не могу иначе. Кэллоу не нарушают обещаний.

Помолчав несколько секунд, Гидеон промолвил:

– Я вспоминал наш поход на кинопоказ, который закончился так...

– Ужасно?

– Внезапно, – со смехом поправил он. – Пожалуй, нам стоит повторить попытку. Ты свободна четвертого июля, в День независимости? Планируется праздничное гулянье и запуск фейерверков...

Я посмотрела на Гидеона. Тот быстро отвел взгляд и, засуетившись, подлил нам кофе, но я успела заметить, что в его глазах опять вспыхнула раскаленная лава.

– Думаю, освобожусь после трех.

Я намеревалась закрыть кафе пораньше и, сменив Обина, заняться продажей футболок.

– Как насчет того, чтобы снова устроить пикник? Договоренности те же: я приношу еду, а ты – напитки.

– Я ведь так и не попробовала ту жареную курочку...

– Ты много потеряла. Правда.

– Фейлин еще неделю ею восхищалась. Я даже позавидовала.

– Значит, идем на свидание, – подытожил Гидеон и направился к раковине сполоснуть кружку.

Свидание... Я глупо заулыбалась.

Вскоре после этого Гидеон укатил на велосипедную прогулку, а я расставила стулья, подготовила к работе кассу и принялась за тесто для бисквита. Вдруг сзади хлопнула дверь.

Я обернулась, полагая, что пришли Джина и Лук, но ошиблась.

У входа, нервно сжимая руки, стояла Натали в футболке с изображением черного дрозда, саржевых шортах до колена и туфлях на плоской подошве.

Если у нее и были кеды, я никогда еще их не видела.

– Я думала, ты придешь позже, – бросила я, не переставая месить тесто.

По правде говоря, я предполагала, что она вообще не придет, хотя сейчас начиналась ее смена. После того как Натали вчера от меня шарахнулась, я сочла, что она вряд ли вернется в кафе.

Натали приблизилась.

– Я сегодня специально торопилась. Мне надо с тобой поговорить.

В ее глазах, по-прежнему полных горечи, больше не было гнева. Гордая, надменная осанка исчезла. Выражение лица смягчилось. Кажется, Натали постепенно обретает контроль над чувствами. Не уверена, что смогу долго выдерживать ее холодность и отчужденность. Рана от того, как Линдены обращались с моей мамой, не успела окончательно затянуться.

– О чем? – спросила я, уняв дрожь в голосе.

– О том, что я была не права.

Сложив мягкое тесто вдвое и с силой надавив на него, я посмотрела на Натали и прочитала на ее лице искреннее раскаяние.

– Я тебя слушаю.

– Я спасаюсь бегством. Поступаю так каждый раз, когда мне тяжело. А еще отталкиваю людей, которые за меня переживают. По словам психотерапевта, таким образом я отгораживаюсь от боли. Я долго не могла понять, что это не выход. Я не избавляюсь от проблемы, а только оттягиваю ее решение. Сейчас я пытаюсь по-новому преодолевать трудности, но от старых привычек не так-то просто отучиться. Я зря на тебя рассердилась, Анна-Кейт. Извини. Пожалуйста, скажи, что ты меня прощаешь. – Она умоляюще прижала руки к груди. – Пожалуйста.

Я оставила тесто и, вздохнув, ответила, почти в точности повторяя ее же фразу:

– В семьях иногда бывают ссоры и обиды. В нашей – так вообще постоянно. Но в глубине души мы все равно любим друг друга.

Подбежав, Натали заключила меня в объятия и звонко чмокнула в щеку – совсем как Олли. А я впервые не спешила отстраниться. Наоборот, с радостью обняла ее в ответ, несмотря на перепачканные мукой ладони.

– Слава богу, что мы все вместе, – прошептала Натали мне на ухо. – Поддержка семьи и взаимовыручка придадут нам сил, помогут пережить следующие несколько месяцев.

Я промолчала, крепче прижав ее к себе.

Думать о будущем не хотелось. Совсем.

Натали

Папа на втором этаже читал Олли взятую из библиотеки книжку, а мы с мамой готовили коктейли для предстоящих вечерних посиделок в патио, среди мерцания снующих туда-сюда светлячков.

Ох и трудная выдалась неделька! Я чувствовала себя словно на американских горках: радость и облегчение то и дело сменялись горечью и отчаянием. И, учитывая наши обстоятельства, скорее всего, так будет продолжаться и дальше.

К счастью, все в нашей семье поддерживали друг друга. Месяц назад я такое даже представить себе не могла.

Мама поставила на стол тарелки и, достав нож, принялась нарезать тарт с голубикой. Его Анна-Кейт по просьбе папы передала мне в конце рабочего дня вместе с ромашковым чаем.

Мама положила кусок на тарелку. Сочные ягоды поблескивали на белоснежном фарфоре. На всякий случай я пояснила:

– Не волнуйся, это обычный ягодный тарт, и, кстати, очень аппетитный на вид. Он не имеет к пирогам «Черный дрозд» никакого отношения.

– А кто сказал, что я волнуюсь? Может, это ты волнуешься?

– Конечно, особенно в последнее время. – Я печально улыбнулась. – Просто на всякий случай предупредила. Знаю ведь, как ты относишься к легенде о черных дроздах.

Мама пожала плечами.

– Имею право поменять точку зрения.

Я приподняла брови.

– Да что ты!

– Я вижу, Анна-Кейт искренне верит, что все это – чистая правда. Конечно, мне этого не понять, но зачем упрячиться? Было бы приятно снова увидеть Эджея... – Она задумчиво взглянула в потолок. Со второго этажа до нас приглушенно доносился папин голос. – Пусть даже это будет только сон...

Я погладила маму по спине, надеясь успокоить, но почувствовала лишь неловкость и смущение. Чтобы рана затянулась, нужно время, особенно если она так долго кровоточила.

– Ты пробовала пирог «Черный дрозд»? – спросила мама.

– Нет.

Она пристально посмотрела на меня.

– Из-за того жителя гор?

– Мам, а ты слышала, что он служил в спецназе? Два года воевал за границей. Кэм хороший человек. Кстати, он предложил взять Олли и втроем пойти на гулянья в День независимости. Я согласилась. Надеюсь, вы с папой вечером присоединитесь к нам, и мы все вместе полюбуемся фейерверком.

Мама замерла с воткнутым в тарт ножом. Глаза у нее полезли на лоб.

– Я... мы... – Она отделила кусок от тарта и глубоко вздохнула. – С удовольствием.

– Трудно было сдержаться? – пряча улыбку, поинтересовалась я.

– Трудновато, – призналась мама.

– Спасибо! – Я с облегчением улыбнулась. Она кивнула. – И, кстати, я решила повременить с пирогом не из-за Кэма, а из-за папы. Не терпится услышать Мэтта и узнать, почему он утонул, но папа против, а я уважаю его мнение.

Мама подняла на меня глаза.

– Это должен быть твой выбор, а не папин. Чего ты сама хочешь, Натали?

Я сложила вилки на поднос.

– Того же, что и раньше: спокойствия. Папа сказал, кусок пирога не поможет обрести мир в душе. И он прав. – В последние несколько дней я многое переосмыслила и осознала. – Я так отчаянно искала причины смерти Мэтта, что совсем забыла, как сильно он меня любил. Конечно, у него были свои недостатки и тайны, но он желал нам с Олли только добра. Вот и все, о чем мы должны помнить, чтобы пережить горе.

Мама, пождав губы, опустила нож в раковину.

– В общем, в ближайшее время не буду есть пирог, – торопливо подытожила я, пока мама не успела что-нибудь съязвить насчет характера Мэтта. – А там видно будет.

Мама обернулась ко мне, уже без всякого осуждения.

– Любовь все преодолевает.

Кажется, она собиралась что-то добавить, но решила промолчать и вместо этого начала складывать на поднос салфетки. Хотя старые обиды еще не совсем прошли, в конце концов мы сможем от них избавиться. Я уверена.

Тихо хмыкнув, мама закончила возиться с салфетками и обратилась ко мне:

– Я для тебя кое-что приготовила. Пойдем.

– А как же десерт...

– Десерт подождет. Олли натащила папе огромную стопку книжек. Они еще долго будут читать, так что торопиться некуда.

– Что ты задумала? – поинтересовалась я, следуя за ней. – Может, сначала принести вино-для-общения-с-мамой?

Она подбоченилась.

– Нет уж, юная леди!

Ее резкий тон больше не вызывал у меня желание выбежать за дверь. И это доказывает, что за последние дни мы достигли существенного прогресса.

– По крайней мере, не сегодня. Это тебе. – Мама кивнула на коробку на обеденном столе и сложила руки пирамидкой. – Я и так чересчур долго медлила. Открывай!

Я с любопытством откинула крышку. Руки задрожали. Подарок растрогал меня до слез.

– Неужели это оно?

– Оно самое.

Осторожно вытащив лоскутное одеяло, я расстелила его на столе и принялась разглядывать. Сразу заметила в середине розово-оранжевую ткань с серыми вставками. Здесь были кусочки и другой моей одежды, например крестильной рубашки и летнего платья с инициалами и лягушкой на груди, которое я носила в пять лет.

– Извини, что дарю так поздно. Когда ты родилась, мне захотелосьшить в одеяло еще и лоскутки, которые напоминали бы о разных значимых событиях в твоей жизни. Это платье ты надевала в Рождество, а это – в день, когда у тебя выпал первый зуб. – Мама стала по очереди указывать на отрезки материи. – Это – когда тебе поставили брекеты, это – когда их сняли, а вот это – когда ты научилась ездить на велосипеде.

Я смутно припомнила, как в шесть лет впервые самостоятельно поехала на велосипеде. Мама напялила на меня шлем, наколенники, налокотники и вдобавок заставила папу бежать за мной.

– Я много лет пыталась закончить шитье. Бралась – и опять откладывала. Наверное, из-за того, что мы с тобой были... – Она умолкла, подыскивая слово.

Интересно, как она обозначит наши натянутые отношения?

– ...были порознь, – определилась мама. – А вчера наконец приделала сюда последний лоскут. – Она постучала по нему пальцем.

Я наклонилась к одеялу.

– Это... тот фартук с уточками, который я смастерила?

Похоже на то. Цвет такой же, и та же полосатая окантовка.

– Да. Я купила его во «Всякой всячине».

– Зачем?

– Чтобы замкнуть круг. Вот твой первый слюнявчик. – Мама ткнула в другой лоскут. – Я сшила его почти сразу после твоего рождения.

При виде рисунка на ткани я широко распахнула глаза. Уточки!

– Круг замкнулся, и теперь мы можем перейти на новый. Начать все с чистого листа. Я люблю тебя, Натали. И всегда буду любить. Слышишь?

Я с трудом сдержала слезы.

– Слышу, мама.

К моему удивлению, в субботу Гидеон с утра зашел на кофе. Я не ожидала его увидеть, поскольку сегодня вечером мы и так собирались на свидание. При мысли об этом я не сдержала улыбку.

– Двор кафе забит до отказа. Больше туда никто не втиснется. – Гидеон захлопнул за собой проволочную дверь и направился к полке с кружками.

Я подхватила кофейник.

– Подозреваю, скоро новые любители птиц твою теорию опровергнут.

Вообще-то я намеревалась в будущем переселить туристов и освободить свою лужайку. Предложу им взамен дюжину вариантов, где можно остановиться. В первую очередь, конечно, дом Обина Павежо.

Гидеон поставил кружки на столешницу.

– Как док себя чувствует? Я слышал, он вчера вернулся на работу.

– Да, вернулся, держится молодцом. Скучает по пациентам и к тому же терпеть не может сидеть дома. Начал подыскивать врача, который в перспективе мог бы занять его место, и уже подобрал несколько кандидатур.

Снаружи раздались легкие шаги, и в кафе впорхнула нарядная Джина. Ее туника и бантики на голове были окрашены в цвета американского флага. Следом зашел Лук.

– Обожаю этот праздник! – отложив сумочку и надевая фартук, прощбетала Джина.

Лук хмыкнул:

– Они, конечно, ни за что бы не догадались.

– Вот ворчун! – Нежно улыбнувшись мужу, Джина повернулась к Гидеону: – Приятно тебя видеть. А то я уже начала забывать, как ты выглядишь.

– Ну что ты, я регулярно захожу в кафе. Вчера, например.

Джина усмехнулась.

– Анна-Кейт, это правда?

– Ну нет, так легко ты не отделаешься, – шутливо заявила я Гидеону и наябедничала: – До этого его не было целую неделю!

Лук напялил фартук и похлопал Гидеона по спине.

– Отстань от парня, Джина. Ты же в курсе, как он нервничал по поводу покупки кафе.

– Погодите-ка! – вмешалась я. – Вы знали, что Гидеон хочет купить кафе?

Джина раскрыла духовку, проверяя, как там печенье.

– Конечно, лапонька. Он после того сна замучил Зи, повторяя свою просьбу по меньшей мере каждый месяц. Было очевидно, что он и тебя попросит о том же.

Я приподняла брови.

– Отменная интуиция!

Кухню заполнил мелодичный смех Джины.

– Я тут ни при чем. Гидеон сам должен был тебе сказать. И раз уж он здесь, значит, предложение уже озвучено?

– Ага, – кивнул тот.

– И? – поторопил Лук, в нетерпении посматривая поочередно то на меня, то на Гидеона.

– Я предложил Анне-Кейт купить Дом на холме.

Чуть не упав от неожиданности, Джина скрестила руки на груди.

– Это еще что за новости?

Гидеон пожал плечами.

– По-моему, место Анны-Кейт – здесь, в Уиклоу. Может, дедушка имел в виду, что это она должна стать хозяйкой обоих домов?

– А ты что ответила, Анна-Кейт? – поинтересовался Лук.

– Ответила «нет». Я пока не определилась, как поступлю с кафе. По закону оно мне еще не принадлежит, значит, обсуждать этот вопрос рано. Поработаю здесь до конца месяца, а там видно будет.

Я не собиралась все четыре недели, оставшиеся до отъезда, обговаривать сделку. Главным образом потому, что вообще не хотела продавать кафе, но еще не нашла способ исхитриться и его сохранить.

Лук с Джиной тревожно переглянулись. Я вздохнула. Разумеется, они не понимают, что я по рукам и ногам связана данным обещанием. Я покосилась в окно, на шелковицы. Без любви, заключенной в пироги, они зачахнут. А что случится с черными дроздами, если портал закроется?

От нахлынувшего отчаяния в груди заныло. Страшно даже подумать, что шелковицы погибнут и черные дрозды никогда не

вернутся в Уиклоу. Что им тут делать? Без пирогов они все равно не смогут передавать живым послания.

Я сморгнула выступившие слезы. Хоть бы дрозды дали какую-нибудь подсказку! Чтобы принять верное решение, нужно точно знать, что с ними будет без шелковиц, а я теряюсь в догадках. Надо спросить у дроздов напрямую. Надеюсь, они откликнутся.

Гидеон сполоснул кружку и положил ее в посудомоечную машину.

– Давай я за тобой заеду часа в четыре, Анна-Кейт? Тебе в это время удобно?

– Да, отлично. – Я постаралась не выдать своего волнения.

– Заедешь? – От любопытства голос Джинны подскочил вверх на целую октаву.

– Анна-Кейт умоляла меня угостить ее жареной курочкой, и я согласился ее побаловать, – поддразнил Гидеон. – Мы планируем до фейерверка устроить пикник у здания суда.

Лук одобритительно кивнул.

– Я пробовал твою курочку, поэтому отлично понимаю Анну-Кейт.

Покачав головой, я пошла за добавкой кофе.

– Знаешь, Гидеон, у меня возникла одна мысль... – вмешалась Джина.

– Какая?

– Может, тот сон предназначался и тебе, и Анне-Кейт? Есть еще один способ устроить так, чтобы кафе и Дом на холме принадлежали одним хозяевам. – Подтащив меня к Гидеону, Джина соединила наши руки, накрыла сверху своими и улыбнулась, явно довольная собой. – Готова поспорить, твой дедушка хотел, чтобы вы были вместе. Образно выражаясь, он заронил семена будущего, Зи их полила, а вот укоренятся ли они, зависит только от вас.

* * *

Несколько часов спустя я сидела на каменной скамейке в саду и смотрела на шелковицы. Под ними, выискивая угощение, клевали землю чибис с вывернутым крылом, крапивник и кардинал. После того как мы с Саммер собрали основной урожай, оставшиеся плоды

осыпались в траву. Птицы, белки и бурундуки попиروвали на славу. Любовь, заключенная в ягодах, вернулась к корням...

Укоренятся ли они, зависит только от вас.

И зачем Джина полезла со своими идеями? После ее заявления мы с Гидеоном шарахнулись друг от друга, словно от удара электрошокером. Смущенно запинаясь, распрощались. Гидеон вылетел за дверь, а я еле сдержалась, чтобы не наброситься на Джину.

Безусловно, она всего лишь пыталась помочь, но к создавшейся ситуации не следовало приплетать мои чувства к Гидеону.

– Не понимаю, что делать, – призналась я шелковицам. – Что же выбрать?

Останусь – подведу маму.

Уеду – подведу бабушку и черных дроздов.

– Что с вами будет без пирогов? – прошептала я.

Мне представилась ужасающая картина: крылья у птиц желтеют и скукоживаются, совсем как листья. К горлу подступила тошнота, и я поспешно отогнала это видение.

Заросли мелиссы зашелестели. Я повернулась на звук и увидела мистера Кота. Он сидел, подергивая хвостом. Я забеспокоилась, не набросится ли он на птиц, но кот смотрел на меня, а на них не обращал никакого внимания.

– Ты тоже не знаешь, да?

Одна из птиц – чибис – вспорхнула, опустилась на стебель мелиссы и запела.

Кот, наклонив голову, поглядел на нее и пошел прочь.

Послышался скрип калитки, и в сад шагнул Гидеон с корзиной в руках. Он поздоровался с мистером Бойдом, который читал у забора. Тот оторвался от книги и помахал ему.

Мистер Бойд и Фейлин сегодня вечером идут на шоу в честь праздника, хотя между ними и без фейерверка вспыхивают искры. Эти двое дни напролет проводят вместе. Приятно наблюдать, как зарождается и крепнет их взаимная симпатия.

– Как поторговала футболками? – приблизившись, осведомился Гидеон.

– За час все распродала.

– За час? Потрясающе! Какие раскупили первыми? Дай угадаю: те, на которых написано «Летите вы на!..», верно?

Я засмеялась, вспомнив, с каким ужасом Сили уставилась на эту надпись.

– Не угадал. На которых написано «Кафе «Черный дрозд».

Гидеон понимающе кивнул.

– Ничего удивительного. – Он приподнял корзину. – Ну что, готова? Чем раньше выйдем, тем скорее увидишь, что я припас.

– То есть там еще что-то, кроме курицы?

– Еще куча всего!

Я торопливо подхватила стоящую на террасе сумку-холодильник и попрощалась с кабачками.

– Тогда пойдем.

Мы вышли на главную улицу. В обстановке всеобщего веселья и воодушевления люди, нагруженные корзинами, сумками-холодильниками и складными стульями, стекались к зданию суда. Энергия была ключом.

Большинство магазинов сегодня закрылись пораньше. Натянутые над входами разноцветные, яркие тенты трепыхались на ветру. Некоторые из них появились совсем недавно: в последнее время в Уиклоу заработали два ресторана и по меньшей мере полдюжины магазинчиков, включая книжный, свечной и швейный.

– Ты сегодня молчалива, – заметил Гидеон.

– Просто задумалась.

– О предложении Джинны?

Я так резко оглянулась на него, что едва не свернула себе шею.

– Нет, об Уиклоу. О том, что город наконец-то ожил. Мне кажется, я даже слышу, как он облегченно вздыхает.

– Вот как...

Я дотронулась до его руки.

– А ты хотел поговорить о том, что сказала Джина?

– Да нет, необязательно. Она же просто предположила...

– Да, точно. Предположила.

Вдали в небо со свистом взлетели фейерверки и с грохотом рассыпались на тысячи искр. Собравшиеся с нетерпением ждали, когда же начнется празднование.

Гидеон окинул меня взглядом, наполненным раскаленной лавой.

– Но, если мой дед и твоя бабушка пытались нас свести, у них это прекрасно получилось.

Меня бросило в жар.

– Я...

В этот момент я заметила в стороне, среди растущих между двумя магазинами кустов, какое-то движение и мелькание света и подошла туда.

Гидеон остановился.

– Что там?

– Ты видел?

– Что?

– Может, это звучит как бред, но, по-моему, тут только что промчался мистер Кот с бенгальским огнем в зубах.

Гидеон поспешил к обочине и, обшарив кусты, вернулся на дорогу.

– Я все обыскал. Там никого нет. Тебе точно не померещилось?

– Не знаю. Сюда ложится тень от домов, плохо видно. Может, еще поищем? Бенгальские огни – это же опасно...

– Ни один кот не будет держать в зубах горящую штуку, – возразил Гидеон. – Как только станет горячо – сразу же выплюнет. Согласна?

Мы все еще спорили, надо ли прекращать поиски, когда он появился снова. Мистер Кот преспокойно шествовал нам навстречу, уже без бенгальской свечи. Завидя нас, он резко свернул вправо, в узкий проход между магазином товаров ручной работы и кафе-мороженым.

– Зря волновались, – подытожила я, и мы продолжили свой путь.

– Странный какой-то кот, – обронил Гидеон, оглянувшись.

Я рассмеялась.

– Очень странный. Но мне нравится.

У тротуара напротив здания суда стояли четыре фургона-кафе, где продавались лакомства и напитки. На лужайке пестрели больше двадцати палаток, в которых шла бойкая торговля всем подряд, от попкорна до свежих овощей. Снова послышался свист, и в небе взорвалась череда фейерверков. Впрочем, было бы гораздо красивее, если бы уже успело стемнеть.

Мы с Гидеоном обошли всю лужайку, останавливаясь у каждой палатки, чтобы поглазеть на товар и поболтать с продавцами. Все они бурно выражали свой восторг от того, что тут собралось столько народу. Гидеон больше не заговаривал о словах Джины, и я была ему за это благодарна.

Мы подошли к сцене, и я сразу же различила в толпе Фейлин. При виде нас она принялась размахивать руками:

– Анна-Кейт, Гидеон! Сюда!

– Анкей! – копируя ее интонацию, закричала Олли.

Я с радостью отметила, что малышка и ее мама сидят вместе с Кэмом. Натали мало про него рассказывает, но и без того очевидно, что у них сильная взаимная симпатия. И хотя пока неизвестно, во что она выльется, приятно, что Натали улыбается.

Мы двинулись к Фейлин и компании. Олли, поднявшись, заторопилась мне навстречу. Я подхватила ее на руки.

– Пливет!

– А где же второй «пливет»? – спросила я у Натали.

– Исчез пару дней назад, – отозвалась та.

Я прижалась лбом к лобку малышки.

– Сначала ты научилась махать по-другому, а теперь еще и это...

Олли, ты так быстро растешь, я за тобой не успеваю.

Она сжала мягкими ладошками мои щеки и улыбнулась.

– Пливет!

– Привет, Олли.

Я крепко ее обняла и держала до тех пор, пока девочка не стала вырываться.

За какие-то шесть недель она очень повзрослела. Я уеду в университет и не увижу, как Олли становится старше. Глазом моргнуть не успею, как она уже будет оканчивать школу. Я посмотрела на Натали. Видимо заметив мои слезы, та вскочила на ноги и шагнула ко мне.

Вдруг кто-то окликнул меня по имени. Я обернулась.

– Анна-Кейт! – К нам спешил запыхавшийся мистер Бойд, жестами подзывая меня к себе. – Анна-Кейт, идемте скорее!

Я подбежала к нему.

– Что стряслось?

– В кафе пожар!

– Пожар начался внезапно, разразился как гром среди ясного неба, – рассказывала Джина Бартелеми. – Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Журналист, зачарованный напевными звуками ее голоса, уже давно перестал делать записи в блокноте.

– Что вы имеете в виду?

Мудрый взгляд темных глаз Джинны заморозил его.

– Только потеряв что-нибудь, осознаешь, как тебе это дорого.

Анна-Кейт

С замиранием сердца я взглянула вверх. Над кафе поднимался столб темного дыма.

Гидеон схватил меня за руку, и мы помчались туда. Рядом завывали пожарные сирены. Я споткнулась о трещину в асфальте, но Гидеон помог мне удержаться на ногах.

«Господи, пусть с шелковицами все будет хорошо! Ну пожалуйста!» – мысленно взмолилась я на бегу. Хотя они растут в отдалении от кафе, огонь легко может перекинуться на них.

Только бы банки с шелковичным сиропом уцелели!

Пожалуйста, пусть все закончится благополучно! Я не готова расстаться ни с кафе, ни с бабушкиным садом, ни с клиентами, которые стали мне друзьями. Ни с чем!

Только не сейчас...

Пожалуйста, только не сейчас!

Гидеон крепко сжимал мою ладонь. Мы петляли среди прохожих, направляющихся к зданию суда, чтобы с семьей или компанией приятелей весело отпраздновать День независимости. Я торопилась домой.

Домой...

Морально готовясь к худшему, я издали смотрела на кафе. На первый взгляд все было в порядке, только у обочины стояла пожарная машина, а рядом собралась кучка людей. Не видно ни языков пламени,

ни каких-либо других тревожных признаков. Даже почудилось, что я вот-вот увижу сидящего перед кафе мистера Лейзенби. Но скамейка у входа пустовала.

– Где пожар? – выдохнула я, озираясь по сторонам и утирая пот с лица. От быстрого бега покалывало в боку.

Вперед вышел молодой пожарный, пару раз обедавший в кафе.

– На лужайке позади дома, мэм. Его уже потушили. Мистер Бойд вовремя заметил огонь и залил его из садового шланга, а потом подоспели другие и набросили на горящие доски одеяла.

Маленькие городки нравились мне все больше. В мегаполисе пожарные бы понятия не имели ни о каком мистере Бойде.

– Благодаря их своевременным действиям пламя не затронуло ничего, кроме террасы, – добавил пожарный, пропуская нас во двор.

Шагнув через раскрытую калитку в сад, я первым делом бросилась к шелковицам. Деревья приветственно помахивали на ветру ветвями, словно уверяя, что они живы и здоровы.

Я вздохнула с облегчением и, осторожно обходя оставшиеся лужи, направилась к дому, пытаясь оценить создавшуюся ситуацию.

От ступенек остались только обуглившиеся головешки. Сама терраса почернела из-за покрывшего ее слоя сажи. В общем, все оказалось не так уж плохо. Доски и кирпичи можно отмыть, ступеньки заменить. Ничего, справлюсь. Все могло быть намного хуже.

Успокоившись, я обвела глазами сад и только сейчас заметила, во что превратились кабачки. Я рухнула на колени перед обгорелыми стеблями и унылой горсткой влажного пепла. Вот и все, что от них осталось.

Я отчаянно хватала ртом воздух. Они так хорошо росли, даже процветали... так щедро дарили мне плоды... А теперь...

– Мне очень жаль... – шепнула я.

Голос сорвался. Поток хлынули слезы. Я рыдала и не могла остановиться, даже когда почувствовала, что кто-то сел рядом со мной.

Гидеон обнял меня, привлек к себе и дал выплакаться.

* * *

На следующее утро, без чего-то семь, Гидеон вручил мне чашку кофе.

– Если не хотела продавать кафе, так бы и сказала, а не устраивала поджог.

– Не надо насчет этого шутить, – простонала я и, морщась от ощущения песка в глазах, устала на террасу.

Выяснилось, что она повреждена сильнее, чем казалось на первый взгляд. Вчера инспектор осмотрел ее внимательнее и объявил, что работу кафе можно будет возобновить только после ремонта. Вроде бы терраса необходима для эвакуации посетителей в экстренных случаях. Если честно, я лишь поняла, что кафе придется временно закрыть, и дальше не слушала. Конечно, я хотела отдохнуть, но не такой же ценой! Надо позвонить в страховую компанию и узнать, когда смогу получить полагающуюся выплату.

Гидеон придвинул мне табурет и принялся рыться в шкафчиках и холодильнике.

– Почему бы не пошутить, раз почти ничего не сгорело и никто не пострадал?

И правда, внутри кафе ничто не напоминало о вчерашнем пожаре, кроме легкого запаха дыма. Сажи – и той не было. Я искренне поблагодарила судьбу за это чудо.

Рядом с домом эксперты обнаружили бенгальскую свечу и постановили, что именно она явилась причиной возгорания. Неизвестно, как она сюда попала. Меня не оставляют подозрения, что это мистер Кот ее тут бросил, когда стало слишком горячо. Правда, неясно, где он ее вообще взял.

Сегодня я видела его в саду, рядом с шелковицами, и порадовалась, что он цел и невредим.

– Гидеон, что ты делаешь?

– Завтрак. Тебе нелишне подкрепиться.

– Ты прав. Спасибо. – Я почти не спала и не припомню, когда в последний раз ела. Кажется, вчера днем. Ничего удивительного, что умираю с голоду. – Только не кабачки, ладно?

Грустно улыбнувшись, Гидеон подошел и чмокнул меня в макушку.

– Ладно. Как насчет блинчиков?

– Отлично, давай.

Пытаясь отогнать от себя все тревоги и волнения, я наблюдала за Гидеоном. Приятно смотреть, как он ловко управляет на кухне. Впрочем, у меня и раньше не было сомнений, что он прекрасно готовит.

Отмерив нужное количество муки, сахара и пекарского порошка, Гидеон все перемешал в глубокой миске.

– Ты не переборщил? Этого же на целую армию хватит!

Он оглянулся на меня.

– Все правильно. Надо еще поджарить бекон.

– Я, конечно, жутко голодна, но столько не...

В этот момент дверь распахнулась, и в кафе влетела Джина. Подбежав, она повисла у меня на шее.

– Боже мой, деточка! Да на тебе лица нет!

– Джина хочет сказать, нам очень жаль, что случился пожар. – На пороге появился Лук.

– Именно это я и имела в виду. Дай бог тебе здоровья!

Следом за ними, бодро улыбаясь, в кафе ввалилась целая толпа: Натали и Кэм, док и Сили, Обин и Саммер, Марси и Джош, Фейлин, мистер Бойд и несколько орнитологов. Все они были одеты в футболки с логотипом кафе и сжимали в руках молотки, пилы и другие инструменты. Даже Сили держала элегантную розовую рулетку.

Я обернулась на разогревающего плиту Гидеона.

– Я что, сплю?

– Вот все и узнали, что ты регулярно видишь меня во сне, – засмеялся тот. – Ну, давай признавайся, что я мужчина твоей мечты!

Джина, театрально ахнув, нарочито покачнулась и начала обмахиваться ладонью. Лук при виде ее паясничания возвел взгляд к потолку.

Фейлин, приблизившись, похлопала меня по плечу.

– Так и думала, что между тобой и Гидеоном что-то есть! Никто не станет жарить курицу просто по дружбе.

– Дважды! – вставила Марси.

– Да, милочка, спасибо, что напомнила. Дважды! – Фейлин для наглядности подняла вверх два пальца. – Тебе привет от Пиблз и мистера Лейзенби. Они не смогли прийти, потому что сидят с нашими крохами. После завтрака Саммер подсобит им с детишками.

Крепко зажмурившись, я по очереди раскрыла сначала один глаз, потом другой.

– Если нужно, чтобы тебя ущипнули, обратись к Гидеону. Уверена, он сделает это с удовольствием! – Джина многозначительно приподняла брови.

– Смотри, по твоей милости они нас мысленно уже поженили, – упрекнула я Гидеона.

Он пожал плечами.

– Джина права.

Я поднялась с табурета.

– А что вообще происходит? Почему вы все здесь?

– Как это почему, деточка? – удивилась Джина. – Мы пришли помочь тебе с ремонтом. Новая терраса сама себя не построит.

– Как заметила когда-то одна очень симпатичная девушка, так работа пойдет быстрее, – громогласно вмешался Обин.

– Вот-вот, – закивал Лук.

Я даже прослезилась.

– Но без страховой выплаты...

– Ерунда! – прервала меня Фейлин. – Будем мы ждать этой выплаты! Надо скорее открыть кафе.

– Только ведь уже через пару недель его придется снова закрывать...

– Лапонька, мы прекрасно видим, что ты обожаешь работать в кафе, и не допустим, чтобы ты была этого лишена, даже на пару недель, – возразила Джина. – Мы тебя любим и хотим, чтобы ты была счастлива. И еще мы намерены получать удовольствие от общения с тобой вплоть до твоего отъезда. Ясно?

– Да, мэм. – Я не выдержала и заключила Джину в объятия.

Господи, что со мной стало? Я лезу к людям обниматься и преспокойно обращаюсь к женщинам «мэм»! Как я до такого дошла?

Хотя в глубине души я прекрасно знала как.

Уиклоу все-таки меня затащил. А я и рада.

– Обнимашки! – закричала Фейлин.

Не успела я и глазом моргнуть, как все, сгрудившись в кучу, со смехом обхватили меня и друг друга руками.

Эти проявления любви тронули меня до глубины души. От избытка чувств я даже не задалась вопросом, почему у Джины в волосах торчит птичье перо.

С тех пор как мы закончили ремонт, прошло несколько дней. Я испекла пироги на завтра, но вместо того, чтобы пропалывать грядки, уселась, скрестив ноги, на скамейку в саду и завела беседу с шелковицами. К сожалению, пока все мои вопросы оставались без ответа.

Неожиданно кто-то меня окликнул:

– Анна-Кейт! Здравствуй!

Обернувшись, я увидела, что у калитки стоит Сили и машет мне. От дуновения ветерка, долетавшего с гор, ее шелковый шарфик слегка развевался. Я жестом пригласила ее войти.

Приблизившись, она неловко обняла меня и, опустившись на скамейку, смахнула с трикотажного платья фасона «шифт» пылинку.

– Джеймс чуть ли не насильно вытолкнул меня из дома. Говорит, что я докучаю ему непрерывными хлопотами и постоянной заботой. – Она пальцами изобразила кавычки.

– А ты хлопчешь?

– Разумеется! – засмеялась Сили. Солнечный свет отразился в ее голубых глазах, наполнив их теплом. – Как же иначе?

– И правильно делаешь.

– Спасибо, – поблагодарила Сили и улыбнулась. – Я напрасно брюзжу. Даже хорошо, что Джеймс выпроводил меня на прогулку. Как раз собиралась с тобой поговорить.

– Да? О чем?

– Во-первых, вот. – Она раскрыла вместительную сумку и вытащила оттуда манильский конверт. – Это обещанная копия полицейского отчета. Просмотри ее. Если будут вопросы – задавай.

Я приняла из ее рук конверт. Стоит ли вообще в него заглядывать? Это ведь ничего уже не изменит.

Однако, должна признать, мне стало любопытно. Может, сейчас я наконец отыщу ключ к прошлому.

– Спасибо.

Сили достала тетрадь в кожаной обложке.

– Пожалуйста. А во-вторых, ты, наверное, уже в курсе, что я пытаюсь узнать Иден получше?

– Да, мне об этом упоминала пара человек.

На самом деле не меньше дюжины. В маленьких городках трудно сохранить что-либо в секрете.

– Так вот, никто не мог мне ничего толком рассказать: Иден мало с кем общалась. Но потом до меня дошло, что я просто не там ищу. – Она раскрыла тетрадь.

Отогнав мошку от лица, я взглянула на совершенно чистую, пустую страницу.

– Здесь же ничего нет!

– Потому что все, что нужно, вот тут. – Она указала на меня. – Именно по тебе лучше всего судить, каким человеком была Иден. То, как ты ринулась на выручку Саммер, говорит о твоей доброте. Согласие на то, чтобы туристы установили во дворе палаточный лагерь, – о щедрости. Решение отдать Обину деньги за проданный ежевичный чай – о честности. Составленные рецепты – о творческой жилке, а слоганы на футболках – о прекрасном чувстве юмора. Доброе отношение ко мне и Натали – об умении прощать. Готовность взвалить на себя дела кафе и работать сразу после пережитой трагедии – о сильном характере, а помощь мистеру Лейзенби – о золотом сердце. И главное, ты способна искренне любить. Это видно по тому, как ты обращаешься с Олли. – Сили сжала мою руку. – Конечно, некоторые из этих достоинств принадлежат только тебе, но многие качества ты наверняка переняла у матери. А значит, я уже знаю об Иден достаточно. У меня не осталось сомнений, что авария – действительно несчастный случай, и я глубоко сожалею о том, как обращалась с твоей мамой. Мне очень стыдно.

Я взглянула на шелковицы. Надеюсь, мама услышала запоздалые извинения и приняла их, потому что они явно шли от чистого сердца.

Сили выпустила мою ладонь. На ее жемчужных бусах сияли солнечные блики.

– Я не могу говорить за Иден, но как мать, которая за последнее время многое осознала, считаю, что она прежде всего желала бы тебе счастья. И, безусловно, освободила бы от данного обязательства. Однажды ты пожаловалась, что никого не интересуешь, чего хочешь ты. Так вот я интересуюсь: чего ты хочешь, Анна-Кейт?

Я стиснула кулаки.

– Сама не понимаю.

– Думаю, понимаешь, причем с первого же дня в Уиклоу. Признайся себе в этом, иначе ты никогда не станешь счастливой. – Сили поднялась. – Ну, мне пора. Пойду и дальше докучать Джеймсу.

– Подокучай как-нибудь и мне, хорошо?

– Обязательно.

Сили помахала рукой и ушла, а я задумалась над ее словами.

Ясно, чего хотела бабушка.

И мама.

А чего хочу я?

Я поочередно взглянула на кафе, на любителей птиц, на Дом на холме.

Я хочу посмотреть, сблизятся ли мистер Лейзенби и Пиблз и откроет ли Обин гостиницу. Научится ли Олли плавать к концу года и позволит ли себе Натали снова полюбить. Хочу слушать сплетни Фейлин, рассказы мистера Бойда о его матери и многочисленные истории дока, особенно те, что касаются моего отца. Наблюдать за переменами в поведении Сили, получать открытки от Лука и Джинны и каждое утро пить с Гидеоном кофе.

Придумывать новые рецепты чая.

Печь пироги и наслаждаться пением черных дроздов.

Жить в Уиклоу.

– Я все решила, – обратилась я к шелковицам. – Я выбираю... себя. Я тут счастлива. Буду рада использовать свой дар, чтобы исцелять, утешать, успокаивать жителей городка. Мое место здесь.

Внезапно я заметила, что с ветки одной из шелковиц на меня смотрит черный дрозд. Птица слетела вниз, и я различила вокруг ее зрачков зеленые радужки. Мама.

Она запрыгала по траве, время от времени дотрагиваясь до земли клювом. Сначала я решила, что она ищет опавшие ягоды, как другие птицы. Но, приглядевшись, обнаружила, что мама движется по контуру выступающих корней. Я с замиранием сердца следила, как она повторяет один и тот же маршрут.

Мама передавала мне послание.

– Лишь там, где ее корни, рядом с двумя деревьями, в душе воцаряется мир, – процитировала я бабушкины слова.

Мама наклонила головку и, влетев в портал, исчезла из виду.

Черные дрозды появляются днем чрезвычайно редко, только по особым случаям.

Сегодня они прилетели, чтобы ознаменовать мое возвращение домой.

* * *

Пуховые облака собирались у горизонта, нависая над горными вершинами. Листья тюльпанных деревьев дрожали на ветру. Я миновала заржавевшую металлическую арку и ступила на городское кладбище. Сегодня я пришла сюда не из-за кота или черных дроздов, а по велению собственного сердца.

Проходя мимо бабушкиной могилы, я уставилась себе под ноги, чтобы не смотреть на нее, а у фамильного захоронения Линденов задержалась и поздоровалась с папой.

Обина Павежо я нашла там, где предполагала: под раскидистым кленом, перед надгробным камнем Фрэнси.

Я прокашлялась. Подняв на меня взгляд, Обин вытащил изо рта палочку и сунул в задний карман.

– Анна-Кейт? Что ты тут делаешь?

– Не против, если я присяду?

На его лице промелькнула тревога. Обин приглашающе похлопал ладонью по земле. Я опустилась на траву и положила рядом манильский конверт.

– Что это? – осведомился Обин.

– Полицейский отчет об автокатастрофе, в которой погиб отец.

Обин вытаращил глаза и, приподняв кепку, вытер пот со лба.

– Я ждал этого момента двадцать пять лет. Вот и наступил час расплаты.

– Вы тоже ехали в той машине, не так ли? – Я старалась унять сквозящее в голосе волнение. Наверняка у него была веская причина молчать столько лет.

– Как ты догадалась?

Я открыла конверт и вытащила один из снимков, сделанных после аварии. Это была фотография заднего сиденья. На нем валялись

осколки стекла и... веточка ликвидамбара.

– Ее явно жевали. – Я ткнула в побелевший, раздавленный кончик.

Видимо, полицейские не поняли, что это за палка, а может, даже разбираться не стали. Но я сразу смекнула, кто ее там оставил.

– Что произошло в тот день, Обин?

Он сорвал травинку и покатал ее между пальцами.

– Кое-что тебе и так известно. Мы ехали в Таскалусу, посмотреть на университет Эджея. Они с Иден были друг от друга без ума и всю дорогу ворковали, как голубки. Мне их болтовня казалась до того приторной, что аж противно стало. – Он поглядел на меня. – Я тогда даже не представлял, что такое любовь, потому что еще не встретил мою Фрэнси.

Я улыбнулась, вообразив маму, щебечущую какие-нибудь нежные глупости. Для нее такое поведение было совершенно нехарактерно.

– Они не ругались? Говорят, в то лето родители часто ссорились из-за ультиматума Сили.

– Не ругались, потому что Эджей уже все решил.

– Папа выбрал маму? – Это, разумеется, положило бы конец их перебранкам.

– Можно сказать и так. Главное, он выбрал себя. Предпочел поступить так, как считает нужным. Эджей любил Иден и намеревался на ней жениться. А еще он хотел стать врачом, поэтому в тот день мы ехали в колледж, чтобы узнать, как можно оплатить обучение без помощи родителей.

Он выбрал себя. Мысль о том, что я все-таки пошла по стопам отца, наполнила меня гордостью. На глаза навернулись слезы.

Обин сорвал еще одну травинку.

– Эджей сумел очаровать всех в университете, и ему согласились предоставить стипендию для оплаты обучения. Кроме того, в общежитии имелись номера для супружеских пар, поэтому Эджей с Иден планировали сыграть свадьбу в начале сентября, в День труда. На обратном пути мы устроили пикник, чтобы отпраздновать поступление Эджея, и выпили несколько бокалов...

– Но в отчете написано, водитель был трезв.

– Иден не пила, поэтому и настояла на том, что сама сядет за руль.

Полицию, вероятно, не интересовало, был ли пьян папа. Ведь вела машину мама...

Обин опустил голову.

– Это был удачный денек. Мы то и дело смеялись и шутили. А когда приблизились к мосту через реку... – Он умолк. Я подождала, пока Обин соберется с мыслями. Он закрыл глаза и продолжил: – Откуда ни возьмись вылетела птица, а за ней из-за кустов на дорогу выскочил серый котяра. Все произошло так внезапно, что Иден даже не успела затормозить. Инстинктивно свернула, но все равно задела и птицу, и кота. Автомобиль скатился с дороги и врезался в дерево. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что Иден лежит без сознания, а Эджея при столкновении вышвырнуло из машины. – Обин сглотнул. – Он умер мгновенно.

– А вы? – выдавила я.

– Здорово треснулся головой об оконное стекло и сильно порезал руку осколками. Я прижал к ране лоскутное одеяло, чтобы остановить кровотечение, и дал деру.

Я обняла колени и подтянула их к подбородку.

– Почему?

– Испугался. В тот день я отпросился с работы. Наврал, что болен. Если бы это вскрылось, меня бы уволили, а без моей зарплаты мы с мамой бы не выжили. И еще я боялся, что меня признают виновником аварии и посадят. Линдены меня недолюбливали и вполне могли надавить на полицейских. Конечно, бежать было глупо, ведь Иден знала, что я находился в машине. Но я с перепугу плохо соображал. Потом ко мне вернулась способность мыслить здраво. Я уже хотел во всем признаться, и тут выяснилось, что Иден потеряла память.

– И вы позволили возложить всю вину на нее? – От избытка чувств я едва не задохнулась.

– Я собирался все объяснить. И не смог. Сначала надеялся, что полицейские заметят на машине кошачий мех или птичьи перья и все поймут, но те так ни о чем и не догадались. Меня мучила совесть, особенно после того, как Сили стала доказывать, что Иден намеренно убила Эджея. В конце концов я пришел в кафе, отдал Иден выстиранное лоскутное одеяло и все рассказал. Я рыдал, как ребенок, и уверял ее, что все исправлю.

На землю упал кленовый лист.

– Но... не исправили.

– Иден простила меня и сказала, что своим молчанием я сделал ей одолжение: иначе она никогда не узнала бы, что собой представляет семейка Линденов. Это она убедила меня не идти в полицию, мол, ей все равно не поможет, а мне навредит. Обещала, что никому не расскажет, и взяла с меня слово молчать. Вскоре после того она уехала из Уиклоу, а я до сегодняшнего дня хранил наш секрет.

Ох уж эти мамины обещания... Я крепче обняла колени. Мама не нарушила данного Обину слова: она всегда настаивала, что это был несчастный случай, но никогда не вдавалась в подробности.

А вдруг Зи знала? От этой мысли у меня буквально волосы встали дыбом. Я больше не сомневалась, что бабушке были известны обстоятельства произошедшего. Теперь все становилось на свои места. Условия в ее завещании... И приятельские отношения с Саммер, без которой я не встретила бы с Обином. Зи все спланировала. Устроила так, чтобы я, задержавшись в Уиклоу, смогла выяснить правду об аварии и найти себя.

Зи до конца своих дней продолжала утешать, исцелять, успокаивать.

– Я жалкий трус. Я подвел Иден. И Эджея. И себя. Хотя твоя мама меня простила, сам я до сих пор не могу себе этого простить. – Он взглянул на надгробие Фрэнсис. – Даже вообразить себе не могу, как бы я отреагировал, если бы кто-то обвинил меня в преднамеренном убийстве Фрэнси. Не представляю, как Иден это пережила.

Если честно, я тоже не представляю. Я убрала фотографию.

Обин поднял конверт.

– Пойду к Джошу Колбо и все ему выложу. Пора всем сообщить, что тогда стряслось, и оправдать Иден раз и навсегда.

Я дотронулась до его плеча.

– Не стоит. Мама не хотела этого раньше и сейчас не изменила бы своего решения.

Обин помолчал, обдумывая мои слова.

– Анна-Кейт, мне очень жаль, что все так вышло. Я бы всей душой желал, чтобы ты жила вместе с обоими родителями и видела, как они любят друг друга.

– Я тоже.

Однако не все потеряно: здесь, в Уиклоу, я постоянно открываю для себя что-то новое о маме и папе. От Обина. От Линденов... И мне

еще много предстоит узнать. Потому что я остаюсь в Уиклоу.

– Надеюсь, ты не станешь держать на меня зла, Анна-Кейт.

Я сжала его ладонь.

– Что такое дружба, мистер Павежо?

Он вскинул вверх наши сомкнутые руки.

– Наверное, то, что происходит между нами.

– Наверное.

Однако, на мой взгляд, то, что происходило между нами, было похоже не только на дружбу, но и на исцеление.

Анна-Кейт Кэллоу подошла к столику. Ее медные волосы полыхали в лучах солнца. Весь зал был залит светом. На деревянных панелях сияли проникающие через высокие окна солнечные блики.

Обстановка в кафе была уютной и благожелательной. Повсюду распространялся восхитительный, аппетитный аромат чего-то сладкого и пряного.

– Я думала, вы уже закончили статью, – заметила Анна-Кейт. – Вы довольно долго над ней работаете.

Журналист тоже не предполагал, что это займет так много времени. Он понятия не имел, как объяснить редактору, каким образом заметка о черных дроздах плавно перетекла в рассуждения о жизни и любви, потерях и прощении.

– Осталось дописать совсем немного. Вероятно, я уеду через пару дней.

Анна-Кейт мило улыбнулась и сунула руки в карманы фартука.

– Наверное, я должна была предостеречь вас с самого начала: Уиклоу частенько затягивает прибывших и не отпускает.

По запотевшей стенке стакана сползла капля воды.

– Женщина – первая, у которой я брал интервью, – сказала, что Уиклоу – необычный городок. И она права.

Анна-Кейт рассмеялась, и ее глаза весело блеснули. Она уже направилась было в кухню, но потом обернулась.

– Живите в Уиклоу сколько душе угодно. Мы всегда рады видеть вас в кафе «Черный дрозд».

Анна-Кейт

– Эй! – прокричала Фейлин, размахивая руками. – Мы тут! Давайте скорее, кино вот-вот начнется!.. Смотрите все, Гидеон с Анной-Кейт пришли!

Гидеон повернулся ко мне.

– Ну уж на третий-то раз с курочкой должно все получиться!

– Надеюсь. А то мне кажется, что я единственная ее до сих пор не попробовала.

– Не волнуйся, Анна-Кейт. – Гидеон сжал мою ладонь. – Я еще много нажарю. Только попроси.

– Это что, часть твоего грандиозного плана по приобретению кафе?

– Верно, – улыбнулся Гидеон.

– Одобряю!

При виде нас, держащихся за руки, брови Фейлин полезли на лоб, но, к моему удивлению, она не стала привлекать к этому всеобщее внимание.

Сидящий рядом с Фейлин мистер Бойд застенчиво кивнул нам.

Здесь же разместились Марси, Джош и Линди-Лу, которая, как обычно, дремала. Док прислонился к стволу магнолии, а на коленях у него уютно устроилась Олли. Док читал ей книжку про голубой грузовичок. Заметив нас, он подмигнул мне и продолжил чтение.

– Наконец-то! – воскликнула Натали. – Могу поспорить, мама сунула кому-нибудь взятку, чтобы фильм не включали, пока вы не подойдете.

Сили посмотрела на меня.

– Ну разве это взятка? Так, мелочи. Десять долларов и футболка с принтом от Обина.

– Правда, Сили? Я и не знал, – подал голос расположившийся возле Натали Кэм. – Эти футболки идут прямо-таки нарасхват.

– Разлетаются, как горячие пирожки, – подтвердила Марси. – Обин не успевает их изготавливать. Гидеон, ты сегодня попотчешь нас жареной курочкой? Она мне даже снится!

– Бедный Джош, – хихикнула Пebbлз. – Его жена видит во сне не мужа, а курицу!

Они с мистером Лейзенби сидели рядышком на одинаковых складных стульях. И, как и мы с Гидеоном, держались за руки.

– За меня не беспокойтесь, – возразил Джош. – Мне тоже частенько снится курочка Гидеона.

Улыбнувшись, я расстелила одеяла на свободном островке между Натали и Сили.

– Что там за курочка? – оживился мистер Лейзенби.

– Твоя любимая, – заверила его Фейлин. – Гидеон угощает!

Мистер Лейзенби попытался состроить недовольную мину, но не выдержал и сипловато захохотал. От его смеха на душе стало теплее.

Гидеон пустил по кругу блюдо с курицей, а я вытащила из сумки-холодильника и раздала всем баночки со сладким ежевичным чаем. Днем Джина помогала мне их упаковывать и заодно делилась планами предстоящих путешествий по стране. Они собирались отбыть, как только я подыщу им замену. Когда я вновь попросила Джину остаться, она погладила меня по руке и объяснила, что слишком долго сидела в клетке и теперь готова лететь навстречу приключениям. Джина обещала, что они вернутся на Рождество, и я приложу все усилия, чтобы так и случилось.

– Пливет, Аннакей! – оторвавшись от книжки, поздоровалась Олли.

На прошлой неделе она прибавила вторую «а» в моем имени. Еще немного – и малышка будет легко и четко выговаривать «Анна-Кейт». Я была счастлива, что увижу, как Олли растет.

Подойдя, я чмокнула в макушку сначала ее, а потом дока.

– Как вы мило смотрите!

Док подмигнул.

– Но не так, как вы с Гидеоном.

Сили шутливо толкнула его в бок.

– Ну-ка помолчи! Ты ее смущаешь!

– Ничего страшного, меня не так-то легко смутить.

– Отлично. А то Сили решила устроить семейную фотосессию в одинаковых нарядах, – предупредил док.

– Не в одинаковых, а в хорошо сочетающихся, – поправила Сили.

– Извини, дорогая, перепутал.

Рассмеявшись, я опустилась на одеяло. Натали с Кэмом, дурачась, отнимали друг у друга куриную ножку. Очевидно, что эти двое пришли на романтическое свидание, а не просто посмотреть кино. Я перевела взгляд на Сили, желая выяснить, как она к этому относится.

Та улыбнулась и, наклонившись ко мне, шепнула:

– Если он нравится Натали, то, пожалуйста, и мне тоже. Вот только бороду, конечно, надо сбрить. Боже мой, что за вид!

Освещение стало меркнуть, и все умолкли. Гидеон уселся рядом со мной и, притянув к себе, поцеловал в висок. На сегодняшний утренний

кофе он зашел гораздо раньше обычного – еще вчерашним вечером: эту ночь Гидеон провел у меня.

Если его дедушка и Зи умышленно старались нас сосватать, то за это их можно только поблагодарить.

Экран зажегся... и сразу же потух. Все разочарованно загудели. Но вот он снова вспыхнул, и на нем появились первые кадры мультика «В поисках Дори». Толпа зрителей разразилась аплодисментами, которые, впрочем, быстро сменились недовольным свистом: персонажи заговорили по-французски.

Несмотря на ошибку в выборе языка, мультфильм никто не выключал, и показ продолжался. Многие начали расходиться.

– Ну что? Уходим или остаемся? – спросила Фейлин.

– Лыбка! – Олли, поднявшись на цыпочки, указала на экран. – Лыбка!

– Остаемся, – хором ответили мы.

Фейлин засмеялась.

– Будь по-вашему. Гидеон, ты сегодня, случайно, не принес тех пирожков из слоеного теста?

Я, улыбаясь, глядела на знакомые лица. На людей, которых лишь недавно встретила, но уже успела полюбить.

Возможно, Уиклоу затянул меня и держит. Только я держусь за него еще крепче и никогда не отпущу.

Благодарности

Я чрезвычайно признательна моему агенту, Джессике Фауст, которая всегда верила в меня и мое творчество и с первой же страницы поверила в эту историю тоже. Джессика, спасибо за вашу поддержку! Даже не знаю, как вас благодарить за все, что вы для меня сделали.

Эми Стэпп, спасибо, что доверила мне рассказать эту историю. Твоя мудрость, проницательность и неоценимая помощь позволили вывести книгу на новый, высокий уровень.

Я глубоко благодарна потрясающим, неутомимым сотрудникам издательства «Фордж Букс» за то, что помогли оживить на страницах книги очаровательный городок Уиклоу.

Шэрон, Шелли, Кэти и Хильда, спасибо за ваши советы, дружбу и объятия, и за то воодушевление, с которым принимаете все мои безумные идеи.

Дорогие читатели, вы дарите мне вдохновение. Огромное спасибо за то, что выбрали мою книгу!

И, наконец, хочу выразить благодарность своей семье. Вы делаете мою жизнь чудесной и счастливой. Спасибо за все!

notes

1

65 м². (Здесь и далее: прим. перев.)

Национальное объединение дочерей Конфедерации (*англ.* United Daughters of the Confederacy) – общественная женская организация, занимающаяся в основном поиском и сохранением информации о войне между Севером и Югом.

Международная ассоциация молодежных лиг (*англ.* Association of Junior Leagues International) – некоммерческая женская образовательная организация, занимающаяся улучшением социальной, культурной и политической жизни в обществе.

4

1,77 м.

Здесь приводятся строчки из популярной детской песенки «Спой шестипенсовую песню» (*англ.* Sing a Song of Sixpence). Она появилась в Англии предположительно в восемнадцатом веке. Автор неизвестен.

6

Пинта, кварта, галлон – меры объема для жидкостей и сыпучих тел в США.

1 американская сухая пинта $\approx 0,55$ литра.

1 американская сухая кварта $\approx 1,1$ литра.

1 американский сухой галлон $\approx 4,4$ литра.

7

9,14 м.

8

1,74 м.

Суккоташ – блюдо американской кухни из кукурузы и фасоли или других бобовых.

10

2,7 кг.

11

90 °F \approx 32 °C.

12

Приблизительно 2,3 кг.